АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

ДЕВЯТОЙ (ТАЛЛИНСКОЙ) СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(ОКТЯБРЬ 1966 г.)

ТАЛЛИН 1966

203900

IA-7/21

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

ДЕВЯТОЙ (ТАЛЛИНСКОЙ) СЕССИИ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(ОКТЯБРЬ 1966 г.)

На правах рукописи

ТАЛЛИН 1966

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
203900

Тезисы докладов и сообщений печатаются в том виде, в каком они были представлены их авторами в Организационный Комитет по подготовке и проведению симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Учитывая ограниченные размеры издания, в отдельных случаях тезисы сокращены. Во исполнение резолюции предшествующей восьмой сессии симпозиума I—V секции построены по тематическому принципу. VI-ая секция построена по хронологически-тематическому принципу.

Ответственные редакторы Ю. Ю. Кахк и В. К. Яцунский.

ДОКЛАДЫ

НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

С. Я. БОРОВОЙ, Г. П. ЖИДКОВ, Ю. Ю. КАХК, П. Г. КОЗЛОВСКИЙ,
А. С. КОЦИЕВСКИЙ, В. М. КРУТИКОВ,
Х. М. ЛИГИ, В. В. ЧЕПКО, М. Н. ЮЧАС[1].

К ВОПРОСУ О ЗАВИСИМОСТИ ИНТЕНСИВНОСТИ И ФОРМ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА ОТ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И СТЕПЕНИ ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН

Марксистскими историками уже давно убедительно доказано, что тяжелое экономическое положение и эксплуатация крестьян помещиками явились основными причинами, толкавшими их на классовую борьбу и антифеодальные выступления. Но это общее положение, безусловно, требует дальнейшего раскрытия и уточнения. Нужно найти ответ на целый ряд вопросов. Так, например, необходимо выяснить — существовала ли прямая зависимость между степенью феодальной эксплуатации, экономическим положением крестьян и крестьянским движением? Как и в какой степени основные тенденции и специфика развития феодальной экономики какого-либо района отражаются на развитии крестьянского движения в том же районе? Имеются ли ясно ощутимые совпадения в территориальном распределении различных методов и типов феодальной экономики и различных по своей силе и форме районов крестьянского движения? Наблюдается ли какая-нибудь синхронность в развитии феодальной экономики и крестьянского движения?

Целью коллективного доклада является, если не найти ответ на эти многочисленные и сложные вопросы, то во всяком случае хоть в некоторой степени приблизиться к их решению.

*

[1] Раздел тезисов по Украине ко времени напечатания тезисов не был получен.

Характер и масштабы крестьянского движения в южной Украине («Новороссии») в конце XVIII — первой половине XIX в. определялись не только общими для всей страны социально-экономическими и политическими предпосылками антифеодальной борьбы крестьянства в период разложения крепостнической системы, но и специфическими условиями, сложившимися в этом районе. Важнейшими из них, наложившими свой отпечаток и на характер крестьянского движения в этом районе, были 1) бурный процесс колонизации переживаемый этим районом, 2) исключительно сложная и пестрая структура земледельческого населения, состоявшего из разных групп, которые имели неодинаковое правовое положение, обладали различной мерой личной «свободы» и сильно отличались возможностями в хозяйствовании и в борьбе за имущественное благополучие и 3) обстоятельство резко выделявшее Новороссию среди других районов страны — в конце XVIII — начале XIX в. там еще не было оформлено прикрепление крестьян к земле. «Нормальные» крепостнические порядки в Степной Украине утвердились лишь к концу первой четверти XIX в.

Крестьянство Новороссии сложилось из разнообразных элементов, и дальнейшие судьбы его в значительной мере определялись тем, оказывалось ли оно на землях, отведенных помещиками, или же на землях закрепленных за казной. Но и поселившиеся на помещичьих землях крестьяне не сразу и не повсеместно превращались в крепостных. Еще в конце XVIII в. основная масса населения помещичьих владений представляла собою феодально-зависимых крестьян, сохранивших с известными ограничениями право перехода и некоторые личные права. Даже в первой четверти XIX в. на помещичьих землях жили не только закрепощенные крестьяне.

По мере утверждения «нормального» крепостнического строя росли и повинности помещичьих крестьян. Так, после указа 1796 г. в большинстве поместий Степной Украины мы наблюдаем переход от двухдневной к трехдневной барщине. Наблюдаются и попытки перевода крестьян на месячину.

Государственные крестьяне были в несколько лучшем положении, чем помещичьи. Однако непривычные природные условия, частые эпидемии и эпизотии, мелочная опека, злоупотребления чиновников, налоговое бремя и притесне-

ния соседних помещиков, а также посягательства на крестьянские земли создавали огромные трудности в хозяйственной деятельности крестьян и служили причинами их недовольства.

Сформулированные выше три важнейшие черты развития аграрных отношений в Степной Украине, а также особенности положения двух основных групп земледельческого населения — помещичьих и государственных крестьян — предопределили причины, поводы и так сказать типологию крестьянского движения в этом крае.

Особенности социально-экономического и исторического развития привели к тому, что наиболее характерной формой крестьянских выступлений в этом крае были массовые движения, связанные с самим процессом закрепощения, имевшим, как указывалось, сложную и длительную историю. Наиболее ярким примером могут служить волнения конца 80-ых и 90-ых гг. XVIII в., связанные с организацией Черноморского казачества; волнения 1807 г., вызванные созданием Буджакского казачьего войска; волнения, охватившие массы крестьян в Тираспольском у. (в конце XVIII — начале XIX в.). Последним массовым движением такого характера был так наз. уход «в Таврию, за волей», в которой были вовлечены массы крестьян Степной Украины после Крымской войны.

Обобщая результаты исследования крестьянского движения в Степной Украине в дореформенный период, мы можем констатировать, что усиление эксплуатации обычно лишь тогда вызывало значительный подъем крестьянского движения, когда оно было связано с радикальными изменениями в положени крестьян, влекавшими за собою не только возрастание экономического гнета, но и ограничение прав личности в широком смысле.

*

Во второй половине XVIII в. быстрое развитие фольварочного хозяйства в Белоруссии еще не привело к существенному сокращению крестьянского земельного фонда. Господская запашка в крупных владениях обычно не превышала одной трети всей пахоты, а в мелких имениях — 40%.

В результате этого обеспечение крестьянского хозяйства землей было в целом еще удовлетворительным. На до-

лю крестьянского двора приходилось в среднем по 0,5 волоки (около 10 десятин) пахотной земли. Кроме того крестьяне пользовались сенокосными и пастбищными угодьями.

В первой половине XIX в. помещики, хозяйство которых все больше захватывали товарно-денежные отношения, значительно расширили свою запашку. Последняя составила от 40% до 60% всех пахотных земель Белоруссии. При этом на западе и в центре (Гродненская и Минская губернии) удельный вес господской запашки был выше, чем на востоке (Могилевская и Витебская губернии). Такое изменение повлияло и на площадь крестьянского надела. В отличие от земельного распределения XVIII века, в состав надела теперь входила не только пахота, а вся земля, находившаяся в пользовании крестьян — и пахотная, и сенокосная и «неудобная». Обрабатываемая земля составляла в таком наделе в среднем от $^1/_2$ до $^2/_3$ всей площади. Таким образом, несмотря на то, что закрепленная за крестьянами площадь земли, именуемая в источниках «наделом», не уменьшилась, по сравнению со второй половиной XVIII в., произошло фактически довольно значительное сокращение пахотных участков. Это было вызвано тем, что помещики расширяли свою запашку как за счет пустошей, так и за счет сенокосов, находившихся ранее в пользовани крестьян. Часто крестьян переводили на худшие земли, отняв у них хорошо обработанную пашню.

Ко второй половине XVIII в. значительно возросли, по сравнению с предшествовавшим периодом, крестьянские повинности и изменился их характер. За счет перевода с денежного чинша на барщину крестьян королевских экономий, многих «староств» и некоторых частных владений во второй половине XVIII в. увеличился в целом по Белоруссии удельный вес отработочных повинностей в системе феодальной ренты. Это не привело, однако, к вытеснению денежной ренты. Не менее $^1/_3$ части всех крестьян в центре и на западе Белоруссии оставались чиншевиками (оброчными), а в восточной зоне денежная рента превалировала вплоть до 70-х годов XVIII в.

В дальнейшем произошли существенные изменения в обложении крестьян феодальной рентой. Первая половина XIX в. — это период господства барщинной системы в Белоруссии. Более 97% помещичьих крестьян были тогда уже барщинниками. До середины сороковых годов и государственные имения (бывшие королевские и конфискованные)

находились на «хозяйственном положении», т. е. их крестьяне выполняли барщину.

Процесс быстрой товаризации помещичьего хозяйства привел не только к большому росту численности барщинных крестьян, увеличению их удельного веса в общей массе крестьянства, но и к количественному росту барщины. Этот рост особенно заметен со второго десятилетия XIX в. К 40-м годам в Белоруссии преобладала еженедельная барщина по 6 дней в неделю с крестьянского хозяйства.

К 40-м годам XIX в. крестьянское хозяйство пришло в результате тяжелого гнета в упадок, поля истощились и зарастали из-за плохой обработки. Неурожаи, голод, эпизотии и эпидемии все чаще поражали деревню.

Белорусское крестьянство вело упорную борьбу против своих угнетателей. Оно использовало все характерные формы антифеодальной борьбы. Соотношение этих форм менялось в зависимости от исторической обстановки. Во второй половине XVIII в. преобладали пассивные формы классовой борьбы: 1) подача жалоб королю (в государственных владениях) или магнату (в вотчинах) на временных держателей имений, администраторов и слуг; 2) уклонение от выполнения феодальных повинностей; 3) бегство.

Открытый отказ от выполнения повинностей и крестьянские волнения, тем паче восстания, были в тот период значительно реже.

Наступление фольварка на жизненный уровень крестьян, развернувшееся во второй половине XVIII в., не успело еще разорить крестьянство. Крестьяне испытывали жестокий гнет, но не были доведены до отчаяния и сравнительно редко брались за оружие. Но под влиянием гайдамацкого восстания на Украине оживилось крестьянское движение в Мозырском повете Белоруссии. В 70-х, 80-х годах XVIII в. неоднократно выступали крестьяне Слонимского староства; против них были направлены крупные вооруженные отряды. Разрозненные выступления крестьян имели место и в отдельных магнатских вотчинах. Во всех случаях вооруженные выступления крестьян были непосредственно вызваны усилением феодального гнета на данной территории (Слонимское восстание). Однако активность классовой борьбы крестьян в каждом конкретном случае зависела не только от размеров причиненных крестьянам обид, но и от целого ряда других факторов, в том числе от соотношения сил, от организованности крестьян. Поэтому непосредственная

связь между степенью активности крестьянских выступлений и уровнем феодальной эксплуатации в отдельных местностях по материалам Белоруссии не усматривается.

Первая половина XIX в. — период значительного усиления крестьянского движения, явившегося естественной реакцией на усиление крепостнического гнета. Об этом свидетельствует количественное соотношение крестьянских волнений по губерниям Белоруссии. Если в первой четверти XIX в. здесь произошло около 30 наиболее серьезных выступлений, охвативших 53 селения в 19 уездах, то во второй четверти их насчитывалось уже около 85 (132 селения в 35 уездах). На 40—50-е годы — время наибольшего ухудшения положения крестьян и обострения классовых противоречий — приходится 64 волнений.

В течение первой половины XIX в. произошло заметное увеличение количества активных форм крестьянского движения по сравнению с XVIII в. Бегства все чаще принимали форму массовых уходов крестьян в поисках лучшей доли. Таким был уход в 1847 г. 10 тыс. крестьян Витебской губернии на строительство Петербургско-Московской железной дороги, вызванный слухами о предоставлении строителям дороги свободы от крепостничества. Основной формой движения стали массовые отказы от выполнения повинностей, что являлось реакцией на рост феодальной эксплуатации. В ряде случаев отказы от выполнения повинностей перерастали в широкое упорное волнение, охватывавшее целую деревню или даже несколько деревень, а иногда и целый уезд.

*

Одной из значительных категорий феодально-зависимого населения Западной Сибири являлось крестьянство, приписанное к Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным заводам ведомства Кабинета.

К концу крепостной эпохи кабинетская деревня сосредоточивала 19% всего населения Западной Сибири и половину населения Томской губернии, в которую входил Алтайский горный округ.

Естественно-географические условия благоприятствовали сельскохозяйственному производству на Алтае. Кабинетские крестьяне обеспечивали хлебом и продуктами скотоводства не только население земледельческой и промысло-

вой деревни, но также горнорабочих, чиновников, войсковые гарнизоны округа.

Приписные крестьяне исполняли все повинности государственных крестьян: подушную и оброчную подати, земские натуральные и денежные повинности, рекрутскую повинность, мирские расходы на волостное содержание в тех же размерах, что и государственные крестьяне Западной Сибири. Всего насчитывалось более 40 различных платежей и натуральных повинностей сибирского крестьянства.

Но кабинетская деревня сверх того исполняла заводскую повинность, которая имела в общей тяжести обложений громадный и постоянно растущий удельный вес.

Абсолютные размеры крестьянского обложения непрерывно возрастали. С 1780 по 1860 гг. подушный оклад вырос более чем в 4 раза; за это время были введены дополнительные денежные сборы. Наиболее обременительная заводская повинность росла абсолютно и относительно: в начале XIX в. на работу назначалось около 80% ревизских душ м. п., накануне реформы — от 90 до 100%; поднимался удельный вес конной работы по сравнению с пешей; все шире распространявшееся выполнение работы наймом приводило к повышению стоимости отработок.

На протяжении первой половины XIX в. рента-налог в кабинетской деревне выступала во всех трех ее формах, но неуклонно совершался процесс вытеснения отработочной и продуктовой форм денежной феодальной рентой. Абсолютный рост размеров ренты-налога сопровождался повышением ее доли в крестьянском продукте; увеличивалась интенсивность эксплуатации. Рост ренты-налога в предреформенный период обгонял экономический рост крестьянского хозяйства. За 33 года, с 1818 по 1851, объем ренты-налога вырос на 107%, а хозяйственный потенциал крестьянского хозяйства увеличился только примерно на 62%. Тем не менее накануне реформы 1861 г. приписная деревня Западной Сибири еще сохраняла возможность не только простого, но в благоприятные годы также и расширенного воспроизводства.

Приведенные данные характеризуют экономическое развитие кабинетской деревни в целом. Между тем за картиной общего относительного благополучия крылись резкие контрасты, определявшиеся территориальными различиями между районами, население которых было по-

ставлено в неодинаковые условия при исполнении заводских отработок.

Степень феодальной эксплуатации оказывалась неодинаковой для крестьян, проживавших на юге горнозаводского округа, в центральной части и на севере; она повышалась по мере удаления местожительства от рудников и заводов, размещавшихся в основном на юге (Змеиногорск — Зыряновск).

В конечном счете простой факт различия в дальности жительства имел следствием разницу в уровне благосостояния, различную направленность хозяйства, разные темпы роста населения. Север специализировался на торговом земледелии, юг на скотоводстве с преимущественным разведением лошадей; север выделял предпролетариат, юг — богачей-предпринимателей; южная деревня быстрее восстанавливала хозяйство после неурожаев и эпизотий; на севере был меньший процент «годных работников», больший процент «увечных» и «убылых»; за 20 лет, с 1831 г. по 1851 г., население приписной деревни севера увеличилось на одну треть, центра наполовину, а юг — вдвое.

Различие в степени эксплуатации на заводских отработках выступало в приписной деревне не только как *решающий фактор* хозяйственного развития. Оно было также фактором, *определявшим* разную степень классового сопротивления феодальному гнету.

Классовая борьба приписной деревни против ненавистной заводской «барщины» проявлялась в различных формах: жалобы и прошения; уклонение от заводской повинности; бегство за пределы горного округа; акты индивидуального сопротивления власти; открытые массовые выступления крестьянства, (волнения).

Наиболее активные и массовые выступления крестьянства имели место именно в северной группе волостей и захватывали отчасти и северную часть центрального района. Процент «нетчиков» на севере был вдвое выше, чем на юге. Все известные из источников коллективные жалобы и волнения, подавлявшиеся вооруженной силой, за одним исключением, имели место только на севере.

*

Объектом исследования по Эстонии явились крестьянские волнения, вспыхнувшие в Южной Эстонии в связи с

обнародованием нового аграрного закона 1819 года, провозгласившего формальное освобождение крестьян. Осенью 1822 года «освобожденных» крестьян-дворохозяев Лифляндской губернии надлежало опросить относительно того, согласны ли они еще в течение трех лет выполнять баршину на мызе по старым вакенбухам. В случае несогласия крестьяне должны были оставить землю, политую потом и кровью своих отцов. Подобное «освобождение» вызывало гневный протест крестьян. Как видно из документов, в 1822 году волнениями было охвачено 69 мыз Лифляндской губернии (в том числе в районах с эстонским населением 35 мыз). В начале 1823 года губернским властям удалось с помощью войск подавить волнения, но при этом они, следуя указаниям центрального правительства, старались не слишком обострять положение.

Объектом исследования были, следовательно, акты антифеодальной борьбы, которые можно характеризовать как широко распространившиеся антифеодальные выступления крестьян, поводом к которым послужили события общего значения (обнародование нового закона) или пример крестьян соседних имений.

При нижеследующем анализе мы не занимались определением силы или мощи отдельных актов крестьянского движения. Мы просто выясняли — имело ли место выступление крестьян какого-либо конкретного имения или нет, т. е. было ли данное имение охвачено крестьянским движением или нет.

С другой стороны — нас интересовали данные, характеризующие положение крестьян в различных имениях Южной Эстонии. Самые массовые и точные данные удалось обнаружить в мызных вакенбухах, составление которых началось в 1804 году и было в основном завершено к 1822 году, причем в большинстве случаев окончательные вакенбухи были выданы крестьянам в 1819—1822 года. С 1804 года во всех имениях были составлены так называемые переходные вакенбухи, в которых существующие в то время нормы феодальных повинностей были несколько урегулированы. В составленных после длительных землемерных работ окончательных вакенбухах содержались уже новые повинности, отвечающие параграфам крестьянского закона (1804 года). Сравнение переходных и окончательных вакенбухов дает нам ответ на вопрос, в каких имениях феодальные повинности накануне волнений 1822 годов были уменьшены, т. е.

положение крестьян улучшилось, и в каких имениях их положение осталось прежним или даже ухудшилось. Ко времени составления тезисов этот анализ удалось провести в отношении 19 имений.

Кроме того, чтобы выяснить какова была относительная тяжесть феодальных повинностей в перерасчете на стоимость в талерах и в расчете на душу мужского пола, нами были использованы данные ревизских сказок 1811 года.

Следовательно в нашем распоряжении были относительно точные данные для выяснения следующих вопросов:

1) были ли охвачены крестьянскими волнениями в первую очередь те имения, в которых крестьяне имели основание быть недовольные тем, что у них повинности не уменьшились (или даже увеличились) в то же самое время, когда у их соседей они были уменьшены? Или же такого явления не наблюдается и волнения распространялись относительно равномерно по всем имениям?

2) те же самые вопросы мы можем поставить, сравнив относительную тяжесть повинностей в разных имениях (разделив общий объем повинностей на количество ревизских душ мужского пола).

Ниже мы приводим данные (табл. 1) о том, в каких имениях имели место волнения.

Из всех охваченных волнениями имений половину составляют те, в которых повинности увеличились; но одну третью часть такие, в которых повинности уменьшились.

Так например в двух приходах — Халлисте и Ряпина часто имели место волнения в имениях, где повинности уменьшались. И тут следует указать на то, что оба они были относительно сильно охвачены волнениями — в Халлисте было волнениями охвачено 33 процента, в Ряпина 85 проц. имений. В подобной обстановке всеобщего брожения выступили и те крестьяне, от которых требовали относительно невысоких феодальных повинностей.

На данной стадии исследования можно сказать, что проявляется тенденция охвата антифеодальными волнениями преимущественно тех имений, в которых крестьяне имели относительно более тяжелые повинности или какие-либо другие причины неудовольствия. Но эта тенденция проявляется в стихийном крестьянском движении отнюдь не ме-

Таблица 1

Общий размер крестьянских повинностей в талерах в имениях Южной Эстонии, в которых имели место волнения

Название имения	Размер крестьянских повинностей в талерах	
	по переходным вакенбухам	по окончательным вакенбухам
а) имения, в которых общий размер повинностей увеличился		
Тыстамаа	1207	1291
Вастсе-Каристе	1387	1430
Тарвасту	2119	3731
Вана-Выйду	1720	2288
Кирепи	1039	1137
Вериора	1013	1074
Сянна	546	588
Паст. Рыуге	139	188
Айду	764	909
Курессааре	281	294
б) имения, в которых общий размер фактических повинностей не изменился		
Абья	2657	2634
Лууа	896	881
Раанича	196	197
в) имения, в которых общий размер повинностей уменьшился		
Кауби	795	501
Порнузе	749	449
Удерна	885	728
Меекси	1553	1023
Вастсе-Нурзи	606	571
Вана-Нурзи	797	666

ханически, а лишь как основная тенденция со многими конкретно-историческими отклонениями и случайностями.

*

Крестьяне государственных имений составили в конце XVIII — первой половине XIX в. около $^1/_3$ всего сельского населения Литвы.

Основными источниками настоящего раздела доклада явились люстрационные инвентари 1798 г., данные ревизии государственным имуществ, произведенной А. Ф. Арцимовичем в 1837—1839 гг. и материалы тяжб крестьян с арендаторами государственных имений.

Если попытаться по данным ревизии 1837—1839 гг. подсчитать рост повинностей крестьян, то выяснится, что в 81 имении имело место рост личных повинностей крестьян. Из них в 53-х имениях нельзя определить роста вследствии отсутствия конкретного учета (в документах говорится, что барщина «значительно увеличена», об «отягощении крестьян», что барщину требуют «с крайним обременением», «без учета, «сколько потребно», «без отдыха», «гораздо больше»). В 28 имениях рост надельной барщины указан конкретно, причем он очень различен в отдельных владениях. Повышение чинша указано в 24 имениях.

При наличии общего наступления на крестьян (увеличении всех повинностей и особенно барщины) крестьянское движение происходило не всегда там, где рост повинностей был больше. В Литве в первой половине XIX в антифеодальный протест крестьян выражался в основном в виде жалоб в государственные учреждения (по поводу перегонов в барщине и переборов в чинше, злоупотреблений управителей и старшин). Отсутствовал размах крестьянского движения и доминировали пассивные его формы (подачи жалоб, плохая работа, невыход на барщину).

В подобных условиях важную роль играли частные и случайные моменты (злоупотребления властью управителями имений и старшинами), которые определяли из каких именно имений были поданы жалобы. Важное место в крестьянском движении играли традиции крестьянской борьбы, наличие активных вожаков и т. п.

*

При анализе антифеодальной борьбы помещичьих крестьян Тульской губернии в первой половине XIX века за единицу подсчета принято имение. В подсчет включены активные формы борьбы, носившие коллективный характер. К таким формам отнесены: отказы от несения повинностей, наступление на помещичью собственность, сопротивление переселению или другим распоряжениям помещика и представителей помещичьей администрации, самовольная смена старост, бурмистов. Не учитывались выступления одиночек и отдельных групп крестьян, т. е. в подсчет включены лишь те случаи, когда документ не выделяет какую-нибудь группу, а говорит о выступлении всех крестьян данного имения.

Отдельно учитывались такие формы борьбы, как поку-

шения на жизнь помещиков и управляющих и их убийства, а также поджоги помещичьего дома, хозяйственных построек, хлеба. Они могли носить, как коллективный, так и индивидуальный характер.

Изучалось крестьянское движение за период 1797—1857 гг. Первая дата определяется тем, что с этого года в фондах местного архива отложились дела о крестьянском движении в точно установленных и не изменившихся впоследствии границах губернии. Конечная дата определяется тем, что с 1858 года начинается новый этап крестьянского движения, связанный с началом гласной подготовки реформы, слухами о «воле». Вопрос о непосредственных причинах выступлений крестьян этого периода требует особого изучения.

Общая динамика крестьянского движения в Тульской губернии в 1797—1857 гг. отображена в нижеследующей таблице.

Десятилетия	Массовые выступления (волнения)	Убийства и покушения	Поджоги
1797—1806	10	4	2
1807—1816	3	4	1
1817—1826	19	6	1
1827—1836	17	5	2
1837—1846	11	12	6
1847—1857	33	20	20
Всего:	93	51	32

Если обратить внимание на территориальное распространение крестьянских волнений, то выясняется, что они имели место преимущественно в северных и центральных уездах. Волнения охватили при этом прежде всего барщинных крестьян этих уездов. Помещики здесь были теснее связаны с рынком, активнее приспосабливали свое хозяйство к новым условиям, осуществляли значительный нажим на крестьян. В этих уездах было значительное количество отходников, распространявших различные слухи о «воле», возбуждавшие крестьян.

Если обратить внимание на то, что послужило непо-

средственным поводом к выступлениям крестьян, то обрисовываются три большие группы:

а) выступления, вызванные тяжелым экономическим положением крестьян и усилением эксплуатации: ежедневная барщина — 16, увеличение барщины свыше 3 дней — 23, перевод с оброка на барщину — 1, повышение оброка — 3, натуральные поборы — 1; работа на вотчинных фабриках — 10, перевод на месячину — 3, неурожаи и недостаток хлеба — 5, уменьшение крестьянских наделов — 5. Всего = 67 или 47% всех выступлений трех групп.

б) Выступления, вызванные бесправием крестьян: жестокость помещиков — 40, переселение в другие губернии — 3, рекрутский набор — 1. Всего — 44 или 31%.

в) Выступления, непосредственно не связанные с ухудшением экономического или правового положения крестьян: переход к другому владельцу — 23, указ 8 ноября 1848 года, дававший крестьянам право выкупаться при продаже имения за долги — 6, слухи о «воле» — 3. Всего — 32 (или 22%).

Причины 33 выступлений неизвестны.

Обращает на себя внимание факт значительного количества волнений, непосредственным поводом которых был переход к другому владельцу. Заметим, что в эту рубрику отнесены лишь те выступления, в которых крестьяне не предъявляли «претензий» к новому владельцу (например, увеличение повинностей, уменьшение наделов, жестокость и т. п.) Такие выступления отнесены в соответствующие рубрики а) и б).

*

Авторам коллективного доклада не удалось провести свои территориально ограниченные исследования по одной и той же точно определенной программе. Но учитывая большое историческое разнообразие, наблюдавшееся в различных частях Российской империи в рассматриваемый период, вряд ли можно было добиться этого. В разном подходе к проблеме, а в некоторой степени и в разных результатах, к которым пришли отдельные исследователи, по нашему мнению правильно отражается тот сложный исторический процесс, который в разных местах имел свое индивидуальное «историческое лицо».

Не все сформулированные в начале тезисов вопросы

удалось нам решить и в отношении всей рассматриваемой территории. Но к некоторым общим выводам приводят результаты почти всех проведенных исследований.

Наблюдается сильная общая тенденция зависимости преобладающих форм и размаха крестьянского движения от интенсивности феодальной эксплуатации крестьянства как во времени, так и в пространстве, если вести наблюдения по достаточно большим территориям или в достаточно широких хронологических рамках. Когда поле наблюдения становится уже, то картина становится менее ясной. На данной стадии исследования мы еще не знаем точно является ли это результатом несовершенства наших методов исследования, которые не позволили нам решить такие сложные проблемы, как точное сравнение относительной тяжести феодальных повинностей крестьян и относительной силы крестьянских выступлений. Возможно это просто свидетельствует о том, что зависимость наблюдается вообще только при анализе достаточно массовых явлений.

Х. Х. КРУУС
член-корр. АН СССР

Институт истории
АН ЭССР

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО МИКРОРАЙОНА

1. Роль аграрной истории в краеведческом изучении сельского микрорайона. Среди комплексного краеведческого изучения сельского микрорайона особенное значение приобретает работа над аграрной историей соответствующей округи. Работа эта охватывает историю заселения этого района, развитие сельскохозяйственного производства в нем, сложение производственных отношений, развитие имущественной и социальной дифференциации крестьянства, отражение общих экономических и политических судеб страны и народа в жизни местного общества. Аграрная история каждого микрорайона представляет собою часть общей истории крестьянства, протекавшей в течение столетий в рамках общих закономерностей социально-экономических формаций и в тоже время в обстановке местных особенностей.

2. Необходимые методологические и методические предпосылки при изучении местной аграрной истории. При приступлении к краеведческому изучению микрорайона требуется предварительная подготовка исследовательского коллектива как в методологическом, так и в методическом отношении и соблюдение необходимых научных ориентиров. В первую очередь, разумеется, важно достаточно глубокое освоение членами исследовательского коллектива основ марксистской методологии исторического материализма.

Изучению аграрной истории микрорайона присуща также специфическая рабочая методика, обусловленная проблематикой, наличием и особенностями источниковедческой базы, а также накопленным опытом в этой области. В качестве пособий при инструктировании краеведов, изучающих аграрную историю местного микрорайона, должна привлекаться соответствующая историческая и специально краеведческая литература.

Разработка методики краеведческого изучения аграрной истории микрорайона пока у нас в стране в общем еще в зачаточном состоянии. Тут необходимо провести ряд различных конкретных экспериментов и поисковых работ, чтобы на основании накопленного опыта составить достаточно целесообразное методическое руководство в этой области.

3. Об авторском коллективе и организации работы при изучении аграрной истории сельского микрорайона. Тут в первую очередь нужно выдвинуть необходимость создания обстановки для совместной дружной работы между научными работниками и местными краеведами-энтузиастами. Из научных работников тут важнейшую, руководящую роль должны взять на себя историки, в частности те, которые занимаются изучением аграрной истории. За ними следуют географы, которые при изучении образования и развития ландшафта нередко соприкасаются также с вопросами аграрной истории. Рядом с ними идут ученые экономисты, которым при изучении современных проблем местной экономики часто приходится делать экскурсы в область аграрной истории. Ценный и интересный дополнительный материал для аграрной истории могут дать по своим специальностям также, например, этнографы (орудия земледелия, предметы крестьянского быта, отрасли и техника сельскохозяйственного производства), фольклористы (отражение разных сто-

рон крестьянской жизни в фольклоре), филологи (топонимика, анализ местных диалектов и т. п.).

Научные работники названных специальностей работают в разных научно-исследовательских учреждениях, в высших учебных заведениях, в общеобразовательных школах, музеях. Все эти учреждения, в свою очередь, ведь кровно заинтересованы в том, чтобы содействовать продвижению вперед также изучения аграрной истории сельских районов.

Особенно крупным, пока в общем еще мало привлеченным резервом в общей краеведческой работе, в частности при изучении местной аграрной истории являются студенты высших школ, тут в первую очередь, историки, а также географы, экономисты, этнографы, филологи.

В Эстонии некоторую роль по изучению местной аграрной истории играют также коллективы общеобразовательных школ. Тут накопился довольно интересный опыт, заслуживающий и более широкого внимания.

На местах имеется также немалое количество краеведов-любителей, которые в значительной части проводят свою работу в самотечном порядке. Однако некоторые из них, например опять-таки в Эстонии, составили ценные исследования по специальным вопросам местной аграрной истории. Их работа может достигнуть значительно больших успехов, если она проводится в тесном контакте с местными краеведческими организациями, музеями, а также с соответствующими научно-исследовательскими учреждениями и их сотрудниками.

4. Составление хроник колхозов и совхозов как перспективная форма краеведческого изучения местной аграрной истории. В широких аспектах ознакомления с современностью местного сельского микрорайона особое значение приобретает изучение истории тех новых по своей структуре сельскохозяйственных предприятий, теперь ставших основными в нашей стране, каковыми являются колхозы и совхозы. Изучение их истории, нужно к сожалению подчеркнуть, находится в общем в совсем плачевном состоянии.

Перед краеведами тут встают весьма интересные и заманчивые задачи, разрешение которых может стать существенной предварительной стадией для составления истории местного колхоза и совхоза. Тут, однако, прежде всего немало трудностей, чтобы правильно ориентироваться в обстановке, сложившейся на месте до основания колхоза

или совхоза. И исследователь, дошедший до складывания изучаемого колхоза и его дальнейших судеб, наталкивается на большие затруднения, обуславливаемые обыкновенно большой, иногда беспримерной скудостью документации и других соответствующих исторических источников. Этот острый недостаток мог бы быть значительно компенсирован, еслиб в пользовании исследователя оказались своевременно и в методическом отношении удачно составленные хроники колхоза. Однако, в наших сельскохозяйственных предприятиях, колхозах и совхозах хроники, как правило, почти не составлялись. Этот крупный, в то же время прискорбный пробел невозможно больше исправить. Некоторым заменителем тут могло бы стать специальное собирание воспоминаний по достаточно продуманной методике, если приступить к этому делу безотлагательно.

Уже давно настало время поставить изучение современной аграрной истории также в местных масштабах на возможно более широкую ногу. Первым плодотворным шагом в этом направлении, по нашему глубокому убеждению, могло бы стать составление хроник в наших колхозах и совхозах.

5. Роль сельско-хозяйственной хроники в жизни местного колхоза и совхоза и значение ее как источника аграрной истории. При внедрении составления и дальнейшего текущего ведения хроник в колхозах и совхозах следует учитывать прежде всего два особенно существенных момента.

В качестве первого из них надо подчеркнуть, что работа над составлением и ведением хроники в сельскохозяйственном предприятии, при участии возможно широкого местного коллектива, может стать весьма эффективным средством и хорошо ориентирующей сводкой при изучении современного состояния и насущных проблем данного предприятия. Хроника эта в состоянии дать достаточно компетентный обзор о пройденном колхозом, совхозом пути, о благоприятствующих и, с другой стороны, тормозящих факторах на этом пути, о производственных достижениях, о развитии материально-технической базы, о перипетиях материального благосостояния трудящихся, состоянии общественной работы, о развитии культурной жизни в предприятиях. Таким образом, составление хроники в колхозах, совхозах приобретает весьма актуальное значение в деле поднятия производства, а также в воспитании трудящихся дан-

ного сельскохозяйственного предприятия и сплочения их коллектива.

Другой весьма важной стороной составления хроник в колхозах и совхозах, является то, что оно несомненно и в весьма широких и разносторонних аспектах оказывает незаменимую услугу изучению современной аграрной истории нашей страны. В этом отношении оно особенно близко к сердцу историкам, а также коллективу соответствующего сельскохозяйственного предприятия.

6. Об основной тематике колхозной и совхозной хроники. Эстонские краеведы и историки уделили в последние годы значительное внимание общим вопросам составления и ведения хроник местных производственных предприятий. Для составления хроник в колхозах и совхозах был составлен также своего рода типовой план, опубликованный пока на эстонском языке в нашем сборнике «Вестник краведения» № 5 (1964). Надеемся сделать это достоянием и более широкой научной и краеведческой общественности.

Этот типовой план приводит перечень основных вопросов, которые могли бы лечь в основу хроники наших сельскохозяйственных предприятий. Первая часть этого плана содержит вопросы, которые заслуживают внимание при составлении т. н. исторической части хроники, охватывающей данные об основных событиях и явлениях в жизни колхоза или совхоза с момента его основания до приступления к составлению текущей хроники данного предприятия.

Вторая часть пана посвящена вопросам текущей хроники. Тут перечислены 37 пунктов, сгруппированных в пять разделов: общие вопросы, производство, материальное благостояние трудящихся, общественная жизнь в предприятии и прочие наблюдения. Этот типовый план конечно, не исключает возможности внесения разных вариаций, изменений и дополнений, в соответствии с местными условиями.

*

Выдвинутые нами выше предложения отличаются известной новизной и могут вызвать среди некоторой части историков-профессионалов скептическое отношение к ним. Но скепсис этот нужно преодолеть. У нас нет ни малейшего сомнения в том, что вышенамеченная постановка изучения аграрной истории сельского микрорайона может являть-

ся одним из эффективных средств в деле сближения одного важного раздела исторической науки с современностью и в увеличении роли этой науки в нашем коммунистическом строительстве. Хорошо продуманной организацией, удачной в методическом отношении, упорной совместной работой историков, научных работников других специальностей и местных краеведов-энтузиастов при поддержке партийной, советской и научной общественности мы достигнем уровня, когда аграрная история наших сельских микрорайонов будет изучаться в массовых масштабах и большинство колхозов и совхозов в нашей стране обзаведутся своей хроникой — одним из важнейших источников для изучения аграрной истории советской эпохи.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПЕРВОЙ СЕКЦИИ

«РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА» (XVI — НАЧАЛА XX ВВ.)

Н. А. ГОРСКАЯ

Институт истории
АН СССР

СИСТЕМЫ ВЕДЕНИЯ ПОЛЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕНТРЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI В.

При определении уровня развития земледелия для любой территории, любой стадии социально-экономического развития общества и любых хозяйственных комплексов основными объектами изучения наряду с орудиями земледельческого труда должны являться системы ведения полевого земледельческого хозяйства.

Для времени предшествующего XVI в. имеющиеся в источниках сведения о характере применявшихся в центре Русского государства систем полевого хозяйства носят фрагментарный характер.

Гораздо более обширны и конкретны сведения источников (главным образом актового материала из монастырских архивов) для первой половины и особенно середины XVI в. (до начала 70-х годов), подвергнутых исследованию в настоящем докладе. Относясь к периоду, предшествующему хозяйственным потрясением 70—80-х годов XVI в., они с достаточной яркостью рисуют соотношение различных систем ведения полевого хозяйства (паровой-зерновой, перелога и подсеки) в земледелии центра Русского государства накануне хозяйственной разрухи конца XVI столетия.

К сожалению, главная масса писцовых книг XVI в. для этой территории, откуда могут быть почерпнуты основные сведения о характере систем полевого хозяйства, приходится именно на последнее бедственное тридцатилетие XVI в. Однако в совокупности со всеми сохранившимися материалами хозяйственной отчетности монастырей центра Русского государства, данные писцовых книг позволяют судить о степени и характере влияния экономических неурядиц конца XVI в. на уровень развития русского земледелия.

Рассмотрение перечисленных выше источников позволяет утверждать, что повышение уровня земледелия к середине XVI столетия в центре Русского государства, связанное в первую очередь с повсеместным распространением здесь усовершенствованного пашенного орудия — сохи с полицей, а часто и с отрезом (орудия, приближающегося по своим качествам к плугу), в свою очередь, находилось в неразрывной связи с утверждением в XVI в. на всей этой территории полного господства парово-зерновой системы полевого хозяйства с трехпольным севооборотом.

Перелог и подсека в XVI в. самостоятельной роли как системы ведения полевого хозяйства на исследуемой территории не играли. Они имели, как правило, подсобное значение при паровой системе, являясь способом включения в постоянную эксплуатацию новых годных для обработки площадей. «Запереложенная» земля в XVI в. — обычно свидетельство определенного неблагополучия в хозяйстве.

Паровую-зерновую систему ведения полевого хозяйства повсеместно сопровождал трехпольный севооборот. Наиболее правильный трехпольный севооборот соблюдался в собственно центральных уездах, где количество площади, занятой озимью, как правило, равнялось приблизительно 50% земли, находящейся ежегодно под посевом. В ряде более северных уездов можно усмотреть признаки наличия определенного нестрополья. В ряде южных уездов на правильность севооборота отрицательно влияло также наличие наезжей пашни.

Время хозяйственной разрухи (период 70—80-х годов) отнюдь не означало катастрофического падения уровня развития русского земледелия, хозяйственные неурядицы не изменили системы ведения полевого хозяйства. Большое количество земли, лежащей перелогом в эти два десятилетия, было результатом недостатка рабочих рук для ее возделывания. По мере возможности эти земли последовательно включались в обработку, становились опять пахотными землями.

Л. А. МОЛЧАНОВА

Институт искусствоведения,
этнографии и фольклора
Министерства культуры БССР

О СИСТЕМАХ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В БЕЛОРУССИИ В XIX СТОЛЕТИИ

1. Вопрос о системах севооборота имеет большое значение в истории земледельческого производства. Появление специальных обстоятельных исследований о системах земледелия в России и других странах Европы свидетельствует о том, что этот вопрос приобрел в XIX в. не только практический, но и большой теоретический интерес.

2. В XIX в. господствующей системой земледелия в Белоруссии как в помещичьих, так и в крестьянских хозяйствах было трехполье. Трехполье, известное в Белоруссии с древности, уже в средние века становится широко и повсеместно распространенной системой севооборота. Окончательно трехполье изживается лишь после победы коллективизации в нашей стране.

Трехпольная система земледелия по сравнению с более примитивными системами (подсечно-огневой и переложной), на смену которым она пришла, являлась значительным прогрессом, т. к. постоянное чередование культур и отдых части земли под паром в известной мере способствовало восстановлению плодородия постоянно возделываемых полей.

3. При трехпольной системе земледелия в основном выращивались зерновые хлеба. Одно из полей-полетов засевалось озимым хлебом, другое — яровым. Третье паровое поле не засевалось с весны, а только обрабатывалось и лишь осенью поступало под посев озимого хлеба, который снимали только осенью следующего года.

Состав высеваемых культур на озимых и яровых полях был сравнительно однотипен. Основной и в ряде мест единственной озимой культурой являлась рожь (жито). Озимая пшеница стала появляться на крестьянских полях главным образом во второй половине XIX в. и причем не повсеместно. На яровых полях, как правило, высевались: ячмень, овес, горох, просо, лен. Во второй половине XIX в. в яровом поле стали выращивать гречку и картофель.

4. Для трехполья характерно употребление навозного удобрения. Количество вывозимого на поля удобрения чаще всего определялось не по качеству почвы, а количеством

скота, дающего навозное удобрение, т. е. в конечном счете определялось степенью зажиточности крестьянских хозяйств. Недостаток скота, а следовательно и навозного удобрения, вынуждал значительную массу крестьян удобрять свои поля не через каждые два года, как этого требует классическое трехполье и далеко не весь паровой или яровой клин.

Постоянная эксплуатация земли при недостатке удобрения приводила к истощению полей, следствием чего были постоянные недороды даже на сравнительно неплохих почвах.

5. В XIX в. в Белоруссии наряду с господствующим трехпольем имели место и другие древнейшие системы земледелия: перелог и двухполье.

Перелог чаще всего вызывался крайним истощением почвы при недостатке навоза или отдаленностью песчаных полей, в которых удобрение удерживалось очень короткое время. В помещичьих имениях перелог практиковался нередко (особенно во второй половине XIX в.) по недостатку рабочих рук при обилии пашенной земли.

Двухполье являлось неизбежным следствием малоземелья крестьян, которое вынуждало крестьян отказаться от пара и высевать ежегодно на одном поле озимые, а на другом яровые хлеба. При подобной практике урожайность снижалась не только за счет истощения земли, но и за счет плохой обработки почвы, т. к. при высевании озимых сразу же после уборки яровых не хватало времени надлежащим образом обработать землю.

6. В Белоруссии с глубокой древности широко практиковалось расчистка лесных участков под пашню с помощью огня. Недостаток земли у крестьян принуждал их и в XIX в. прибегать к этому древнейшему приему. Во второй половине XIX в. наряду с расчисткой своих надельных лесов крестьяне арендовали у помещиков отдельные лесные участки и разрабатывали их под посевы. Через несколько лет эти участки возвращались помещикам в виде пашенных или сенокосных угодий. Аренда таких участков была выгодна крестьянам в том отношении, что на них без подкладывания удобрения можно было в течение нескольких лет получать сносные урожаи, превосходившие урожаи истощенных старопахотных земель.

7. Обработка лесного участка «ляда» или «новины» ве-

лась древнейшими приемами подсечного земледелия с применением давно вышедших из употребления на старопахотных землях орудий (копаница, борона-суковатка, смык и др.). Широко применялся ручной труд и древнейшая организация труда при обработке и уборке урожая.

8. Состав культур, высеваемых на лядах довольно разнообразен, причем их ассортимент восходит к глубокой древности. На лядах обычно сеяли ячмень, рожь, пшеницу и др. На землях, расположенных недалеко от селений, выращивали брюкву, репу, капусту и другие овощи.

9. В XIX в. картофель перестает быть огородной культурой и высаживается на полях. В подавляющем большинстве крестьянских хозяйств картофель вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции выращивался при трехполье, занимая определенный клин в яровом поле. В помещичьих имениях с увеличением посевов картофеля, а также с разведением тонкорунного овцеводства стали вводиться многопольные, главным образом, четырехпольные севообороты.

Четырехполье по ассортименту культур и последовательности их высевания не было повсеместно однообразным, особенно это стало проявляться во второй половине XIX в.

10. Еще в первой половине XIX в., до крестьянской реформы 1861 г., в ряде помещичьих имений стали практиковаться более интенсивные плодосменные многопольные севообороты. Новые системы земледелия однако весьма слабо прививались даже в помещичьих имениях. Известны случаи, когда от нововведений снова возвращались к трехполью. Существенным тормозом при введении многопольных севооборотов являлось малоземелье и неграмотность крестьянства и пренебрежительное отношение к практическим занятиям основной массы крупных землевладельцев.

В. М. СЛОБОДИН

Всесоюзный
научно-исследовательский институт
зернового хозяйства

О КРИЗИСЕ ТРЕХПОЛЬЯ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

В русской сельскохозяйственной литературе конца XVIII и первой половины XIX в. большое внимание уделялось вопросу об упадке крестьянского и помещичьего хозяйства, что связывалось с возникновением так называемого кризиса трехполья.

Сущность этого кризиса видели в том, что господствовавшая тогда в России паровая система земледелия в форме трехполья не обеспечивала не только повышения продуктивности земли, но не могла предотвратить снижения этой продуктивности.

Причину этого видели в усилении распашки земли с все большим вовлечением в эту распашку лугов и пастбищ, в результате малоземелья. Последнее рассматривалось как абсолютное, вызванное ростом населения. Это объясянение причин возникновения кризиса трехполья исходит из теории, согласно которой сама паровая система возникает в результате исчерпания свободных земель, под влиянием роста населения. По этой теории (нашедшей отражение и в советской агрономической литературе) непосредственно после возникновения и распространения паровой системы наступает ее кризис, выражающийся в падении плодородия почвы, снижении урожаев и ухудшении состава полевых культур (В. Р. Вильямс).

Это, однако, не подтверждается историческими фактами. Паровая система земледелия, в форме трехполья, применявшаяся в наиболее старых земледельческих районах России не менее тысячи лет, в течение большей части этого периода не испытывала кризиса. Согласно имеющимся оценкам (С. Г. Струмилина и других авторов) урожайность зерновых культур не снижалась, а повышалась, хотя и очень медленно.

Кризис трехполья начал проявляться в последние десятилетия XVIII ст., получил наибольшее развитие в XIX ст. и существовал во многих районах России вплоть до Октябрьской социалистической революции. Все это время в России не было абсолютного малоземелья. В отличие от стран За-

падной Европы, где к началу буржуазного развития вся территория была уже занята, Россия вплоть до начала XX в. обладала огромным колонизационным фондом земель, не использовавшихся для земледелия.

Паровая система в форме трехполья длительное время обладала значительной степенью устойчивости вследствие того, что она в наибольшей мере соответствовала состоянию производительных сил и характеру производственных отношений периода феодального развития в России. Она представляла собою средство обращения необработанных земель в пашню и поддержания плодородия пахотных земель, которое было наиболее доступным для мелких крестьянских хозяйств, вооруженных примитивными орудиями (сохой или ралом, деревянной бороной). Одним из условий относительной устойчивости трехполья было наличие лугов и пастбищ, служивших основной кормовой базой животноводства.

В то же время, относительная устойчивость земледелия, основывавшегося на применении трехполья, сопровождалась застойностью земледельческой техники. Устойчивость эта стала подрываться с началом развития капитализма в России, приведшего к развитию внутреннего рынка на продукты сельского хозяйства, наряду с чем возрастал экспорт зерна за границу. В результате этого возникло глубокое противоречие между стремлением помещиков к увеличению производства зерна (и других продуктов сельского хозяйства) на продажу и невозможностью, в условиях феодально-крепостнических отношений, быстрого развития производительных сил сельского хозяйства, путем перехода к более совершенным способам использования и обработки земли. Довольно многочисленные, в конце XVIII и начале XIX вв., попытки применения улучшенных орудий и плодосменных севооборотов в помещичьих хозяйствах, основывавшихся на барщинном труде крепостных крестьян, не имели успеха, также как и попытки организации образцовых ферм на удельных землях.

Сторонники плодосменной системы земледелия и соответствовавшей ей техники обработки почвы, основное внимание стали сосредотачивать на приспособлении этих улучшений к условиям крепостного хозяйства. Наряду с этим, в первой половине XIX в., в литературе появились многочисленные выступления противников применения в России улучшенной техники сельского хозяйства, заимствованной из западно-европейских стран, со ссылками на то, что эти

улучшения якобы не пригодны в условиях России (Муравьев,, Тенгоборский и др).

При невозможности, в условиях крепостнического хозяйства, поднять продуктивность земли путем применения более совершенных способов ее обработки и использования, помещики стремились увеличивать производства зерна (и других сельскохозяйственных продуктов) на продажу путем расширения барской запашки за счет крестьянских земель-пахотных, а также лугов и пастбищ. Это было причиной возникновения относительного малоземелья в большей части старых земледельческих губерний России. В экономической и сельскохозяйственной литературе первой и начале второй половины XIX в. приводятся многочисленные указания на то, что отношение между площадями лугов и пастбищ с одной стороны и пашней, с другой стороны, было значительно ниже считавшегося тогда необходимым для содержания скота в количестве, достаточном, чтобы можно было обеспечить навозным удобрением паровое поле. Это приводило к истощению плодородия почвы и к снижению урожаев.

В то же время в большинстве центральных и северных губерней России имелись обширные площади пустошных земель, которые, путем улучшений могли быть обращены в луга и пастбища. Но это было недоступным для задавленных крепостнической эксплуатацией крестьян. Помещикам же это было невыгодно, так как барский скот можно было обеспечить без всяких затрат отведением для него лучших выгонов, а доставка барину сена входила в число повинностей крепостных крестьян.

Изучение литературных источников и статистических данных, характеризующих сельское хозяйство центральных и северных губерний России в конце XVIII и на протяжении XIX в. приводит к выводу, что так называемый кризис трехполья в этот период явился одним из проявлений кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Он не был изжит после отмены крепостного права вследствие сохранения в русской деревне, вплоть до Октябрьской Социалистической революции, очень сильных пережитков крепостничества.

В. М. СУРИНОВ

Архив АН СССР

СИСТЕМЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КАК ОБЪЕКТ И ЭЛЕМЕНТ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Понятие системы земледелия является одним из запутанных в агроэкономической и исторической литературе. В то же время историкам земледелия, а также экономистам и агрономам приходится постоянно с ним сталкиваться при решении практических вопросов.

Этим определяется важность исследования его реального содержания в историческом аспекте.

На наш взгляд, именно историзм подхода к изучаемому явлению позволит установить реальный смысл понятия.

Под системой земледелия прежде всего следует разуметь комплекс мер направленных на восстановление плодородия почвы. Но в комплексе агротехнических мероприятий, служащему решению этого вопроса, системы земледелия занимают особое место. Каждая из них характеризует определенное качественное состояние в развитии производительных сил, в форме эксплуатации природных ресурсов.

2. Значение исторического исследования систем земледелия, процесса их сменяемости давно стало осознаваться учеными, поскольку это тесно увязывалась с практическими потребностями развития сельского хозяйства. Можно проследить известную зависимость решения вопроса от уровня развития сельского хозяйства.

Так, первоначально системы земледелия делились на первобытные, не зависящие от скотоводства, и системы земледелия тесно с ним связанные. Впоследствии с развитием учения о питании растений была намечена третья основная группа систем земледелия — промышленная (Д. Н. Прянишников, отчасти А. С. Ермолов). В последнее время появились в литературе попытки привязать системы к тем или иным общественно-экономическим формациям (Ф. С. Крохалев, отчасти В. М. Слободин). Однако, это направление противоречило реальному положению вещей, игнорировало достижения работ предшествующих исследователей.

Ряд ценных указаний и замечаний о процессе сменяемости систем земледелия было сделано в трудах классиков марксизма-ленинизма. В них, в частности было выяснено

место и роль системы земледелия в общем плане организации сельско-хозяйственного производства.

3. Основными типами систем земледелия являются: мотыжная, залежная, трехполье, плодосмен, промышленная. Последовательность указанных систем определяет их историческую сменяемость. Этот процесс происходит во времени и находит подтверждение в пространстве.

В историческом развитии систем земледелия возникают различные их модификации, зависящие от природных, социальных и пр. условий.

4. Систему земледелия можно рассматривать, как некоторую равнодействующую, составляемую рядом векторов. Среди них следует отметить: народонаселение, социальный строй, технику земледелия. Главнейшим из указанных является народонаселение, остальные только способствуют проявлению тенденции.

5. Система земледелия, как основной показатель культуры земледелия, в процессе своего развития оказывает влияние на уровень сельско-хозяйственного производства, но не является в этом случае определяющим фактором. Это устанавливается путем наблюдения. При высокой культуре земледелия может быть низкий уровень производства и, наоборот.

6. Из сказанного, в значительной мере вытекает значение системы земледелия, как элемента исторического исследования сельско-хозяйственного производства.

7. С другой стороны, следует отметить, что сложившиеся системы земледелия не только определяли характер и структуру земледелия, они откладывали, в какой-то мере, отпечаток на формирование материальной и духовной культуры общества.

8. Изучение схемы смены земледелия кроме научно-исторического значения представляет практический интерес, который определяется тем, что исследование взаимодействия различных факторов, обуславливающих переход к той или иной форме эксплуатации земли позволяет правильно выбрать систему земледелия в настоящем.

С. А. СЕКИРИНСКИЙ

Крымский
педагогический институт
им. М. В. Фрунзе

К ВОПРОСУ ОБ УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАЧАЛА XIX ДО НАЧАЛА XX ВЕКА.

1. Вопрос об урожайности зерновых культур является одним из самых кардинальных вопросов истории производительных сил в земледелии. Его успешное разрешение позволит решить ряд других вопросов, связанных с историей сельского хозяйства и крестьянства. За последние годы эта проблема применительно к масштабам всей страны для сравнительно больших исторических отрезков ставилась и частично решалась в трудах В. К. Яцунского и И. Д. Ковальченко. Но для установления наиболее полной картины развития земледельческого производства в России необходимы и локальные исследования этого вопроса. Подобные исследования, относящиеся к отдельным периодам истории Украины, Белоруссии, Латвии, Молдавии, Смоленщины, Северного Кавказа уже осуществлены — А. З. Барабоем, И. А. Анцуповым, Н. Н. Улащиком, Г. П. Стродом, Г. Т. Рябковым, П. А. Шацким и другими историками. Однако, многие районы нашей страны остались пока вне поля зрения историков-аграрников.

2. Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить изменения в урожайности важнейших зерновых культур в Крыму с начала XIX в. и до первых десятилетий XX в.

3. Темпы развития производства зерна в Таврической губернии в XIX — начале XX вв. были исключительно высокими. В 1802—1811 гг. средний годовой сбор зерновых составлял здесь 426 тыс. четвертей, а в 1901—1910 гг. 12 млн. четвертей. Таким образом, за 100 лет производство зерна в Таврической губернии выросло примерно в 28 раз.

4. Определение урожайности зерновых представляет немалые трудности. Для конца XVIII в. и первой половины XIX в. нам известны только приблизительные ежегодные данные о количестве посеянного и собранного зерна, содержащиеся в губернаторских отчетах. Поэтому урожайность

для этого периода может определяться только в «самах». Для последующего периода мы располагаем сведениями о сборе различных зерновых культур с одной десятины и о высеве зерна в пудах на десятину для каждого уезда и для каждого года. Но для того, чтобы иметь возможность делать какие-либо сопоставления урожайности за длительный период нам пришлось произвести все вычисления «в самах».

5. Сопоставление данных об урожайности всех зерновых, взятых за период с 1787—1789 гг. и за период 1899—1908 гг. показывает, что за 120 лет урожайность зерновых культур в Таврической губернии выросла как будто в 2,4 раза («сам 2,3» и соответственно «сам 4,9»). Однако привлечение сведений об урожайности, взятых за ряд десятилетий XIX в. доказывает несостоятельность этого вывода. Оказывается, что с начала XIX в. и до начала XX вв. урожайность зерновых в Таврической губернии почти не изменилась. В 1802—1811 гг. она составляла в среднем «сам — 4,1», а в 1899—1908 гг., как уже указывалось, «сам-4,9». Повидимому, 1787—1879 гг. были просто неблагополучными для земледелия и по ним нельзя судить об уровне сельскохозяйственного производства Таврии (имеются данные только о Крымских уездах) в конце 80-х гг. XVIII века.

Таблица 1

Средняя урожайность основных зерновых в Таврической губернии за период с 1818 по 1908 гг.

Название зерновых	1818—1820 гг.	1899—1908 гг.
пшеница	4,8	4,5
рожь	4	5,3
ячмень	4,3	4,6
овес	4,9	4,8

6. Сопоставление данных об урожайности отдельных зерновых культур в начале XIX в. (1818—1820 гг.) и в начале XX в., т. е. за 90 лет дает следующую картину (см. табл. 1).

Следовательно, и здесь никакого существенного прогресса не отмечается. Некоторое увеличение урожайности ржи и ячменя может быть скорее всего отнесено к несовершеству статистических исчислений.

Никакого заметного изменения урожайности не отмечается и для последнего более близкого к нам периода, охватывающего почти 30 лет, где мы имеем бесспорно более точные данные земской статистики и, где урожайность дается уже в пудах на 1 десятину (см. табл. 2).

Здесь бесспорным является только некоторое повышение урожайности озимой пшеницы — самой ценной зерно-

вой культуры Таврической губернии. Повышение урожайности озимой пшеницы объясняется улучшением обработки почвы под эту культуру. Таким образом, быстрые темпы развития зернового хозяйства в Таврической губернии были достигнуты не за счет повышения урожайности сельскохозяйственных культур, а за счет большого расширения посевных площадей.

Таблица 2

Средняя урожайность зерновых в Таврической губернии за период с 1882 по 1908 гг.

Название зерновых	1882—1888 гг.	1889—1898 гг.	1899—1908 гг.
озимая пшеница	45,9	44,1	48,4
яровая пшеница	31,3	44,1	33,6
рожь	40,0	40,5	35,0
ячмень	41,2	48,1	37,7
овес	33,3	58,5	42,1

7. Рассматривая урожайность по отдельным уездам мы приходим к выводу, что наиболее высокие урожаи давал, как правило, Бердянский уезд и самые худшие урожаи собирались в Днепровском уезде, где не только озимая пшеница, не имеющая здесь большого значения, но и яровая пшеница и рожь давали обычно очень низкие урожаи. Это объясняется главным образом тем, что в Днепровском уезде сохранились до начала XX в. самые примитивные методы обработки почвы и ручной сев. В Крыму наиболее высокие урожаи собирались в Феодосийском и Ялтинском уездах, что объясняется более совершенными методами обработки здесь почвы и относительно благоприятными климатическими условиями.

8. Сопоставление данных об удельном весе отдельных зерновых в общем зерновом балансе Таврической губернии с конца XVIII в. и до начала XX в. показывает явную тенденцию к увеличению удельного веса овса, пшеницы и ячменя и к уменьшению доли ржи и особенно проса. Таким образом, менее ценные культуры вытесняются более ценными. Особенно важное значение для Крымского полуострова приобретает к началу XX в. озимая пшеница, которая отличается незначительностью в колебаниях урожаев по отдельным годам. Посевы озимой пшеницы составляют в Крыму в начале XX в. до половины всей посевной площади.

9. На протяжении всего изучаемого периода главными производителями всех зерновых культур оставались крестьяне. В середине XIX в. крестьяне производили в 5 раз больше зерна, чем помещики. В начале XX в. крестьяне производили в 3 раза больше зерна, чем помещики. У нас нет возможности проследить изменения урожайности зерновых на крестьянских и помещичьих полях на протяжении всего изучаемого периода. Но нам известно, что в начале XX в. урожаи в крестьянских хозяйствах были в среднем на 25—30% ниже, чем в помещичьих хозяйствах.

В. А. СЕЛЕЗНЕВ

Ленинградский гос. университет

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА СОСТОЯНИЕ УРОЖАЙНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. С.-Петербургская губерния относилась к числу так называемых промышленных губерний, где на протяжении столетий сельское хозяйство было очень слабо развито.

2. Такое положение было связано прежде всего с общественным разделением труда, сложившимся в связи с развитием промышленного капитализма.

3. Природные, и особенно почвенные условия, сдерживали развитие сельского хозяйства. В губернии преобладали подзолистые: глинистые и суглинистые, торфяные, песчаные и супесчаные почвы.

4. После падения крепостного права сельское хозяйство губернии попало в обстановку товарно-капиталистического производства и стало приспособляться к условиям петербургского рынка, усилилась его специализация, наметились районы торгового молочного животноводства, где стало внедряться травосеяние, огородничество и льноводство.

5. Основными культурами, произраставшими в губернии, являлись озимая рожь, овес, ячмень, картофель, лен.

6. Крестьянское хозяйство, попав в обстановку товар-

ного производства, также приспособлялось к рынку, происходил процесс разложения крестьянства на противоположные типы сельского населения; кулацкая верхушка резко увеличивала посевные площади, особенно под картофелем, увеличивала травосеяние, приобретала плуги, железные бороны, молотилки и другие улучшенные орудия сельскохозяйственного производства.

7. Наибольшая урожайность крестьянского хозяйства была достигнута в С.-Петербургском уезде, хотя климатические и почвенные условия его были менее благоприятными. Решающее влияние на повышение урожайности в крестьянском хозяйстве в конечном итоге оказала смена феодального способа производства капиталистическим.

8. Состояние урожайности в крестьянском хозяйстве зависело от многих факторов, природных и социальных, качества почв, орудий обработки, удобрений, наличия рабочего и продуктивного скота, состава семьи и наличия рабочих рук, землевладения и др.

9. Непосредственным фактором, определявшим урожайность крестьянского хозяйства, являлась агротехника земледелия в широком смысле, включая орудия обработки, удобрения, систему земледелия, семеноводство.

10. Решающее и наиболее действенное влияние на повышение урожайности в крестьянском хозяйстве оказывало наличие и применение удобрений, прежде всего органических, а также и минеральных.

11. Основная масса крестьянства не могла улучшить своего хозяйства, поскольку испытывала нужду в земле, не имела средств на приобретение усовершенствованных орудий обработки, не имела достаточного количества рабочего и продуктивного скота, не имела возможности приобретать органические и тем более минеральные удобрения. Вот почему в целом в С.-Петербургской губернии в конце XIX столетия еще преобладала трехпольная система во многих уездах, даже наиболее сельскохозяйственных, например, Гдовский и Лужский, где господствовала соха и другие примитивные орудия.

12. Только глубокие социальные преобразования, прежде всего ликвидация помещичьего землевладения, могли создать более благоприятные условия для роста производительности крестьянского хозяйства.

И. Я. ФАДЕЕВ
Московский педагогический институт

ИЗ ИСТОРИИ ОРОШЕНИЯ НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 70—80-х ГОДАХ XIX В.

1. Учрежденное в 1837 г. Министерство государственных имуществ, с самого начала своей деятельности поставило вопрос об осуществлении оросительных работ на юге России. На основе собственных опытов и после ознакомления с заграничной техникой орошения было сделано заключение, что успешное применение орошения на юге России может быть достигнуто только на основе общего плана исследований более или менее обширных районов юга России. Однако, подготовка «общего плана» проведения оросительных работ на юге России сильно затягивалось[1].

2. Чтобы выработать общий план и провести исследования и ирригационные работы, в 1880 г. при Министерстве государственных имуществ была создана «Экспедиция по орошению на юге России», которая была связана с «Экспедицией по осушению Полесья». Обе «экспедиции» возглавил генерал И. И. Жилинский.

Экспедиция по орошению юга России по плану, составленному ей же, должна была: 1) провести исследования различных районов юга России относительно обводнения и орошения той или иной местности; 2) с учетом местности определить типы гидротехнических сооружений; 3) построить такие сооружения на казенных землях в соответствующих местах и, наконец, 4) организовать опытные полеводческие участки с применением искусственного орошения. К осуществлению намеченного плана предполагалось приступить немедленно.

В 1880 г. предполагали провести «изыскания» в Екатеринославской и Таврической губерниях. На проведение намеченных работ было отпущено 6.000 рублей из средств Министерства государственных имуществ. Кроме того «Экспедиции» ассигновано 1.600 рублей из Калмыцкого капитала[2], для изыскательских работ в Кальмыцкой степи. В сле-

---

[1] И. И. Жилинский. Очерк работ экспедиции по орошению на юге России и Кавказе. СПб., 1892, стр. 8—10.

[2] Калмыцкий капитал — средства, выделявшиеся на орошение и обводнение калмыцких степей «Управлением калмыцким народом».

дующем ,1881 г. работы должны были продолжиться при ассигновании таких же небольших средств[3].

3. Но осенью 1880 г. обнаружился, в виду сильной засухи, почти полный неурожай в Екатеринославской, Самарской и Саратовской губерниях и плохой урожай в других южных губерниях России. Засушливые годы конца 1870-х — начала 1880-х годов послужили толчком к расширению работ по орошению.

По повелению Александра II 29 октября 1880 г. образовано Особое Совещание для обсуждения мер по обеспечению народного продовольствия. Это совещание одобрило предложения управляющего Министерством государственных имуществ об организации оросительных работ в Екатеринославской, Саратовской и Самарской губерниях, с ассигнованием для этой цели 500 тыс. руб. Комитет Министров 19 декабря 1880 г. утвердил представленный план и предложил Министерству Финансов выдать уже в январе 1881 г. управляющему Министерством Государственных имуществ аванс в 100.000 рублей в счет отпускаемого в 1881 г. на орошение кредита в размере 500.000 рублей[4].

4. В Екатеринославской, Саратовской и Самарской губерниях были наспех выбраны казенные участки, где должны проводиться оросительные работы. Причем, правительство решило приступить к практическим работам по возведению оросительных сооружений в указанных губерниях не по какому-то заранее обдуманному плану борьбы с засухой, а, главным образом, с целью занять голодавшее местное население общественными работами. Многие намеченные правительством работы остались невыполненными, а выполненные работы были низкого качества[5].

В 1883 г. была вновь сделана попытка привлечь голодающее крестьянское население к оросительным работам Феодосийского уезда Таврической губернии. На проведение изысканий и строительных работ также был отпущен особый кредит в сумме 140.000 рублей.

С 1885 г. по 1891 г. новых оросительных систем не возводилось, поддерживались лишь ранее построенные сооружения. С 1888 г. «Экспедиция по орошению юга России» ста-

---

[3] И. И. Жилинский. Указ. соч., стр. 11—12.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1263, Комитет Министров, д. 770, л л. 801—805.

[5] Об обводнении южной степени полосы России. Прения по докладу М. Н. Герсеванова 20 октября 1890 г. «Записки императорского русского технического общества», 1891 г., вып. II (февральский), стр. 61—62.

ла заниматься не только изыскательными и строительными работами, а и эксплоатацией небольших участков орошаемых земель[6]. В целом же орошение земель в 1880-х годах осуществлялось медленно.

5. Засухи и голод 1891—1892 гг. заставили правительство серьезно задуматься. В 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ создает самостоятельный «Отдел земельных улучшений», который стал заниматься оросительными работами, имея для этого постоянный технический штат на местах. Но и после создания нового ведомства дело орошения земель существенно не изменилось.

По случаю засухи и голода в 1892 г. на оросительные работы правительство отпустило 539.000 рублей. С 1893 г. ежегодно отпускалось по 300.000 рублей[7].

Как и раньше, оросительные работы проводились почти полностью на казенных и помещичьих землях. Крестьянские земли, кроме некоторых кулацких, оставались без всякого мелиоративного обслуживания. Трудовое крестьянство, угнетаемое помещиками и кулаками, не имело возможности проводить оросительные работы. Только после революции 1905 года стали проводиться значительные оросительные работы на крестьянских землях, в связи со столыпинским «землеустройством», с целью насаждения и укрепления кулацких хозяйств.

Но и в это время изыскательные и проектные работы преобладали над мелиоративным строительством.

Орошение земель сильно задерживалось частной собственностью на землю, раздробленностью крестьянских земель, пережитками крепостничества, стремлением помещиков и капиталистов получить больше прибыли без существенных затрат. Поэтому прирост орошаемых земель в царской России к 1917 г. составил лишь 260—280 тысяч гектаров, не считая тех земель Средней Азии и Кавказа, которые орошались еще до присоединения последних к России[8].

Однако, следует учесть деятельность В. В. Докучаева, который в 1892 году возглавил Комиссию Лесного департамента Министерства государственных имуществ. Комиссия

---

[6] И. И. Жилинский. Указ. соч., стр. 13—14.

[7] Оросительные и обводнительные работы на юге России. «Известия Министерства земледелия и государственных имуществ», 1897 г., № 23, стр. 366.

[8] А. М. Костяков. Развитие орошения в СССР и великие стройки коммунизма. «Известия Академии Наук СССР», Отделение технических наук, 1952, № 5, стр. 651.

работала до 1900 г.; она предложила новые, научно обоснованные мероприятия по регулированию водного хозяйства в степных районах Европейской России, направленные на борьбу с засухами и на поднятие уровня земледелия[9].

Идеи В. В. Докучаева и его план мероприятий по борьбе с засухой были большим вкладом в науку. Но система мероприятий, выдвинутая В. В. Докучаевым, не смогла осуществиться в условиях царской России. Осуществление планов Докучаева стало возможным в нашей стране лишь в результате победы Октябрьской Социалистической революции и установления Советской власти.

Я. С. МЕЛЬНИЧУК

Ивано-Франковский
педагогический институт

ОРУДИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ПРИКАРПАТЬИ В XVI—XVIII ВЕКАХ.

1. Для более полного представления о состоянии производительных сил в сельском хозяйстве на определенном этапе его развития немаловажное значение имеют конкретные сведения об орудиях сельскохозяйственного производства. Однако в литературе по истории сельского хозяйства периода разложения феодально-крепостнических отношений такие сведения очень скудные. Это можно объяснить тем, что источники очень скупые, а также недостаточным вниманием к этому вопросу со стороны историков-аграрников и историков материальной культуры Украины.

2. В предлагаемом сообщении делается попытка на основании сведений, встречающихся в различных источниках, дать представление об орудиях земледелия в предгорных районах Прикарпатья, в частности в Саноцкой земле, в XVII—XVIII веках. Такие сведения мы встречаем в инвентарях фольварков, крестьянских записях о разделе и пере-

[9] Вл. Д. Соколов. Засухи и обводнения в южной половине Европейской России. «Русская Мысль», 1893, кн. 4, стр. 117—118; А. М. Костяков. Указ. соч.

даче имущества по наследству или же при его продаже, в крестьянских жалобах на ограбления, совершаемые проходящими войсками[1]. Общие сведения об орудиях и их описание мы имеем в работах Я. К. Гаура[2].

3. Из этих материалов следует, что в фольварках орудия земледелия встречаются довольно редко. В описаниях имущества фольварка лишь иногда наряду с «ридванами» и «колясами» встречаются возы, плуги, бороны. И это в то время, когда в фольварке имеется значительное количество лошадей, скота и птицы. Это кажется вполне понятным потому, что главным источником обработки земли был барщинный труд крестьян, выходивших на барщину со своими орудиями.

4. В крестьянских хозяйствах встречаются различные орудия применяющиеся в земледелии: возы, плуги, бороны, косы, серпы, вилы, цепи, мотыги, клинья, крюки, тормоза, лопаты и др. При этом следует отметить, что при их изготовлении наряду с деревом широко применяется железо. Воз, например, встречается с окованными колесами и «босый», иногда окованы только передние колеса. Плуг имеет железный лемех. Бороны встречаются с железными зубьями в четыре и пять рядов.

Как тягловая сила в земледели используются преимущественно волы и только иногда лошади. На фольварке в селе Бахор при наличии плуга, воза и бороны имелось 6 волов[3].

Наиболее разнообразные орудия встречались при знакомстве с описанием имущества несовершеннолетнего Войцеха Швабринца в селе Климковка, Саноцкой земли в 1790 году[4]. На полунадельном хозяйстве здесь имелось: воз с окованными передними колесами, плуг со всеми принадлежностями, две бороны — четырехрядная и пятирядная, тормозная цепь, пила, секира, железный клин, лопата, коса, железный ящик с разной мелочью. Правда, далеко не в каждом крестьянском хозяйстве встречается такой богатый ас-

---

[1] Центральный Государственный Исторический Архив в г. Львове, (далее — ЦГИАЛ), ф. 15, т. 158, стр. 1595; т. 167, стр. 295—303; т. 181, стр. 319—21; т. 191, стр. 212; ф. 23, д. 1. стр. 1—2, 6, 11—12, 19; ф. 48, д. 5, стр. 14, 16, 17, 24, 32—33, 46—7, 57—9, 64—6, д. 11, стр. 16; ф. 111, д. 2, стр. 16.

[2] Haur J. K Sktad albo skarbice znakomitych sekretow oekonomii ziemianskiej. Krakow, 1968 r. Oeksnomia ziemianiska generalna. Krakow, 1675.

[3] ЦГИАЛ, ф. 15, т. 191, стр. 212.

[4] ЦГИАЛ, ф. 111, д. 2, стр. 16.

сортимент орудий. Но основные орудия земледелия имеются в значительной части крестьянских хозяйств.

5. Материалы Прикарпатья подтверждают наличие здесь различных и сравнительно совершенных орудий земледелия. Для их изготовления широко применяется железо. Основными их обладателями были крестьяне. Но в силу особенностей, создававшихся для развития сельского хозяйства в период кризиса и разложения феодально-крепостнического строя в Речи Посполитой, возможности их применения были ограниченными.

П. П. ТЕЛИЧУК

Киевский институт
народного хозяйства

ТЕХНИКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА НА УКРАИНЕ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

1. Развитие сельскохозяйственной техники на Украине в первой половине XIX столетия проходило под влиянием различных естественных и экономических обстоятельств. Орудия, применяемые в одном районе Украины были мало пригодны, а то и совсем не пригодны для труда в другом. Сельскохозяйственная техника находилась под сильным влиянием развития сахарной промышленности на Украине. При сахарных заводах предприниматели организовывали машиностроительные цехи, изготовлявшие машины не только для сахарной промышленности, но и для сельского хозяйства. На Левобережье экономическая конъюнктура не была благоприятна для введения усовершенствованных сельскохозяйственных орудий. Близость степной Украины к Черному и Азовскому морям, гигантский рост черноморско-азовской торговли Украины с Западной Европой, плодородие почвы и высокие цены на зерно способствовали бурному развитию сельского хозяйства.

2. Сельскохозяйственная техника крепостного хозяйства примитивна. Помещик мало беспокоился о приобретении сельскохозяйственного инвентаря, так как крепостные обрабатывали землю не только своим трудом, но и своим живым и мертвым инвентарем. На Левобережье во всех гу-

берниях господствовала трехпольная система земледелия, четырехполье применялось лишь в отдельных хозяйствах. На Черниговщине, в средней ее части, пахоту проводили двухколесной сохой с помощью пары либо двух пар волов, на севере соха применялась без колес.

На Полтавщине и Харьковщине пахота проводилась преимущественно плугом, а там, где почва была песчанная, применялась соха и рало с одним зубом. Преобладали бороны с деревянными зубьями. Уборка хлеба на всем Левобережье проводилась, главным образом серпом. Молотьба хлеба проводилась везде цепами и лишь у богатых помещиков встречались молотилки.

На Правобережье почти весь труд по обработке земли проводился волами. Применялся плуг, в который запрягали от трех до четырех волов. Уборка хлеба проводилась серпом и косой. Обмолот происходил с помощью цепов на токах, в поле; в помещичьих хозяйствах хлеб обмалачивался преимущественно молотилками.

Сельскохозяйственные орудия степной Украины были различного асортамента и происхождения. Наиболее распространенным и главным орудием юга Украины был плуг. Озимый и яровой хлеб убирался косой с граблями. Серпами уборка проводилась редко. На юге при молотьбе цеп встречался очень редко, вся молотьба проводилась молотилками и на гарманах. Примитивная сельскохозяйственная техника крепостного хозяйства обуславливалась господством натурального способа производства.

3. Начиная с середины 40-ых годов на Украине наблюдается рост предприятий по производству сельскохозяйственных машин. Широкое распространение получают молотилки. Кроме молотилок, появляются паровые двигатели. Жнейки применялись редко и лишь в экспериментальных целях. Особенно повысился интерес помещиков к сельскохозяйственным машинам и усовершенствованному инвентарю накануне реформы. Открываются предприятия по производству сельскохозяйственных машин в Луганске (конец 20-х годов), в Екатеринославле (1835 год), в Ромнах предприятие Рихтера, фабрики сельскохозяйственных орудий Фалько в Одессе (1840 год), завод барона Унгерн-Штернберга на Полтавщине и бр. Дегтяревых в Киев (1840 г.). В это время появляется крупное предприятие Кандыбы в Конотопском уезде на Черниговщине и Потемкина в Кременчуге. В конце 50-х годов возникает крупный машиностроительный

завод Сангушко на Волыни, в Славуте. Кроме того, машиностроительные заводы при сахарных заводах производили сельскохозяйственные машины Боринского в Смеле (1840 г.), Браницкого в Дибинцах (1847 г.), Яхененко и Семиренко в Млиеве (1847 г.). В 1850 году варшавский фабрикант Лильнон открыл в Белой Церкви завод сельскохозяйственных машин и инвентаря, который позже перешел к Менцелю.

На Украине в предреформенный период русская фирма бр. Бутеноп продавала значительную часть сельскохозяйственных машин. Привозились сельскохозяйственные машины из заграницы.

4. Молотилки вызывали настоящий переворот в помещичьем хозяйстве, особенно это относится к степной Украине, где хозяйства были крупных размеров, а рабочих рук было мало. Внедрение машин повышало производительность труда за счет интенсивности труда крепостных крестьян и наемных работников. Двадцать четыре работника, из них половина женщин и детей, обмолачивали тремя молотилками 9 100 коп хлеба за три с половиной месяца в дождливую осень.

Потемкинская четырехконная молотилка за 12 часов обмолачивала 100 коп. хлеба. Однажнейка, запряженная волами, скашивала 3,5 десятин. Уборка жнейками 720 десятин хлеба стоила 1868 рублей, а уборка косами обходилась в 2160 рублей.

Повышение интенсивности и производительности труда благодаря внедрению машин в сельское хозяйство, рост товарности помещичьего хозяйства отразились на организационной структуре крепостного хозяйства. Замкнутость и изолированность крепостного хозяйства, а вместе с ними рутина, примитивность техники были прорваны. Наряду с крепостным трудом стал широко применяться наемный труд. Подготавливалась смена простого товарного производства капиталистическим производством.

З. Д. ЯСМАН

Гос. Исторический музей,
Москва

ПРЕДПРИЯТИЕ БРАТЬЕВ БУТЕНОП В МОСКВЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН И ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. С 80-х годов XVIII в. наметился постоянный интерес помещиков к улучшенным и новоизобретенным сельскохозяйственным орудиям. Усиленные поиски наилучших конструкций орудий, изготовление многих улучшенных и изобретенных орудий, возникновение первых отечественных мастерских падает на период к XVIII — нач. XIX вв. Становление же и развитие отрасли машиностроения совпадает с периодом кризиса феодально- крепостнических отношений.

Улучшенные орудия применялись прежде всего в помещичьих хозяйствах, их новые потребности и стремилось удовлетворить русское производство, что видно на примере рассматриваемого предприятия. Помещичьи с/х общества и правительство, отражая интересы помещиков в целом, оказывали некоторым предприятиям помощь и покровительство, что хорошо прослеживается в истории предприятия Бутенопов.

Период отечественного с/х машиностроения до 1861 г. не нашел еще себе полного отражения в литературе и рассматривается чрезвычайно бегло, схематично при обилии противоречивых и неверных фактов, цифр и т. п.

2. Вместе с тем изучение головного в этой области до 1861 г. предприятия Бутенопов в его развитии, изменения характера этого заведения, ассортимента его продукции и определение преимущественных районов сбыта представляется крайне важным не только для выяснения закономерностей развития определенной промышленной отрасли — с/х машиностроения, но и для понимания аграрной истории России 2-й четверти 19 века. Ибо в это время ограничить изучение производительных сил в сельском хозяйстве России изготовлением орудий в помещичьих и крестьянских хозяйствах и ввозом улучшенных иностранных машин было бы совершенно неверно.

3. Систематизированные данные печатных источников и архивов позволяют проследить историю указанного пред-

приятия, которое развивалось как капиталистическое, проходя все характерные стадии от мастерской через мануфактуру к фабрике. Переход к фабрике не был завершен до 1861 г.

Численность ежегодно занятых вольнонаемных рабочих находилась в тесной связи с изменением характера заведения: если для первого периода зафиксировано 35 человек, то развившаяся мануфактура дает 160 чел., а в период перехода к фабрике — 156 чел. в среднем в год. Большинство наемных рабочих являлись оброчными помещичьими крестьянами. Источником рабочей силы были преимущественно центральные районы, а в депо, открытые на Украине, нанимались местные крестьяне. Несмотря на предпосылки текучести рабочей силы, заложенные в самом факте крепостного состояния, значительная часть наемных рабочих была длительное время связана с предприятием. Но в канун реформы начался массовый отзыв помещиками своих крестьян. Выявленные данные рисуют тяжелые условия труда рабочих бутеноповской мануфактуры и весьма тщательную систему надзора.

4. В тесной связи с изменением характера предприятия менялись и объем и ассортимент продукции. Бутенопы — ремесленники делали только ручные веялки в ограниченном количестве. В 1830-х гг. осваиваются новые орудия и машины, в первую очередь — конные молотилки, плуги, соломорезки. Период с сер. 40-х гг. весьма важен: прекращается производство ряда не оправдавших себя экономически орудий, налаживается выпуск новых, преимущественно конных орудий. С 1854 г. начинается регулярный выпуск отдельных конных приводов с целью замены ручного труда силой рабочего скота. Предприятие не специализировалось на выпуске считанных видов продукции, но налицо тенденция к этому, круг видов продукции сужается. Особенно возрастает производство основных орудий и машин в предреформенный период с увеличением доли конных машин в ответ на резко увеличившийся спрос на них. Конкретные данные об объеме продукции и ее реализации за весь период приводятся в тексте доклада.

В связи с потребностями русского хозяйства характерным является постоянное улучшение освоенных изделий. При этом было стремление быстро откликаться на изменения, производимые русскими изобретателями. Нагляден

пример с усовершенствованием конструкции молотилки для отечественных твердых сортов пшеницы на юге страны.

5. Выбор конструкций, удачных и приспособленных для русского хозяйства, стремление добиться удовлетворительного качества изделий способствовали признанию заведения со стороны подавляющего большинства помещиков-покупателей и практиков. По образцу бутеноповских делали молотилки и веялки крепостные мастера в помещичьих имениях и другие механики в своих заведениях.

В целом качество бутеноповских веялок, молотилок, соломорезок и некоторых плугов удовлетворяло русских помещиков, хотя отделка и обработка деталей не всегда были совершенными.

Ряд причин обусловил довольно высокие цены на сельскохозяйственные машины Бутенопов, что делало их малодоступными для мелких и средних помещиков. Однако в сравнении с другими подобными заведениями, основанными на вольнонаемном или крепостном труде, бутеноповские цены с учетом качества продукции можно определить как умеренные. В целом же динамика цен связывалась с конъюнктурой на рынке, с появлением и развитием конкурентной борьбы в области производства с/х орудий, что требовало снижения цен даже на фоне растущего спроса.

Своеобразным выходом для средних и мелких помещиков в предреформенные годы стало приобретение машин напрокат или совместно («компаниями»).

6. Интересны данные об основных рынках сбыта продукции. Если мастерская Бутенопов обслуживала некоторые хозяйства лишь Московской и Рязанской губ., то мануфактура резко расширила рынок сбыта и приобрела характер всероссийского предприятия. В период перехода к фабрике диапозон обслуживания еще более расширился. Собранные данные позволяют проследить, в какие губернии шли отдельные виды продукции. До середины 50-х гг. сложились основные рынки сбыта бутеноповских молотилок: Украина (прежде всего — Екатеринославская, Херсонская и Харьковская губ.) и Поволжье (прежде всего — Саратовская губ.), а к 1860 г. Центр становится более емким для Бутенопов рынком (Тамбовская, Тульская, Рязанская, Московская и пр. губ.), что закономерно для предреформенного года. Характер всероссийского предприятия был при этом не утрачен. Однако. усиление спроса на с/х машины в районах

«хлебных фабрик» в большей степени, чем в Центре, укрепление и увеличение числа конкурирующих предприятий молодой отрасли машиностроения, особенно на Украине, усиленный ввоз туда иностранных машин к 1861 г. сыграли немаловажную роль в уменьшении значимости предприятия Бутенопов для Украины и Поволжья. Развитие предприятия Бутенопов в соответствии с потребностями русского сельского хозяйства тормозилось феодально-крепостическим строем, характерно, что указанное предприятие (как и другие в этой же области) не освоило к 1861 г. выпуск таких машин, как локомобили, сенокосилки, усовершенствованные жатки, и приняло участие в удовлетворении соответствующего спроса иностранными машинами.

7. Заведение Бутенопов было многообразно связано с русскими помещиками и в целом через дворянские с/х общества, прежде всего — Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) и находилось в поле зрения нескольких правительственных учреждений. Развитие в условиях крепостнического строя приводило к некоторым особенностям, не менявшим сущности: казенные льготы, опека помещичьих обществ, попытка регулирования цен «сверху», проблема рабочей силы и условия труда работников и т. п.

Главный итог развития указанной отрасли в предреформенные десятилетия (в т. ч. и бутеноповского заведения) сводился к тому, что возникшая из потребностей нового, она утверждала новое и расшатывала старое, ею был внесен значительный вклад в развитие производительных сил, в развитие производительных сил, в углубление кризиса феодально-крепостнического строя. Использование машин в помещичьем хозяйстве имело важные социальные последствия: расширение объема применения вольнонаемного труда, сокращение сферы ручного труда, так как применение одних машин закономерно влекло за собой другие.

Наиболее конкретно итог деятельности сказался в массовом распространении прежде всего русских молотилок и веялок к 1861 году, когда уже настоятельно возникла потребность столь же широкого обеспечения жатками и локомобилями.

Е. Н. ГУМЕНЮК

Львовская государственная
научная библиотека

ПОМЕЩИЧИЙ ФОЛЬВАРК КАК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ В НАЧАЛЕ 1870-Х ГГ. В ГАЛИЦИИ

1. Конец 1860 — начало 1870 гг. в аграрно-исторической литературе принято считать периодом завершения реализации реформы 1848 г. и послереформенной перестройки помещичьего хозяйства в Галиции. Конкретизация этого общего положения является первоочередной задачей в изучении капиталистической эволюции галицкого поместья.

2. В настоящем сообщении делается попытка на конкретном примере показать, что представляло собой помещичье хозяйство в Галиции через 20 с лишним лет после отмены барщины, в каком состоянии вышло оно на тот рубеж, с которого начинается новый этап его развития.

3. Эту задачу докладчик полагает решить, главным образом, путем экономического анализа структуры прибылей взятого в качестве объекта исследования поместья с целью установления: а) что представлял собой помещичий фольварк как сельскохозяйственное предприятие и б) что представляло собой помещичье землевладение как источник дохода вообще. Докладчик считает, что выяснение этих вопросов является важнейшим условием определения экономического типа помещичьего хозяйства. Параллельно с этим будут использованы и другие данные об экономике поместья.

4. В качестве объекта исследования взято Пеняцкое поместье графов Дзедушицких, расположенное в Бродском уезде Восточной Галиции, в зоне с почвенно-климатическими условиями примерно среднегалицкого уровня. Земельная площадь имения в исследуемый период составляла около 20,5 тыс. моргов, из чего 4.140 м. приходилось на пашню и огороды; луга занимали 1.160 м., лес — 12.540 м., 2.000 моргов приходилось на пруды и около 650 — на пастбища и неудобные земли. Имение располагалось на территории 14 сел двумя массивами и состояло из 6 фольварков, образовавших два замкнутых хозяйственных комплекса, включавших каждый по три фольварка и по винокуренному заводу. Один

из этих комплексов находился в собственной администрации, другой сдавался в аренду. Кроме того, в имении имелись пивоваренный и стеклянный завод, 2 кирпичных заводов, 6 мельниц, 5 рыбных прудов и 7 пасек. Все эти хозяйственные объекты, за исключением пасек и кирпичных заводов, продукция которых потреблялась преимущественно внутри хозяйства, сдавались в аренду. Лесные угодья были разделены на 7 лесничеств. Полная балансная стоимость имения составляла около 1.000 тыс. злотых.

5. В соответствии с задачей настоящего исследования, в его основу положено изучение бухгалтерских балансов имения за 1870/71-й хозяйственный год, по подробности и тщательности записей представляющих собой материал в своем роде уникальный. В хозяйственном отношении взятый нами год был для имения благоприятным: чистый доход имения в этом году превысил среднегодовой доход за 6 лет (1867—1873) на 16%.

6. Обработка балансов показала следующее: В 1870/71 хозяйственном году имение принесло владельцам дохода в злотых:

а) В виде ренты от земли и построек	32.200
б) В виде предпринимательской прибыли	3.500
в) В виде доходов от монополий	14.800
Всего	50.500

Норма ренты составила 2,9%, норма прибыли — 2,85%.

7. Как видно, предпринимательская прибыль заняла в доходах имения очень скромное место. В среднем же как показывают счета, имение вовсе не получало предпринимательской прибыли. Фольварки собственной администрации за 6 указанных лет не получили даже ренты, а с винокуренным заводом включительно-принесли имению значительный убыток. В связи с этим следует отметить, что промышленные предприятия вообще эксплоатировались в имении на убыток. Анализ контрактов аренды и счетов этих предприятий показывают, что они служили владельцам имения лишь средством превращения в товарную продукцию леса, зерна, картофеля и др. производившихся в имении продуктов. Но, будучи убыточными, они все же приносили наличные деньги и это, повидимому, устраивала владельцев имения.

8. Структура доходов имения далее показывает, что земельную ренту оно получало в виде арендной платы и доходов от монополий. Сравнительно низкий процентный

уровень арендной платы объясняется, повидимому, не столько хозяйственной конъюнктурой, сколько тем обстоятельством, что уровень цен на помещичью землю в Галиции в этот период определялся не продуктивностью земледелия, а общей доходностью землевладения. Это несоответствие цен на землю доходности земледелия вызывало также нарушение нормальной взаимосвязи между ценой земли и арендной платой. Совокупная земельная рента, получаемая владельцами имения, составляла 4,33% и приближалась к ссудному проценту, т. е. по своим размерам была капиталистической.

9. Контакты имения с крестьянской средой и условия найма и оплаты труда также обнаруживают значительные остатки патриархально-барщинных отношений. Двор попрежнему оставался крестьянским кредитором и опутывал их долгами. За более чем 400 крестьян окрестных сел числилось около 5.200 злотых долгов, процент по которым отрабатывался в имении. За отработки сдавались в аренду и пастбища сельским общинам. Остатки барщинных отношений выступают также в громоздкости административно-надзорного аппарата имения: содержание ее администрации и службы надзора в фольварках собственной администрации поглощало 30% расходов на живой труд.

10. Пример Пеняцкого имения показывает, что перешедшее на собственную материальную базу и наемный труд помещичье хозяйство Галиции на рубеже 1860—1870-х гг. не было предпринимательским капиталистическим хозяйством. Оно не получало предпринимательской прибыли, а извлекаемая помещиками из земли рента, будучи капиталистической по своим размерам, по происхождению была на треть феодальной. Способ ведения хозяйства также сохранял явственные остатки барщинных отношений. Переход помещиков к капиталистическому предпринимательству тормозился привилегированным положением помещичьего землевладения, обеспечивавшем ему высокий и устойчивый доход в виде ренты. Это — сдерживало капиталистическое развитие не только помещичьего хозяйства, но и сельского хозяйства в целом, т. к. задерживало парцелляцию помещичьей земли и развитие буржуазного землевладения.

В докладе будет дан подробный анализ балансов важнейших предприятий имения, характеристика его материальной базы, продуктивности хозяйства и пр.

М. И. КОЗИН

Институт истории
АН Латвийской ССР

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЛАТВИИ НА МОЛОЧНОМ ЖИВОТНОВОДСТВЕ (1860-е годы — 1914 годы)

1. Развитие молочного животноводства является одним из важнейших показателей проникновения капитала в земледелие. Развитие этой отрасли сельского хозяйства предопределяет переход от трехполья к многополью с травосеянием, создает условия для более равномерного потребления рабочей силы в течение сельскохозяйственного года. Посредством скупки молока капитал подчиняет себе и мелких землевладельцев, — особенно при устройстве так называемых «сборных молочных», усиливает разложение крестьянства[1].

2. Начало специализации сельского хозяйства Латвии следует отнести к 60-м годам XIX в. Положительную роль сыграл и опыт разведения мериносовых овец в 30—50-х годах XIX в., что заставило владельцев имений обратить внимание на расширение кормовой базы. Под давлением конкуренции на внутреннем и международном рынке австралийской шерсти и шерсти степных районов юга России, мериносовое овцеводство в имениях Прибалтики в середине XIX в. было свернуто. В годы свертывания овцеводства некоторые помещики пытались заменить его молочным скотоводством. Основные усилия помещиков были направлены на увеличение продуктивности скота, для чего завозили племенной рогатый скот из-за границы. Но делалось это неумело, привозной скот плохо акклиматизировался и вырождался. На научную почву улучшение породы крупного рогатого скота было поставлено лишь в 60-х годах академиком Миддендорфом. В последующие десятилетия в Лифляндской губернии получил распространение хорошо акклиматизировавшийся ангельнский скот, а в Курляндской — голландский и ангельнский. Эти породы оказались пригодными и для улучшения аборигенного скота.

3. Постройка Риго—Орловско—Царицынской железной дороги направила хлебный поток из внутренних губерний в Ригу, усилила конкуренцию местному хлебу. Это стиму-

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3. Развитие капитализма в России, гл. IV.

лировало переход к молочному и мясному скотоводству. В этом же направлении влиял и рост городского населения. Однако хорошая коньюнктура, рост цен на хлеб на международном рынке в течение 60—70-х годов ослабляли внимание к молочному животноводству. Успехи в молочном животноводстве в течение 60—70-х годов были незначительны. И в имениях и у крестьян скота было много, но малопродуктивного. Только в незначительной части имений молочное животноводство стало ведущей отраслью. В крестьянских хозяйства в основном сохранялось «навозное» животноводство.

4. Положение в животноводстве резко изменилось с началом в 80-х годах сельскохозяйственного кризиса. Цены на зерно с 1881 по 1895 год упали на-половину, на рожь даже больше: со 130 коп. до 58 коп. за пуд. Падение хлебных цен привело к резкому уменьшению доходов крупных землевладельцев и поставило в весьма трудные условия арендаторов и собственников участков из крестьян, купивших землю по высоким ценам. Выход из кризиса сельские хозяева Прибалтики, как и хозяева стран Западной Европы, искали в переходе к молочному скотоводству. Быстрее специализировались крупные, помещичьи хозяйства, располагавшие свободными капиталами, имевшие возможность компенсировать убытки, вызванные сельскохозяйственным кризисом, усиленной вырубкой лесов, винокурением и другими сельскохозяйственными производствами. В целях поощрения развития молочного скотоводства в 1891 году помещиками было создано общество балтийских молочных хозяев. Уровень развития молочного скотоводства в имениях виден из обследования 1898 года. В 549 имениях (74% общего количества имений) Курляндской губернии было зарегистрировано 54 530 голов рогатого скота. Породистый скот составлял 54,3%, местный необлагороженный — 45,7%. В 419 имениях (85,9% общего числа имений) латышских уездов Лифляндской губернии (Видземе) было зарегистрировано 28 000 голов. Местный необлагороженный скот составлял здесь лишь 23,7% от общего количества. В 1898 году в имениях Видземе было зарегистрировано 231 стадо породистого молочного скота. По времени эти фермы были созданы: до 1870 года — 3,0%, в 1870—79 гг. — 12,6% в 1880—89 гг. — 28,1% и в 1890—98 гг. — 56,3%. Из этих данных видно, что решающий сдвиг в сторону молочного скотоводства в имениях наступил в ходе кризиса.

5. В крестьянском хозяйстве по-прежнему содержался малопродуктивный скот, но количество его возросло: в Курляндской губернии с 176 000 голов в 1880 году до 233 тысяч в 1900 году, в Лифляндской губернии, по не вполне сопоставимым данным с 413 000 до 454 000 голов.

Усиление роли молочного животноводства в помещичьих и крестьянских хозяйствах сопровождалось расширением кормовой базы. В особенности выросли площади под кормовыми травами.

Губерния	Год	Владельческие земли		Крестьянские земли	
		на 100 дес. земель под посевами было занято травами	посевы трав в 1901 г. к 1881 году, принятому за 100	на 100 дес. под посевами было занято травами	посевы трав в 1901 г. к 1881 году, принятому за 100
Курляндская	1881	22,6	—	5,7	—
	1901	25,0	148,1	17,2	402,0
Лифляндская	1881	14,3	—	6,0	—
	1901	18,9	169,5	14,6	386,7

Еще больше увеличились посевы трав в первом десятилетии XX века. Вместе с естественными лугами более 60% всех сельскохозяйственных угодий Курляндской и Лифляндской губерний использовалось для выращивания кормов.

6. Результаты усиления внимания к молочному животноводству в крестьянских хозяйствах сказались в начале XX века. С 1903 года в Латвии стали возникать крестьянские контрольные союзы молочного скотоводства, возглавившие движение в пользу улучшения крестьянского скотоводства. К началу 1913 года в Латвии было учреждено 275 таких контрольных союзов, в которых состояло 5220 членов (примерно 10% всех крестьянских хозяйств), и 54 молочных товарищества, занимавшихся переработкой и сбытом молочной продукции.

7. Доходы от молочного животноводства стали основными, по крайней мере в имениях. По анкетным данным 55 имений Лифляндской губернии, относящиеся к 1911—1913 годам, обработанным Л. Балевиц и сведенным мною к средним арифметическим, валовый доход поступал: 15,5% от продажи скота и мяса, 39,8% от продажи молочных продуктов, 30—35% от продажи зерна и 10—15% от осталь-

ных отраслей, включая лесное хозяйство. В Курляндской губернии в эти же годы 55—60% доходов имений давало молочное животноводство. В крестьянском хозяйстве молочное животноводство также стало ведущей отраслью, хотя и не господствующей. Как товарная культура у крестьян сохранил свою роль лен и в меньшей степени — зерновые культуры.

8. Хотя в специализации сельского хозяйства Латвии в дореволюционный период были достигнуты заметные успехи, но молочное животноводство, за исключением некоторых имений, не стало еще интенсивным. Продуктивность скота, особенно в крестьянских хозяйствах, была невысока. Кормовая база расширилась почти исключительно за счет клевера и овса, пропашных культур выращивалось мало. Специализация на молочном животноводстве шла наиболее успешно в части крупных, капиталистически организованных имений и в кулацких хозяйствах, объединявшихся различными видами кооперативов. Разложение крестьянства в ходе специализации еще более усилилось.

Л. БАЛЕВИЦА

Институт истории
АН Латвийской ССР

О СТРУКТУРЕ И ДОХОДНОСТИ ДВОРЯНСКИХ ИМЕНИЙ ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

1. В докладе рассматривается состояние лифляндских помещичьих хозяйств накануне войны, явившиеся результатом более чем полувекового капиталистического развития. Основное внимание уделяется структуре хозяйств и доходности отдельных отраслей. Автор делает попытку определить степень развития капитализма в отдельных отраслях, соотношение в них капиталистических и полукрепостнических элементов.

2. При разработке вопроса автор руководствовался указаниями В. И. Ленина о развитии капитализма в сельском хозяйстве России, и в том числе в Прибалтике.

3. Сохранившиеся в фонде Лифляндского общеполезного и экономического общества анкеты, годовые отчеты,

хозяйственные книги имений и другого рода документы позволяют восстановить весьма полную картину хозяйственной жизни 80 имений Лифляндской губернии: экономическую структуру, характеристику полеводства и скотоводства, соотношение отдельных отраслей по их доходности и т. п.

4. Большинство имений — это капиталистические многоотраслевые хозяйства, в которых определяющее место занимает сельское хозяйство. Как правило, хозяйство центра совпадает с хозяйством имения, если пашня последнего не превышает 250—350 десятин.

5. Ведущее место в имениях (центрах) занимает молочное скотоводство. Стада, как правило, состоят из скота ангельнской и голландской породы (удои в среднем 2613 кг). Для большинства имений характерно значительное количество продуктивного скота: в среднем на 100 десятин пашни приходится 30 дойных коров. Племенной скот разводится и для продажи.

6. Использование сельскохозяйственных угодий подчинено нуждам скотоводства: одну треть используемой в сельском хозяйстве земельной площади занимает луга и пастбища, около 30% пашни находится под клевером, разными травами и корнеплодами. Скармливается скоту также часть зерна. Лен, основная товарная культура в прошлом, в помещичьих хозяйствах почти не культивируется.

7. В рассматриваемый период сельскохозяйственное производство лифляндских имений рентабельно. Несмотря на довольно большие расходы, сельское хозяйство прибыльно почти во всех имениях: в среднем сельское хозяйство дает 50% общего дохода имений. 55—60% доходов сельского хозяйства дает скотоводства (из них $^2/_3$ — от реализации молока и молочных продуктов).

8. Лифляндские помещики являются крупными поставщиками сельскохозяйственных продуктов на внутренний и внешний рынок. Большинство имений специализируются на производстве молока и переработке молочных продуктов. Немалую долю товарной продукции составляет продукция предприятий промышленного характера.

9. Накануне первой мировой войны большинство центров имений были капиталистически организованными многоотраслевыми хозяйствами. Однако, ввиду отсутствия материалов трудно установить способ хозяйствования на землях, сдававшихся в аренду.

10. Безжалостная эксплуатация наемного труда (наряду с широкой специализацией сельского хозяйства, рациональным применением машин, а также налаженной организацией сбыта сельскохозяйственной продукции) была одним из важнейших факторов повышения доходности хозяйства.

11. Наряду с совершенно организованным, обеспеченным техникой и рабочей силой хозяйством мызных центров на помещичьей земле существовало мелкое хозяйство арендаторов, полузерников, батраков с наделом, в котором применялись примитивные орудия труда. Таким образом, большие земельные площади в границах имений оставались вне нововведений, которые принесло с собой развитие капитализма в сельском хозяйстве. Поэтому и большие латифундии, невзирая на капиталистическую организацию хозяйства их центров, являлись тормозом на пути дальнейшего развития сельского хозяйства Лифляндии

Д. И. БУДАЕВ

Смоленский пед. ин-т

ФОНД ДВОРЯНСКОГО БАНКА КАК ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

1) Важнейшей задачей советских историков-аграрников является изучение конкретных путей капиталистической эволюция сельского хозяйства пореформенной России, особенностей, степени и уровня развития аграрного капитализма на разных этапах и в различных районах страны.

Исследование этой проблемы невозможно без разработки истории помещичьего хозяйства после отмены крепостного права. Сохранение помещичьего землевладения в результате реализации «Положений 19 февраля 1861 года», темпы и масштабы его сокращения в конце XIX — начале XX вв., способы ведения помещиками своего хозяйства, соотношение в их имениях капиталистической и отработочной системы — все это оказывало огромное влияние на темпы развития аграрного капитализма, в значительной мере определяло победу того или другого («прусского» или «американского») пути, а также особенности развития капитализма в сельском хозяйстве отдельных экономических районов.

Эволюция помещичьего хозяйства в конце XIX — начале XX в. является предметом исследования ряда советских историков (А. М. Анфимов, Л. М. Иванов, Л. П. Минарик, К. И. Шабуня, Д. Е. Шемяков и др.), однако, проблема исследована далеко недостаточно.

2) Значительные трудности создает отсутствие источников по ряду вопросов проблемы. Помещичьи имения не были так тщательно и всесторонне обследованы, как крестьянские хозяйства, земскими статистиками (подворные переписи). Сводные же материалы Центрального статистического комитета и ведомств, а также исследования научных обществ предоставляют в руки историков, хотя и довольно обширный, но все же односторонний материал; они, в частности, не позволяют получить более или менее полное, в достаточной мере аргументированное статистическими подсчетами представление о соотношении капиталистической и отработочной систем в помещичьем хозяйстве. Большой интерес представляют произведения публицистики: сочинения А. Н. Энгельгардта (его «Письма из деревни» были тщательно изучены В. И. Лениным), А. П. Мертваго, С. Ф. Шарапова, многочисленные статьи в сельскохозяйственных периодических органах («Сельское хозяйство и лесоводство», «Хозяин», «Земледельческая газета», «Скотоводство», и др.); однако, в этих источниках, не говоря уже об обычных недостатках публицистики как исторического источника, подробно освещена деятельность только отдельных, чем-то выделявшихся помещиков-хозяев.

3) Отсутствие статистических исследований помещичьего хозяйства в значительной мере восполняется описаниями помещичьих имений, хранящимися в фонде Дворянского банка (ЦГИА СССР, ф. 593 и фонды местных отделений этого банка в областных архивах). Описания содержат сведения о месторасположении закладываемого имения, количестве земли и распределении ее по угодьям, о количестве скота и сельскохозяйственных орудий, о промышленных предприятиях, имеющихся в имении, о способах ведения хозяйства с расчетами о его доходности, об обстоятельствах, повышающих или понижающих ценность имения, и т. д. Представленное помещиком описание проверялось чиновником Банка, что обеспечивает определенную степень достоверности сообщаемых сведений. Источник является массовым по своему характеру (только в ЦГИА СССР хранится свыше 60 тысяч архивных дел с описаниями помещичьих имений).

Степень полноты сообщаемых в описаниях помещичьих имений сведений неодинакова. Данные о живом и мертвом инвентаре нередко приводятся без подразделения на рабочий скот и орудия, в суммовом выражении. Сведения о животноводстве часто ограничиваются лишь цифрами о количестве крупного рогатого скота, без указания способов его содержания, реализации продуктов животноводства и т. д. Наиболее полно освещаются вопросы, связанные с доходностью полеводства. Указаны не только размеры хозяйства, система земледелия, средняя урожайность, но и, что особенно важно, способы ведения хозяйства: использование труда годовых и сроковых работников, поденщиков, отработки в различных видах, сдача угодий в аренду и др. Причем по всем этим вопросам имеются количественные показатели, что позволяет исследователю установить соотношение капиталистической и отработочной систем.

Наиболее обстоятельны описания помещичьих имений, представленные в конце XIX в., менее полны — составленные в начале XX в., особенно после первой русской революции (доходность имения стали указывать без характерных для предыдущего периода детальных подсчетов по основным статьям дохода и расхода). Другой существенный недостаток источника — замена в ряде случаев анализа состояния конкретного имения подсчетами возможных доходов при использовании в нем типичного для данной местности способа ведения хозяйства или наиболее верного способа извлечения дохода.

4) Таким образом, материалы Дворянского банка представляют наибольший интерес при изучении соотношения капиталистической и отработочной систем в помещичьем хозяйстве в конце XIX — начале XX вв., что помогает лучше понять особенности, степень и уровень развития аграрного капитализма в пореформенной России. Первую серьезную попытку использования источника в этих целях представляет исследование Л. П. Минарик «Экономическая характеристика крупнейших земельничных собственников России конца XIX — начале XX вв. (землевладение, землепользование и система хозяйства» (кандидатская диссертация). Вместе с тем материалы Дворянского банка могут быть использованы при изучении ряда других вопросов истории: аграрная политика самодержавия (в связи с деятельностью Дворянского банка), вопросы агротехники, урожайности основных культур и товарности сельскохозяйственного про-

изводства во второй половине XIX — начале XX вв., монографическое исследование отдельных помещичьих хозяйств, некоторые стороны деятельности выдающихся представителей науки и искусства — выходцев из дворян и т. д.

В докладе будут изложены результаты статистической обработки автором описаний помещичьих имений Смоленской губернии извлеченных из фондов: Дворянского банка (ЦГИА СССР, ф. 593), Смоленского отделения Дворянского банка (ГАСО, ф. 12) и Московского земельного банка (ГИАМО, ф. 277).

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ВТОРОЙ СЕКЦИИ

«КАТЕГОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ» (XIV — НАЧАЛО XX ВВ.)

А. А. ЗИМИН

Институт истории
АН СССР

ХОЛОПЫ НА РУСИ XIV—XV ВВ.

1. История холопства на Руси XIV—XV вв. принадлежит к числу явно недостаточно исследованных проблем. В литературе до настоящего времени нет полной ясности, развивался ли этот институт или происходил процесс его изживания. До недавнего времени бытовала точка зрения о том, что отпуск холопов на волю XIV—XV вв. является наглядным свидетельством изживания холопьего труда.

2. В XIV—XV вв. изменялся состав источников, которые формировали дворовую челядь феодала. Ими теперь были: рождение в холопстве, переход по наследству и в «приданое», а также покупка. Рыночная цена холопа колебалась в это время в пределах от одного рубля до трех. Роль военных захватов, как источника пополнения холопства, резко уменьшилась. Все чаще полон, захваченный в ходе междукняжеских столкновений, распускался по домам после их окончания.

3. Среди холопов XIV—XV вв. выделяются две категории: «слуги» и «деловые люди» (обычно — «страдники»). Слуги феодала составляли верхнюю прослойку холопства. Из них выходили ключники, посельские, дьяки, а также холопы-воины. Некоторые из них получали землю в прекарное держание и к концу XV в. сделались одним из источников формирования поместной системы. Выходцы из среды несвободных слуг занимали видное место в формирующемся аппарате великокняжеской власти.

В состав деловых людей входила большая группа холопов-ремесленников, обеспечивавшая феодала основными продуктами своего мастерства. Но подавляющее большинство деловых людей работало на пашне (страдные люди). Значительная роль холопьего труда в феодальной вотчине XIV—XV вв. объясняется незавершенностью процесса крестьянского закрепощения в условиях продолжающейся внутренней колонизации страны. Структура феодальной вотчины и формы эксплуатации зависимого населения в это время имели много общих черт с феодальной вотчиной Киевской Руси. Господское хозяйство обслуживалось трудом холопов, а

крестьяне платили натуральные и денежные поборы, выраставшие из даней и кормов. Никакого «раскрепощения» в XIII—XV вв. (и следовательно, вторичного закрепощения в XVI в.) на Руси не происходило.

4. Анализ духовных грамот великих и удельных князей показывает, что, как правило, свободу получали только холопы-служебники, которые и по своему фактическому положению переставали входить в состав зависимой челяди. Постепенно подготовлялась норма статьи 66 Судебника 1497 г., изъявшая из холопства слуг по «городскому ключу». Всех своих «людей» отпускали на свободу обыкновенно те князья, у которых не было детей мужского пола.

5. Изучение завещаний светских феодалов позволяет установить, что в XIV—XV вв. у рядового землевладельца Северо-Восточной Руси было не более одного-двух десятков холопьих семей. У крупного феодала число этих семей доходило обычно до 70—100, редко превышая это число. На свободу, как правило, отпускались отдельные холопы из числа семей, продолжавших оставаться в состоянии зависимости. Только те владельцы, у которых не было прямых наследников мужского пола, выпускали на волю своих «людей», также, как отдавали все свои земли «на помин души» в монастыри.

6. Вопрос о степени распространённости холопства в Великом Новгороде XIV—XV вв. остается открытым. По сохранившимся духовным и полным грамотам нет оснований говорить о широком бытовании холоповладения в Новгороде, а писцовые книги рисуют уже московские порядки.

7. Скупые сведения источников позволяют восстановить картину напряженной борьбы холопов за лучшую долю. Важнейшей из форм этой борьбы были побеги.

8. Ранее других феодалов на путь отказа от применения труда холопов встала феодальная церковь. Обладая значительными денежными средствами, она нередко выкупала рабов на свободу, превращая их в феодально-зависимых крестьян.

9. Экономическая невыгодность холопьего труда и борьба холопов за свое освобождение привели к выделению из состава «полных людей» кабальных, пополнявшихся за счет закабаления разорявшегося крестьянства.

10. Холопье право XIV—XV вв. не претерпело существенных изменений по сравнению с предшествующим перио-

дом и базировалось в основном на нормах, выработанных еще в эпоху Русской Правды. Процесс увеличения правоспособности холопов был чрезвычайно медленным. Судебник 1497 г. скорее фиксировал старые нормы, внося в них частные коррективы, чем сближал холопов с другими слоями русского общества.

11. Изживание холопства на Руси XIV—XV вв. происходило в первую очередь не за счет отпуска господских «людей» на волю (численность холопов, очевидно, даже увеличилась), за счет того, что в пределах вотчины возрастал удельный вес феодальной ренты, которую вносили крестьяне своему господину.

В. И. КОРЕЦКИЙ

Институт истории
АН СССР

СЕЛЬСКОЕ БОБЫЛЬСТВО В РОССИИ И ПРОЦЕСС ЗАКРЕПОЩЕНИЯ

1. Бобыльство как категория сельского населения давно привлекла внимание исследователей (М. А. Дьяконов, С. Б. Веселовский, Б. Д. Греков, А. Л. Шапиро и др.). Термин этот появился на рубеже XV—XVI вв., а во второй половине XVI в. бобыльство приняло уже массовый характер (в скрытом виде бобыльство, как показал А. Л. Шапиро, существовало уже в XV—XVI вв. под именем «пешеходцев», «пещев»). Развитие бобыльства на протяжении XVI в. было обусловлено, в какой-то мере, процессом отделения промыслового труда от земледельческого, развитием товарно-денежных отношений, но при этом нельзя сбрасывать со счета и таких существенных, на наш взгляд, факторов, как «хозяйственное разорение» деревни во второй половине 16 в., вызванное резким усилением налогового обложения в связи с Ливонской войной, и общий ход закрепощения.

2. Источники по истории сельского бобыльства XVI в. крайне скудны и неясны из-за своей лаконичности. Несколько порядных да специфические показания писцовых книг мало что дают для понимания экономического и правового положения бобылей в XVI в. Исследователям зачастую приходилось прибегать при характеристике бобыльства 16 в. к

ретроспективному использованию данных 17 в. Поэтому большое значение имеет привлечение новых архивных материалов в виде судебных дел 80—90-х гг. XVI в., в которых речь идет и о бобылях. В процессе изживания тяжелых последствий «хозяйственного разорения» деревни бобылям принадлежит значительная роль. Документы свидетельствуют, что бобыли-приходцы наделялись помещиками землей. Им выдавалась подмога скотом и семенами, предоставлялись льготы. Не положенные, как правило, в тягло бобыли привлекались для восстановления пришедшей в упадок сельско-хозяйственной культуры. Помещики пытаются сравнять бобылей с крестьянами в отбывании владельческих повинностей, использовать их труд для обработки собственной барской запашки. В 90-х гг. 16 в. наблюдается тенденция к ограничению переходов как крестьян, так и бобылей. По указу 1592—93 г. права выхода были лишены и крестьяне и бобыли.

3. Исключительный интерес представляют обнаруженные нами подворные описи 1600 г. по дворцовым владениям в районе Новгорода, в которых указано количество лошадей, коров и свиней как у крестьян, так и у бобылей. Впервые для характеристики экономического положения бобылей могут быть привлечены количественные показатели. Имущественное положение бобылей значительно хуже даже «непрожиточных», «охудавших» крестьян. Если 90 «непрожиточных» крестьян, прибранных из Коростынского погоста, «на десятинну пашню» имели 52 лошади, 49 коров, 22 овцы и 3 свиньи, то у 37 человек бобылей имелось лишь 1 лошадь и 12 коров, а у 24 человек вообще не было никакого имущества, и они жили у крестьян «в подсуседниках». Не удивительно, что попытка Бориса Годунова заставить бобылей обрабатывать десятинную пашню наравне с крестьянами потерпела полный провал.

П. А. КОЛЕСНИКОВ

Вологодский
педагогический институт

ДИНАМИКА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVI—XIX ВВ.

Комплексное изучение истории крестьянства и сельского хозяйства в феодальную и капиталистическую эпоху требует детального исследования и таких вопросов как география сельского расселения, эволюция формирования и развития различных категорий сельского населения. В настоящем сообщении делается попытка рассмотреть эти процессы в уездах, прилегавших к Сухоно-Двинскому речному пути, который ряд столетий играл важное значение для жизни народных масс Севера Европейской России, а в XIV—XVII столетиях этот путь имел первенствующее положение и для всего Русского государства.

Место и роль Поморья в Русском государстве и природные условия этого огромного края создавали своеобразные условия для его заселения и освоения, оказывали влияние на типы и формы поселений и расселений, структуру северной деревни и двора, на формирование и эволюцию различных категорий сельского населения, на формы землевладения и землепользования. Сквозное изучение дает широкие возможности для исследования общественной мысли и общественной организации, в том числе и еще мало изученную эволюцию сельской общины Северо-Восточной Руси с древнейших времен до социалистических преобразований сельского хозяйства.

В первом разделе доклада рассматривается динамика сельских населенных пунктов в Тотемском, Великоустюгском, Сольвычегодском, Двинском и Важском уездах (Последний уезд представлен Подвинской и Шенкурской четями, как примыкающих непосредственно к р. Двине). Опыт более подробного сравнительного изучения почти за 300 лет дается по одному — Тотемскому уезду. Выясняется, что по данным писцовых и переписных книг, требующих еще уточнения в связи с отсутствием источников по некоторым поморским уездам, в первой четверти XVII в. во всех 19 северных уездах, в Заонежских погостах, Устьянских волостях и Чарондской округе было около 15 000 населенных пунктов,

а в указанных уездах — 6700, или 44,6%. В 70-х годах этого же столетия общее количество деревень увеличилось до 18 000, а в изучаемой группе уездов — до 7200, что составляло 40%. Также велик удельный вес этих уездов и по количеству дворов в сельских поселениях. Если в начальный период из всех учтенных 48 000 дворов на данные уезды падало 19 000 или 41,2%, то в 70-е годы из 68 000 дворов — 21 600 или 31,7%. Некоторое снижение удельного веса объясняется дальнейшим развитием производительных сил в остальных поморских уездах. Фактически уже к началу XVII в. сложились стабильные населенные пункты, большинство из которых существуют и в наши дни. История многих полна превратностей, развивалась по своеобразной кривой. Починок становился деревней, деревня в силу разных причин превращалась в пустошь, затем вновь возрождалась. Например, из 35 деревень, расположенных сейчас в Тотемском районе Вологодской области, что размещались на территории бывшей Царевской волости, 23 деревни, как 66% упоминаются в документах конца XVI — начала XVII вв.

Темпы заселения и освоения земель характеризуются размерами территории в квадратных километрах на деревню, двор, душу м. п., десятину пахотных земель. Подтвердим это материалами.

Годы	Площ. края в км²	Деревни		Дворы		Душ м. п.		Пахотн. земли	
		К-во деревень	км² на деревню	К-во дворов	На двор км²	К-во душ	На д. м. п. км²	К-во пашни в дес.	км² территории на десятину пашни
1619—1620	21000	478	43,7	2168	9,6	?	?	14710	1,4
1676—1679	21000	550	38,2	3302	6,3	8670	2,4	16263	1,3
1797—1800	21000	706	30,0	6669	3,4	17687	1,2	67872	0,3
1877	22150	1205	18,4	18475	1,2	57174	0,4	160385	0,13
1917—1920	20660	1203	17,2	27000	0,8	62073	0,3	135521	0,15

Дворность деревни возрастает почти во всех уездах. Так, дворность деревень Сольвычегодского, Великоустюгского, Тотемского, Яренского и других уездов к 1877 г. воз-

росла в 3—4 раза в сравнению с дворностью в 20-х годах XVII в. (по Тотемскому уезду с 5 до 15,3 дворов на деревню, по Великоустюгскому — с 2,6 до 9,0, по Яренскому с 3,9 до 19 и т. д.). Уменьшается число дворов с несколькими семьями. Если в 1619 г. в Тотемском уезде на крестьянский двор приходилось 1,5 семьи, то в 1679 г. — уже 1,2 семьи. Семейность двора была различна у разных социальных групп населения. На один двор в 1679 году в этом же уезде приходилось 3,2 д. м. п. у посадских людей, 2,6 — у черносошных тяглых крестьян, 2,3 — у половников, 1,7 — у нищих, имеющих свои дворы и избы.

Во второй части доклада рассматривается эволюция различных категорий сельского населения. Черносошные, дворцовые, монастырские, частновладельческие, затем государственные, удельные, экономические и другие категории крестьянства, отличились по своему юридическому положению. Но внутри каждой этой группы шел процесс, выделявший различные социальные категории сельского населения, в том числе — бобыли, половники, нищие, работные люди. Официальная статистика не всегда выделяла эти группы, а между тем, исследование их генезиса и эволюции позволяют лучше изучить генезис капитализма в сельском и крестьянском хозяйстве Европейского Севера. Например, половничество, как своеобразная форма личной зависимости крестьянского населения. Сущность половничества изучены хорошо (А. Е. Ефименко, М. Дъяковнов, Б. Д. Греков, З. А. Огризко, Н. Ф. Демидова, Ю. А. Тихонов, Г. Н. Лохтева и др.). Но тот факт, что большинство половников (как бобылей и разорявшихся тяглецов черносошной — государственной деревни) окончательно теряли собственность на землю и превращались нередко в наемных работных людей, все это еще требует дальнейшего изучения.

По второй ревизии половников было учтено во всех северных уездов около 15 000 д. м. п. Но это неполные данные. В 1721 г. в черносошных деревнях Тотемского уезда было 1444 д. м. п. нищих или 17% к общему числу крестьян, количество «работников и наемных людей» в этом же году по официальному учету числилось 3,7%. В XVIII веке в соледаренном и других промыслах складывается группа постоянных работных людей, из среды которых в конце XIX в. выходят квалифицированные рабочие как местной промышленности, так и фабрик и заводов Петрограда. Наиболее ярким примером этому служит эволюция семьи Ивана Се-

меновича Бабушкина, пришедшего в Леденгское усолье в начале XVIII в. Почти 200 лет его сыновья, внуки и правнуки были кадровыми рабочими усолья. Отсюда уезжает в Петербург Иван Васильевич Бабушкин, ставший питерским рабочим, видным большевиком и учеником В. И. Ленина.

З. А. ОГРИЗКО

Институт музееведения, Москва

КТО ТАКИЕ СИЛЬНЫЕ, ГОРЛАНЫ И ЯБЕДНИКИ В ЧЕРНОСОШНОЙ ДЕРЕВНЕ XVII ВЕКА

(К вопросу о расслоении крестьянства в XVII веке)

1. Имущественное неравенство, существовавшее в черносошной деревне, если оно имело своим источником земледельческое хозяйство крестьян, было неустойчивым и зависило от урожая. Приобретаемые отдельными крестьянами дополнительные угодья также не создавали устойчивости имущественного неравенства, вследствие непрочности владения ими.

Владения мельницами обычно было долевым, поэтому мельники также не выделялись из всей массы земледельческого крестьянства.

2. Хорошо изученные в литературе занятия крестьян торгами и промыслами приводили к значительным имущественным различиям, но не сказывались на земледельческом хозяйстве крестьян.

3. Возникавшие в деревне столкновения между «сильными» и остальными крестьянами не могут быть, рассматриваемы, как борьба между бедными и богатыми. «Сильные» (в отдельных случая они были прожиточными крестьянами), противопоставлялись всей ли волости или группе крестьян, как нарушители норм закона или обычая и не являлись особой социальной группой.

Точно также борьба между богатыми и бедными в деревне выражалась в основном в борьбе за распределение государственных платежей (борьба за землю также была борьбой за распределение государственных платежей при получении земли на оброк) и хотя создавала среди крестьян

конкуренцию, но не разбивала их на различные социальные группы, так как не изменяли основного их положения зависимых тяглецов, живущих на земле крепостнического государства.

4. Укрупнение отдельных крестьянских хозяйств и использование в них труда половников выражало тенденцию перерастания парцеллярной крестьянской собственности в феодальную — процесс который в условиях 17 века (наличие централизованного феодально-крепостнического государства) не мог достичь своего завершения.

Развитие товарно-денежных отношений, процесс складывания всероссийского рынка создавали условия при которых имущественные различия среди крестьян могли в последствии развиваться в направление буржуазного расслоения, но в 17 веке социальная сущность крестьянства оставалась однородной — крестьянство — феодально зависимый класс крепостнического общества.

Я. Е. ВОДАРСКИЙ

Институт истории
АН СССР

РАЗМЕЩЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

1. В докладе автора на VII (Кишиневской) сессии настоящего симпозиума была выяснена общая численность крестьян в России по переписи 1678 г. и их размещение в рамках губерний 1727 г. Продолжая изучение этой проблемы, автор предлагает вниманию участников симпозиума данные о поуездном размещении крестьян основных категорий; принадлежавших светским феодалам (в том числе дворцовых), духовенству и черносошных.

2. В основу доклада положены итоги переписных книг 1678 г. (для некоторых уездов — более позднего или более раннего времени), почерпнутые как из самих переписных книг, так и из других источников, и сведенные в таблицу.

В некоторых из этих источников приведены только итоги дворов. Приблизительная численность населения в них вычислена автором настоящего доклада по средней населенности дворов данной категории крестьян в этом районе.

3. В таблице, помещенной в докладе, по каждому уезду приведены следующие итоги: I. По каждой категории: а) итог дворов (из источника), б) итог людей (из источника или вычисленный), в) итог с учетом уклонившихся, доля которых принята автором, по аналогии с 1 ревизией, за 25%, г) итог населения обоего пола, принимая число мужчин равным числу женщин. II. Общий итог крестьян всех категорий, III Удельный вес крестьян каждой категории в % % к общей численности всех крестьян.

4. Помещенная в докладе таблица показывает конкретное размещение крестьян основных категорий, а также особенности колонизации южных и восточных окраин государства.

Ю. А. ТИХОНОВ

Институт истории
АН СССР

БОЯРСКИЕ И ДВОРЯНСКИЕ ВЛАДЕНИЯ РОССИИ XVII — НАЧАЛА XVIII ВВ. ПО ОТКАЗНЫМ И ОТПИСНЫМ КНИГАМ ПОМЕСТНОГО ПРИКАЗА

1. Светское землевладение и хозяйство, как и помещичья деревня центра страны в XVII — начале XVIII в. почти не затронуты в исторических исследованиях, если не считать нескольких работ по отдельным личным фондам (Б. И. Морозова, Одоевских, А. И. Безобразова и др.).

2. Неизученность темы в большой мере определяется сложностью работы над материалами Поместного приказа, в делопроизводстве которого отложилась основная масса источников о частном землевладении, помещичьем и крестьянском хозяйстве. В настоящее время в научный оборот введены лишь данные ряда писцовых и переписных книг. Остальные книги и столбцы еще ждут своих исследователей.

3. В докладе для изучения привлечены описания отдельных вотчин и поместий, переплетенные в делопроизводстве Поместного приказа под названием «Отказные книги». В этих «книгах» соединены разного рода книги, а именно: отказные, отдельные, раздельные, мерные, межевые, отписные. Источниковедческий анализ показывает, что для исследователя наибольший интерес представляют отказные (со-

ставлявшиеся при переходе вотчины или поместья от одного владельца к другому) и отписные (составлявшиеся при конфискации владения) книги. Данные этих книг позволяют также корректировать сведения писцовых и переписных книг.

4. Привлекаемые источники прежде всего позволяют проследить эволюцию феодального светского землевладения. В то же время они содержат сведения о крестьянском ненадельном землепользовании (аренда пустошей).

5. Данные книг проливают свет на слабоизученный вопрос о видах феодальной земельной ренты. Подьячие Поместного приказа отмечали наличие либо отсутствие помещичьей пашни, деловых людей и крестьян. По отдельным деревням указывается размер выти крестьянского двора.

6. Отказные и отписные книги, раскрывают социальный состав лиц, обслуживавших боярские и дворянские усадьбы (деловые, дворовые, задворные, кабальные, крепостные, старинные люди) и сельского населения (крестьяне, бобыли, захребетники, соседи). О сущности перечисленных категорий феодально-зависимой деревни в историографии еще нет полной ясности. Материалы книг позволяют наметить некоторые пути их слияния в массу крепостного крестьянства. По книгам можно проследить движение населения (перевод крестьян из одних владений в другие, переселение «белорусцев», людей «польского» и «литовского полону»). Изредка встречаемся со своеобразными крестьянскими «биографиями», показывающими из каких источников формировалось крепостное население.

7. Изучаемые источники дают подробное описание многих боярских и дворянских дворов и имущества их владельцев. Не редко помимо построек и утвари описывался помещичий скот, а также хлебные запасы. Встречаются данные о количестве скота у деловых людей и крестьян, о размерах их пашни.

8. В целом отказные и отписные книги являются важным источником по аграрной истории центральной России XVII — начала XVIII вв. Их изучение поможет осветить сдвиги в сельском хозяйстве «Замосковного края».

А. М. КАРПАЧЕВ

Институт истории
АН БССР

О ЗЕМСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ МЕЩАН В БЕЛОРУССИИ XVII—XVIII ВВ.

(К вопросу о владении мещанами имениями в Речи Посполитой.)

Вопрос о владени мещанами землями на земском праве в Речи Посполитой является одним из наименее изученных в ее аграрной истории. Особенно мало исследован этот вопрос в аграрной истории Белоруссии и Литвы XVI—XVIII вв., входивших в это время в Речь Посполитую в составе Великого княжества Литовского.

В современной польской и советской литературе по истории Польши распространено традиционное представление о том, что в ней на основании постановлений сеймов 1496 г. и 1538 гг. уже во второй половине XVI в. земское землевладение мещан было ликвидировано. Однако, это представление в самое последнее время было основательно оспорено В. А. Якубским[1].

В отношении Великого княжества Литовского в литературе также обычно представляется, что и здесь мещане были лишены права владения земскими имениями вскоре после ликвидации такого их права в Польше[2].

О существовании в Великом княжестве Литовском запрета на владение мещанами земскими имениями вплоть до середины 70-х годов XVIII в. определенно свидетельствует постановление сейма 1775 г., разрешавшее людям городского сословия такое землевладение в этой части Речи Посполитой. Но из этого же сеймового постановления вид-

---

[1] В. А. Якубский. Некоторые вопросы городского землевладения в Польше XIV—XVII вв. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961, стр. 71—80. Обзор работ с указанным представлением см. там же, стр. 78—79.

[2] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1911, стр. 637—641; П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 350; А. П. Пьянков. Усиление феодальной эксплоатации, расширение фольварков и окончательное закрепощение крестьян. «История БССР», т. I, Минск 1961, стр. 89.

но, что указанный запрет был не полным, что какое то владение горажанами земскими имениями все же имелось[1].

Некоторые данные о владении мещанами и евреями города Дисны шляхетскими имениями во второй половине XVI и первой половине XVII вв. были приведены польским историком О. Гедеманом. Им же было указано несколько фактов владения дисненскими мещанами земскими имениями, в основном полученными в залог («в заставу»), в 60-х годах XVII в[2].

Выявленные нами материалы (опубликованные и архивные) показывают, что в XVII в. земскими имениями владели мещане ряда белорусских городов. Наиболее распространено было держание мещанами земских имений по залоговому праву в течение определенного срока, а иногда и пожизненно. При неуплате должником в установленный срок долга, такое заставное землевладение, переходило в полную собственность мещанина-кредитора. В ряде случаев мещане приобретали земские имения в полную собственность также путем прямой их покупки и в порядке получения приданного при женитьбе на шляхтянках.

Имеющиеся материалы в отношении землевладения мещан таких городов как Витебск, Могилев и Гродно показывают, что им принадлежали имения с крепостными крестьянами, при том не только в XVII в., но и в последующем столетии. Однако есть основания полагать, что со второй половины XVII в. владеть земскими имениями на праве полной наследственной собственности, могли лишь члены магистратов и их потомки указанных городов на основании особых королевских привилегий.

Богатые мещане белорусских городов в XVII—XVIII вв. владели не только шляхетскими имениями. Некоторым из таких мещан принадлежали на земском праве земли, находившиеся и в пределах городской территории.

Польские историки начала XX в., говорившие о запрете в Речи Посполитой мещанского владения земскими имениями, считали его важнейшей причиной падения общественного положения и политической роли мещанства в этом государстве. В современной польской и советской исторической литературе такой запрет еще относится и к тем важнейшим

---

[1] Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов, т. II. Минск, 1960, стр. 203—204.

[2] Otton Hedemann. Dzisna i Dvuja magdeburskie miasta. Wilno, 1934, Stv. 100—102.

привилегиям шляхты, которые «подорвали экономические основы» городов в Речи Посполитой[1].

В противоположность этому мнению В. А. Якубский считает, что развитие торговли и промышленности в Польше в XVI—XVII вв. задерживалось тем, что городское купечество имело возможность приобретать имения[2].

Нам представляется принципиально правильным признание ограничения возможностей приобретения городскими жителями земских имений в качестве обстоятельства ведшего к падению политической роли мещанства и отрицательно сказывавшегося на экономическом развитии городов.

Но никак нельзя согласиться с тем, что ограничение таких возможностей горожан вело к подрыву экономических основ городов.

Прежде всего надо иметь ввиду, что экономической основой феодального города и городского сословия было не землевладение горожан, а их ремесленная и торговая деятельность. К тому же, как было показано в отношении жителей белорусских городов, они могли и в XVII—XVIII вв. держать в аренде и залоге земские имения, а наиболее именитая часть мещан ряда городов могла владеть такими имениями как полной наследственной собственностью, вплоть до решения сейма 1775 г., вообще отменившего всякие ограничения в землевладении мещан. Наконец, следует также учитывать, что купечество белорусских городов в XVII—XVIII вв. имело широкий доступ к эксплуатации шляхетских земель и их крепостных крестьян еще и путем аренды различных доходных статей и промыслов в феодальных поместьях.

---

[1] Обзор работ с такими представлениями см. в указанной статье В. А. Якубского, стр. 79—80.

[2] Там же, стр. 80.

А. И. КОМИССАРЕНКО

Московский государственный
историко-архивный институт

ПОЛОВНИЧЕСТВО НА ВЯТКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

1. Вопросы социальной структуры крестьянства России в период позднего феодализма привлекают пристальное внимание исследователей. Накоплен большой фактический материал и сделаны ценные выводы в отношении крестьянства Поморья главным образом XVII в.[1]. К сожалению, историческая наука располагает лишь единичными исследователями социальных отношений в крестьянстве Севера за XVIII в.[2].

2. В настоящем сообщении мы сделали попытку проследить развитие половнических отношений в среде вятского крестьянства в первой половине XVIII в. Источниками для исследования послужили неопубликованные материалы демографического учета 1710—1760 гг. (переписанные книги 1710—1717 гг., ревизские сказки и ревизские книги 20-х, 40-х и 60-х гг. XVIII в.), а также документы крепостных контор, хранящиеся в ЦГАДА[3].

3. Значительная часть вятского населения проживала в центральном Хлыковском уезде. В начале XVIII в. (в 1710 г.) в уезде насчитывалось 41 952 жителя об. пола в 5 820 дворах[4], в 20—30-х годах число жителей заметно возросло

---

[1] Н. В. Устюгов. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — ж. «История СССР», 1961, № 6, стр. 61—72. А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала. М., 1956., Г. Н. Лохтева. Наемный труд в монастырском хозяйстве. — «Русское государство в XVII в.», М., 1961.

[2] Д. Д. Балуева. «Земельные отношения и положение крестьян Коми края в XVIII в. «(автореферат), Сыктывкар, 1960.

Б. И. Жучков. Вопросы экономического положения половников в 20—50 г. г. XVIII в. — «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», вып. 4, 1957.

Н. Ф. Демидова. К вопросу о социальной сущности половничества в XVIII в. (на материалах Яренского уезда), Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963, Вильнюс, 1965, стр. 305—316.

[3] ЦГАДА, ф. Поместного приказа, книги 1096, 1097, 1098; Ф. Ландратских книг и ревизских сказок, оп. 3, дела 4668, 4675, 4676, 4678—4685, 5900, 5902—5904, 5935—5941, 6106; ф. Вятской крепостной конторы, книги 2151, 2152, 2157, 2158, 2160,, 2161, 2167, 2174, 2179, 2181, 2183, 2184—2186 и др.

[4] ЦГАДА ф. Поместного приказа, кн. 1098, л. 1341.

(588 889 д. м. п.), в середине XVIII в. (по 2 ревизии) было зафиксировано 74 173 д. м. п.[5].

4. Исследование состояния крестьянского населения по данным подворной переписи 1710 года обнаруживает неоднородность его состава. Из 5 820 дворов в уезде ок. 80% приходилось на крестьянские дворы, полностью включенные в тягло, 4—5% — на бобыльские и «нищецкие», 6% — на солдатские, 8% — на дворы, принадлежащие церковнослужителям. Анализируя крестьянские дворы по специальному составу лиц, проживающих в них, удалось установить, что почти 12% всего населения связано было с работой в качестве половников. Особенно развиты отношения половничества на крестьянских и купеческих землях в 7 из 29 станов и волостей уезда (Спенцынский тяглый и оброчный станы, Березовский тяглый и оброчный станы, Бритовская волость и Ильганская волость, некоторые монастырские вотчины).

5. В первые десятилетия XVIII в. (до 1 ревизии) более $^2/_3$ всех половников (3 054 из 4 652) имели собственные дворы (им принадлежит 337 дворов); $^1/_3$ половников дворов не имела и проживала вместе с хозяевами. Большинство лиц, таким образом, заключая договор о половье, вовсе не покидало своих дворов — это объяснимо тем, что немало крестьян становилось половниками у горожан, непосредственно не живших в деревне. В самом деле — из 4 652 половников, 1 691 или 36,34%) принадлежал горожанам, 359 (72%) — монастырским служителям и 2 605 (55,94%) — крестьянам. В сообщении дается анализ распределения половников по станам и волостям.

6. По данным 1 ревизии (1719—1724 гг.) на Вятке среди крестьянского населения было зафиксировано около 10% половников (4 238 д. м. п.). Выросла доля половников в Бритовской вол. и в волостях Филипповой слободки, что было связано с притоком населения в эти районы.[6]

В течение 20—30-х годов XVIII в. количество и состав половников менялись. На примере хозяйств хлыновцев Егода Дьяконова, Андрея Рязанцева, Василия Рудина и др. (всего

---

[5] ЦГАДА, ф. Ландратских книг и ревизских сказок, оп. 3, кн. 5903; ф. Вятской провинциальной канцелярии, оп. 2, д. 173, л. л. 78—79.

[6] См. наш доклад «Миграция крестьянского населения Хлыновского у. в первой половине XVIII в.» — Тезисы докладов и сообщений VIII сессии аграрного симпозиума, М., 1965.

11 владельцев-купцов) в сообщении рассматривается вопрос о развитии товарного земледелия горожан в деревне[7].

7. Распределение половников по группам владельцев рисует картину роста удельного веса горожан в эксплуатации половников. Они сосредоточили в своих руках 2 585 половников из 4 238 (т. е. 61%, особенно в Спенцинских станах, Касинской волости Филипповой слободки), остальные половники находились во владении крестьян[8]. Число горожан-владельцев поднялось с 62 до 90; нами учтено и около 1 500 крестьян-владельцев, таким образом, в среднем на одного владельца-горожанина приходилось от 20 до 28 половников, то на владельца-крестьяна — только один половник. Нельзя, следовательно, не видеть большой концентрации половников в земледельческих хозяйствах горожан[9].

8. Рассматривая половничии порядные, устанавливаем, что наиболее чаще порядные записи оформлялись на время не свыше одного года. Как правило, крестьяне поступали в половники со своим рабочим скотом и инвентарем. Несомненно — в половники шли крестьяне, не имевшие возможности вести самостоятельное хозяйство (большинство порядившихся имело по одной лошади). Половники получали подмогу от хозяина в виде денежной (главным образом) и хлебной (иногда) ссуды. Денежная ссуда (ее размер нередко достигал 5—10 руб.) служила источником закабаления крестьян-половников[10]. В порядной подробно регламентировались обязанности половника. В случае несоблюдения условий хозяин мог требовать выплаты неустойки, которая в несколько раз превосходила сумму подмоги. Здесь крылась еще одна возможность личного закабаления половника. К тому же, требуя уплаты долга досрочно («не в отъезжий год»), хозяин вынуждал половника идти в большую от него зависимость. Из этого понятно, почему многие половники находились у своих владельцев по 10 и даже 20 лет.

9. В 40—50-ые годы XVIII в. число половников в уезде составлял не менее 4 000—5 200 чел., что при населении в

---

[7] ЦГАДА, ф. Вятской провинциальной канцелярии, оп. 2, д. 79; д. 37; д. 49.

[8] ЦГАДА, ф. Ландратские книги и ревизские сказки, оп. 3, д. 6900, л. л. 1—649.

[9] Там же, д. 5903, л. л. 1191.

[10] ЦГАДА, ф. Вятской крепостной конторы, кн. 2151, кн. 2174.

74 тыс. равно ок. 7%[11], только у горожан в уезде было 3 113 половников (по ведомости вятского ревизора полк. Ифлонта). В сообщении рассматривается роль эксплуатации труда половников в предпринимательском хозяйстве купцов. Стремясь помешать имущественному и социальному размежеванию в среде крестьянства, царское правительство в 50—60-ые годы XVIII века (особенно после издания межевых инструкций), пытается ликвидировать купеческую земельную собственность в северных уездах и превратить бывших половников в обычных крестьян-исправных плательщиков государственных податей. Сфера применения труда половников резко сокращается — массовые выходы половников «во крестьянство» отмечены многими источниками 50—60-х гг. XVIII в.

В. А. РОМАНОВСКИЙ

Ставропольский
педагогический институт

КРЕСТЬЯНЕ РАНГОВЫХ ИМЕНИЙ В ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В XVIII В.

1. Ранговые имения, или по тогдашней терминологии — ранговые местности, были государственными землями и населенными пунктами (города, местечки, села, деревни), передававшимися войсковым старшинам во временное владение, как плата за исполнение обязанностей по военной или гражданской службе.

2. Раздача имений на ранг (должность имело своим образцом раздачу староств и королевщин в старой Польше. Раздача имений старшинам в гетманство Богдана Хмельницкого было сравнительно редким явлением, хотя и сам Богдан Хмельницкий получал от царского правительства населенные имения на свою булаву. После Богдана Хмельницкого раздача имений старшинам приобретала все более и более широкий размах и скоро превратилась в наиболее простой и доступный всем войсковым старшинам способ приобретения имений в виде награды за службу, настоящую или прошлую, а потом служила основанием для закрепления этих имений в вечное и потомственное владение.

---

[11] ЦГАДА, ф. Ландратские книги и ревизские сказли, оп. 3, д. 5903, л. л. 1—1191 об.

3. Вся земля, а также и населенные пункты, считались собственностью Войска Запорожского. Владение и пользование населенными имениями носило как правило, условный, временный характер. Дореволюционные историки много внимания уделяли изучению терминологии, применявшейся в документах, по которым передавались имения в пользование. Больше всего обращалось внимания на термины, которые были обяснены генеральной войсковой канцелярией на запрос русского правительства. Так, формулировка в универсалах — «до ласки войсковой», «ку вспартю господарства», «зуполное владение» объяснялись: — первые два как не полные владения, а последнее, как вечное наследственное.

4. Со времени А. М. Лазаревского и утвердилось в исторической науке именно такое понимание этих терминов.

5. В действительности такое понимание не соответствовало реальному положению дел. Только со второй половины XVIII века такое понимание стало более соответствовать жизненной практике. Что же касается более раннего времени — XVII и первой четверти XVIII в., то юридическая практика и реальная жизнь дают основания утверждать, что все земельные владения имели временный характер держания. Даже те маетности, которые закреплялись в вечное и потомственное владение царскими грамотами, носили также временный характер, и могли быть в любое время взяты у владельцев и переданы в другие руки. Примеров можно привести много.

6. Из сказанного следует, что ранговые владения имели самое широкое распространение в Левобережной Украине, и послужили исходным пунктом закрепления за феодалами населенных маетностей.

7. Генеральное следствие о маетностях 1729—1730 г. основную массу владений закрепило за старшинами. Ранговые же владения оказались в очень незначительном количестве, и должны были, согласно мнению старшины, переходить в виде вознаграждения за службу сохраняя свой, строго временный, характер. Жизнь, однако, совершенно по иному изменила это положение.

8. В 1737—1739 гг. украинское феодальное землевладение испытало большие потрясения. Начавшаяся в 1735 году война с Турцией потребовала от украинского народного хозяйства больших жертв. После войны была проведена реви-

зия, причем одной из задач ее было приведение в известность количества ранговых имений и состояния в них хозяйств.

9. Из результатов этой ревизии мы имеем возможность установить какие из бывших государственных имений (свободновойсковых) еще сохранились в виде ранговых маетностей.

10. В этой же ревизии мы имеем подворное описание хозяйства ранговых крестьян.

11. В докладе мы исследуем земельное обеспечение крестьянских хозяйств, количество пахотных угодий, сенокосов, количество скота, состав семьи, кроме того, что очень важно, ревизия отмечает кто из крестьян отрабатывает барщину, кто и сколько платит в войсковую казну. Интересно отметить, что некоторые ранговые крестьяне совершенно не привлекаются к отбыванию барщины.

12. Очень важно также отметить то уточнение терминологии, которое дают рубрики этой переписи. Так мы имеем возможность установить, что под термином «весьма нищетные» понимались вовсе не безземельные или бесскотные хозяйства, а также которые имели 2 вола или 1 лошадь.

13. В докладе подробно исследуется имущественное положение крестьян ранговых имений.

А. А. КОНДРАШЕНКОВ

Курганский
педагогический институт

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН ЗАУРАЛЬЯ В XVIII В.

1. В исторической литературе вопрос о приписных крестьянах неоднократно подвергался специальному изучению. Написан ряд интересных работ по истории приписных крестьян Карелии, Урала и Алтая. Социально-экономическое положение приписных крестьян Зауралья не было предметом специального исследования.

В основу настоящей работы положены новые материалы центральных и местных архивов.

2. Приписка государственных и отчасти монастырских крестьян Зауралья к горным заводам Урала началась в на-

чале XVIII в. и продолжалась на протяжении 70 лет. Основными районами приписки были Шадринский, Окуневский, Далматовский, Краснослободский, Каменский, Камышловский, Ирбитский и Туринский уезды. Восточная граница приписных селений доходила местами почти до среднего течения реки Тобола. По данным 80-х годов XVIII в., приписные крестьяне составляли к общему числу населения уездов: в Шадринском 40%, в Далматовском — 70,3% в Камышловском — 71,2%.

3. В районах приписных селений резко сокращалось количество «десятинной пашни», так как последняя заменялась заводской барщиной. Крестьяне рассматривали «десятинную пашню», по сравнению с заводскими работами, как более легкую повинность. Фактически объем работ приписных крестьян на заводах за подушный оклад был в 5—8 раз больше того, который они должны были выполнять.

4. Основным занятием приписных крестьян было сельское хозяйство, которое претерпевает со временем заметные изменения. Приписная система отрицательно сказывалась на развитии сельского хозяйства, задерживала процесс имущественного и социального расслоения крестьян. Приписные крестьяне обрабатывали земли меньше, чем государственные (черносошные) крестьяне. В Шадринском уезде в 1781 году приписные крестьяне в среднем засевали по одной десятине на душу мужского пола, в то время как черносошные крестьяне в Куртамышском уезде по 1,4, Троицком — 1,7 и Челябинском — 2 десятины. У большинства приписных крестьян преобладали посевы озимой ржи, которые в Ирбитской и Арамашевской волостоях составили более 60%. Объясняется это тем, что в период уборки урожая и осеннего сева крестьяне, как правило, освобождались от заводских работ и сосредоточивали свои усилия на сельскохозяйственных работах.

5. Хотя процесс имущественного и социального расслоения, как отмечено выше, у приписных крестьян шел медленнее и был не так ярко выражен, как у черносошных, тем не менее материалы позволяют создать конкретное представление о хозяйстве «достаточных», «средних» и «скудных» — «неимущих» приписных крестьян. Сейчас пока трудно определить в целом процентное соотношение каждой из этих групп, но по отдельным волостям и хозяйствам такой подсчет возможен. По данным 1724 года, среди приписных

крестьян Арамильского, Камышловского и Алапаевского дистриктов, годных к работе, имели скот и хлеб 4784 д. м. п. (79,6%) и не имели скота и хлеба 1224 д. м. п. (20,4%).

В Ирбитской, Арамашевской и Камышевской волостях в 1798 г. безлошадные, бескоровные и беспосевные крестьяне составляли около 10% крестьянского населения. Все они работали на заводах по найму своих богатых односельчан. К числу обедневших приписных крестьян относились и те, у кого посев составлял на двор от 0,5 до 2-х десятин. Некоторые из обедневших крестьян имели на двор по одной лошади и корове, но у них «насевного хлеба не имелось». Хозяйство обедневших крестьян оценивалось от 2,5 до 8 рублей.

К среднему крестьянству в Шадринском уезде, по данным 1762 года, следует относить тех, кто имел посев от 4 до 8 десятин на двор, по 2—3 лошади, 2 коровы, а также мелкий скот и птицу. Их хозяйство оценивалось от 16 до 35 рублей. Большинство этих крестьян самостоятельно выполняло заводские работы и не прибегало к найму рабочей силы. Среднее крестьянство было крайне неустойчивым. Из его среды выходила беднота и зажиточные крестьяне.

Зажиточные крестьяне имели посев хлеба на двор от 9 до 14 и более десятин, лошадей от 5 до 10, коров от 4 до 8 и более, овец до 16 и свиней от 4 до 7. Имущество таких крестьян оценивалось от 36 до 70 рублей. Интересна фигура «достаточного» приписного деревни Верхозиной Масленского острога Ивана Торопова, имевшего посев 13 десятин, из них: ржи — 4, пшеницы — 4, овса — 3, ярицы — 2 десятины; скота: рабочих лошадей — 5, коров — 8, быков — 3, овец — 16, свиней — 4. Обращает на себя внимание тот факт, что зажиточные крестьяне сеяли два раза больше яровых культур и добивались получения более высоких урожаев.

6. Большинство зажиточных приписных крестьян не работало на заводах и выступало в роли нанимателей рабочей силы. На заводах Южного Урала в 60-х годах XVIII века наемные крестьяне составляли 25% к общему числу работающих.

7. Зажиточные приписные крестьяне, вкладывая свои средства в покупку рабочей силы, сильнее втягивались в товарно-денежные отношения. Таможенные книги Тюменской воеводской и Исетской провинциальной канцелярий

дают возможность проследить процесс развития товарно-денежных отношений в приписных селениях. Примером этого могут служить данные по Катайскому острогу за 1741 год. Приписные крестьяне Катайского острога Н. Савельев, С. Валов С. Лазунов продали со своей пахоты 1400 пудов ржаной муки, 240 пудов овса, 720 пудов ржи и 200 пудов овсяной муки. Аналогичные данные имеются и по другим селениям за последующие годы.

8. Среди зажиточного и отчасти среднего приписного крестьянства были развиты промыслы (мукомольный, овчинный, шубный, чарошный и др.), дававшие дополнительный источник доходов. Приписная система оказывала отрицательное воздействие на развитие крестьянских промыслов. Отдельные из них постепенно приходили к упадку.

9. Заводская барщина тяжелым бременем ложилась на все приписное крестьянство, активно боровшееся за свое освобождение от подневольного труда. Но в ходе этой борьбы отдельные зажиточные крестьяне становились на сторону заводской и местной управительской администрации и подвергались за это наказанию и штрафу со стороны самих крестьян. Показательным в этом отношении является выступление крестьян Масленского острога Шадринского уезда в 1765—1766 гг. За отказ от участия в восстании были подвергнуты штрафу 18 крестьян, с которых было собрано около 100 рублей. С наиболее зажиточных крестьян взимались большие суммы: с Ивана Таскаева было взято 29 рублей, с Григория Орлова — 17 рублей, с Никифора Шабалина — 12 рублей и т. д.

Борьба приписных крестьян против подневольного труда, низкая его производительность, рост числа вольнонаемных людей заставили царское правительство в начале XIX века ликвидировать институт приписных крестьян.

С. А. ЧЕКМЕНЁВ
Пятигорский пединститут

РАЗВИТИЕ ХУТОРСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

1. Развитие хуторского хозяйства на Кубани и Ставрополье было положено с начала их заселения русским и украинским казачеством и крестьянством. Оно наложило определенную печать на всю хозяйственную и бытовую жизнь населения огромного края.

Наличие большого количества свободных земель, отсутствие длительное время строгого порядка в вопросах землевладения и землепользования, сравнительно мягкий климат и пр. создавали благоприятные условия для развития хуторов, экстенсивного животноводческого направления.

2. Казачьи хутора на Кубани и Кавказской линии имели определенное отличие от хуторов казенных крестьян. Здесь не допускались к владению земельными участками лица неказачьего звания. Как и на всей жизни казачества, в деле создания хуторов, сказывалось то своеобразие, искусственная консервация, которые коренились в старых сословных порядках, основанных на феодальной собственности на землю, даваемой за службу. Развитие хуторского хозяйства являлось одним из немногих выходов для проявления частной инициативы на войсковой земле.

Хутора казенных крестьян покоились на аренде общинных и оброчных казенных земель, а также аренде земель помещиков и кочующих народов.

3. Развитие хуторов на большей части Предкавказья наиболее полно отвечало интересам крупного казачьего и крестьянского хозяйства, было связано с самовольными захватами земель и проходило в острой классовой борьбе.

Правительство по отношению хуторов занимало двойственную позицию: с одной стороны, оно всемерно сдерживало их увеличение, а с другой — в угоду казачьим верхам и с целью более активного освоения новых земель — вынуждено было нередко не только не принимать строгих мер, но и в значительной степени содействовать их развитию.

4. Наряду с богатой и зажиточной частью населения, владельцами хуторов становились рядовые и даже маломощные казаки и крестьяне. Стремление завести хутора

было вызвано не только желанием улучшить свое хозяйство, но и являлось своеобразной попыткой избежать выполнения многих натуральных повинностей и налогов.

Рядовая часть казачества в деле организации хуторов постоянно наталкивалась на сопротивление не только официальных властей, но и казачьих и крестьянских верхов, т. к. это сокращало для них возможность новых земельных захватов. Средние и мелкие хутора, как правило, не имели прочных обзаведений и были подвижны. Число их менялось в зависимости от сложившейся обстановки.

5. Несмотря на строжайшие меры запрета, предкавказские хутора являлись пристанищем для большого количества беглых крепостных и других групп населения из внутренних губерний страны, которые широко использовались их владельцами как дешевая рабочая сила в условиях малозаселенного края.

Отсутствие необходимого количества свободных рабочих рук, особенно в казачьих районах, где основная масса мужского населения была занята на постоянной военной службе, было основной проблемой ведения хуторского хозяйства и вообще развития производительных сил края.

6. Особено большое развитие хуторская система получила в Черноморском казачьем войске, где в середине XIX в. число хуторов доходило до 3,5 тыс. Этому содействовали не только ранее накопленный опыт ведения этих форм хозяйства, но и значительная удаленность хуторов от непосредственных границ с горскими народами. Хутора ставропольских крестьян и линейных казаков, обычно расположенных ближе к ним, подвергались частым опустошениям.

7. В экономическом отношении хутора были весьма различны. Наряду с массой слабых хозяйств, были и хутора с капитальными постройками, садами, виноградниками, огородами и пашней. В большинстве своем они принадлежали старшинам, офицерам, чиновникам, богатым казакам и казенным крестьянам.

Хуторское хозяйство Предкавказья базировалось на крайне низкой производственно-технической основе и острой нехватке свободной рабочей силы. Все это соответствовало экстенсивному характеру ведения хуторского хозяйства в дореформенный период.

8. Рост хуторов и связанный с этим самовольный захват лучших земельных участков, вызывал острые противоречия

между их владельцами и основным населением станиц и селений, которые переходили нередко в решительные столкновения. Эти противоречия возникали не только как результат земельного стеснения основной массы населения, но и из-за тяжести налогов и повинностей, которые ложились на них и за ту часть населения, которая уходила на хутора.

9. Многие хутора, расположенные на удобных местах и землях послужили основанием для создания самостоятельных селений и станиц и в значительной степени содействовали заселению и освоению Кубани и Ставрополья.

10. Развитие хуторского хозяйства в Предкавказье содействовало превращению части зажиточных и богатых хуторян в крупных собственников и поставщиков скота и лошадей для армии и во многие губернии России. Процесс создания крупнейших скотоводческих хозяйств здесь особенно активно проявился во второй половине XIX в., уже в пореформенный период.

11. Рост хуторов — свидетельство быстрого разложения казачьей станицы и казенной деревни, несомненный свидетель развития товарности хозяйства и зарождения ростков капиталистических отношений. Феодальная собственность на землю самодержавного государства, данная черноморскому и кавказскому линейному казачеству за службу, уже не могла сдерживать и тем более заглушать их развитие, несмотря на попытки ликвидировать или хотя бы в какой-то степени сократить количество хуторов.

Хуторская система в Предкавказье служила своеобразным обходным путем старых феодальных форм землевладения и землепользования и в деле развития и ведения хозяйства по-новому.

В. А. ФЕДОРОВ

Московский гос. университет

БАРЩИНА И ОБРОК В ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1. В центрально-промышленном районе России уже в конце XVIII в. преобладала оброчная форма эксплуатации помещичьих крестьян. По данным материалов Генерального межевания (70—80-е годы XVIII в.), на оброке здесь находи-

лось до 58% крестьян, в том числе: во Владимирской губернии — 50%, в Костромской — 85%, Ярославской — 78%, Нижегородской — 82% и лишь в Московской 36% и Тверской — 46%. Уже в то время оброк взимался в значительной степени не с земли, а с неземледельческих занятий крестьян. Массовый перевод крестьян с барщины на оброк наиболее интенсивно происходил во второй половине XVIII и первые десятилетия XIX в. и был связан с развитием крестьянских промыслов, в особенности неземледельческого отхода. Неслучайно оброчная форма эксплуатации получила наибольшее распространение там, где сильнее были развиты отхожие промыслы, а именно: в Ярославской, Костромской и Нижегородской губерниях.

2. К середине XIX в. удельный вес оброчных крестьян в центрально-промышленных губерниях еще более возрос. По данным материалов Редакционных комиссий (1858 г.), в Московской губернии число оброчных крестьян возросло на 32%, во Владимирской — на 20%, в Ярославской — на 11,5%, в Костромской — на 2,6% и лишь в тех губерниях, которые являлись «периферией» промышленного центра, доля оброчных крестьян несколько снизилась: в Калужской — на 2,7%, Тверской — на 4,9% и Нижегородской — на 14,7%. Накануне крестьянской реформы в промышленных губерниях центра России оброчные крестьяне составляли в среднем 65%, в то время как по всей России в целом удельный вес оброчных крестьян не превышал 25%. Процесс изменения динамики форм феодальной ренты был сложным и противоречивым. В первой половине XIX века наряду с переводом крестьян с барщины на оброк, даже в тех губерниях, где этот процесс был выражен сильнее (например, в Московской и Владимирской), наблюдалось и обратное явление. Перевод с оброка на барщину обуславливался либо близостью данного имения к промышленному центру или центру хлебной торговли, (что позволяло помещику выгодно сбывать продукцию сельского хозяйства) либо был связан с возросшей недоимочностью крестьян. В последнем случае введение барщины в оброчных имениях касалось лишь части крестьян и преследовало цель заставить недоимщиков отработать недоимку на барской запашке; при этом барщина иногда рассматривалась самим помещиком не как средство получения дохода с заведенной барской запашки, а как мера наказания для неисправных плательщиков оброка.

3. Оброк взимался, как правило, в денежной форме.

Однако как в оброчных, так и в барщинных имениях, вплоть до падения крепостного права существовал и натуральный оброк, который являлся дополнением к денежному или барщине. Это — так называемые «добавочные сборы», «столовый запас» для помещика: сборы хлебом. скотом, птицей, маслом, яйцами, шерстью, льном, холстом, грибами, ягодами и т. д. Бывали впрочем случаи, когда собранный с крестьян натуральный оброк помещик реализовывал на рынке.

4. В связи с развитием промысловой деятельности крестьян увеличивался и размер оброка, причем более быстрыми темпами, нежели возрастала доходность крестьянского хозяйства. Таким образом, помещик все более забирал у крестьян не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Самые нормы оброка существенно колебались даже в пределах одной и той же местности: в промысловых селах оброк был выше, нежели в промыслово-земледельческих и земледельческих. В связи с развитием процесса расслоения крестьян вводится дифференцированный оброк, т. е. для различных имущественных групп крестьянства устанавливаются различные нормы оброка.

5. В первой половине XIX века в центрально-промышленных губерниях России практически не было ни одного барщинного имения, в котором бы все крестьяне поголовно находились на барщине. Как правило, в этих имениях часть крестьян (обычно более состоятельных) отпускалась на оброк, а на барщине оставались менее «исправные»; при этом если на зажиточных крестьян и была наложена барщина, то они нанимали отправлять ее за себя других односельчан, а сами занимались торговлей и предпринимательством. В промышленных губерниях крестьяне отбывали барщину не только на барской запашке, но и в сфере промышленного предпринимательства помещиков, при выполнении все возраставшей подводной повинности, использовались, в Костромской и Тверской губерниях, на лесоразработках помещиков. Чтобы повысить производительность барщинного труда, помещик применяет урочную систему, переводит крестьян на «месячину», вводит в качестве «стимулирующего» средства частичную оплату барщинных работ. Однако в промышленных губерниях месячина имела место лишь в немногих мелкопоместных имениях; остальные из указанных мер интенсификации барщины здесь также не получили сколько-нибудь значительного распространения.

6. Другой формой феодальной эксплуатации крестьян, наиболее для них тягостной, была так называемая «смешанная система» (сочетание барщины с оброком). Появление ее отмечено было еще в начале XVIII века, но особое развитие она получила в предреформенный период. Так, в Калужской, Московской и Тверской губерниях в конце 50-х гг. XIX в. на смешанной повинности находилось свыше 30% крестьян. Смешанная система возникала либо путем обложения барщинных крестьян оброком, либо наоборот, оброчных крестьян заставляли выполнять некоторые барщинные работы. В первом случае оброк был дополнением к барщине, во втором барщина служила дополнением к оброку. Смешанная повинность в большинстве случаев существовала либо в преобладании барщины над оброком, либо оброка над барщиной, поэтому в тогдашней статистике «смешанные тягла» показывались либо в числе оброчных, либо в числе барщинных.

7. Рост феодальной эксплуатации крестьян неизбежно вызывал и усиление мер внеэкономического принуждения. Крестьян принуждали платить больший оброк или интенсивнее работать на барщине путем применения жестоких наказаний, установления за ними сложной системы опеки и надзора, сдачи внеочередь в рекруты и т. п. Однако увеличение барщины и оброка все более и более разоряло крестьян, делало их плохим объектом феодальной эксплуатации и в конечном счете сокращало доходы самого помещика. Чем сильнее помещик нажимал на крестьян, тем меньше он с них получал: барщинный труд становился все менее производительным, а оброчная недоимка возрастала. Помещики влезают в долги, их имения закладываются и перезакладываются. К 50-м годам XIX в. свыше $^2/_3$ помещичьих имений находилось в залоге.

Вместе с тем возрастало и сопротивление крестьян феодальному гнету. Все это служило проявлением глубокого кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.

Г. Н. ГУБЕНКО
Крымский педагогический институт

К ВОПРОСУ О КЛАССОВОМ РАССЛОЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА В КРЫМУ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

1. В Крыму по подворным переписям 1884—1887 гг. насчитывалось 36 597 крестьянских дворов, из них 25 804, т. е. 70,5% не принадлежали ни к одному из бывших разрядов крестьян (помещичьих, государственных, колонистов).

В Крыму в 1884—1887 гг. юридически имели надельную землю 14 405 дворов, то есть примерно $^2/_5$(39,4%). Фактически 4409 дворов в подгорном и горном Крыму, входящие в этот состав, земли не имели, так как она находилась в общем владении многих селений и вся была под выгонами и лесными зарослями. Поэтому фактически безземельных в Крыму было 21 971 двор, то есть $^3/_5$ (60%) всех крестьянских дворов.

Большая половина всех крестьянских дворов — 18 560 — не могла существовать только за счет сельского хозяйства и вынуждена искать разные подсобные заработки. Более трети крестьянских дворов — 12 372 — занималось исключительно промыслами и заработками.

2. В Крыму в отличие от других районов России надельная земля не являлась основой хозяйственной жизни крестьянства. В 1884—1887 гг. у крестьян в пользовании находилось надельной земли — 154894,1 дес., купчей — 432573,5 дес., арендной — 308926,8 дес. Учитывая, что 6392,1 дес. надельной земли сдавалось в аренду, а количество сдаваемой в аренду купчей земли неизвестно, но вряд ли могло быть значительным, можно считать, что приблизительно все крестьянское землепользование выражалось в 890002,3 дес., из них надельная земля составляла всего 17,3%, купчая — 48,3%, арендная — 34,5%. Следовательно, купчей земли у крестьян в 1884—1887 гг. было более чем в 2 раза больше, а арендованной в 2 раза больше чем надельной. Надельная пашня составляла всего 28689,8 дес., то есть примерно $^1/_{10}$ (10,2) всей посевной площади (289951,1 дес.).

3. При группировке крестьян по посеву исходили из того, что уезды степного Крыма — Перекопский и Евпаторийский — можно по условиям сравнить со степными материковыми уездами Таврической губернии и к ним может

быть применено то же размежевание на классовые группы, которое применил В. И. Ленин к материковым уездам. В этих уездах к бедноте отнесены беспосевные и засевающие до 10 десятин, к среднему крестьянству — засевающие 10—25 десятин, к зажиточному — засевающие свыше 25 десятин. Уезды подгорного Крыма (Симферопольский, Феодосийский) и горного (Ялтинский) — малоземельны, здесь полеводство уступает специальным культурам, а поэтому для подгорного и горного Крыма мы относим к бедноте — не сеющих и засевающих до 5 десятин, к среднему крестьянству — засевающих от 5 до 10 десятин, к зажиточному крестьянству — засевающих свыше 10 десятин. При этом мы учитываем, что в Крыму в среднем на 1 двор приходится посева — 7,7 дес. По посеву беднота составляла 24 637 дворов, то есть более $^2/_3$ (67,3%) всех крестьянских дворов, среднее крестьянство — 4 926 дворов, то есть менее $^1/_7$ (13,5%), кулачество — 7 034 двора, то есть около $^1/_5$ (19,2%). Крестьянская беднота имела только 12,6%, а кулачество — 70,1% всей крестьянской посевной площади. У бедноты в среднем на 1 двор приходилось 1,4 дес. посева, а у кулачества — 28 дес., т. е. в 20 раз больше. Несомненно, что и с 1,4 десятины крестьянской семье жить невозможно. Но почти $^1/_2$ бедноты не имела вовсе посевов, более $^1/_3$ — не имела рабочего скота, свыше $^4/_5$ бедноты не имело плугов. Для подавляющего большинства бедняцких дворов работа по найму была главным источником существования. Значительная часть бедняков (и в этом специфика Крыма) находила работу на месте в помещичьих и кулацких хозяйствах. Кулацкие хозяйства сосредоточили в своих руках примерно $^3/_4$ валовой продукции, более половины крупного рогатого скота, более половины всех плугов и скоропашек, более $^9/_{10}$ косилок и жаток. В кулацких хозяйствах в значительной мере использовался труд наемных рабочих. Хотя в подворных переписях показано, что наемным трудом пользуются $^2/_5$ зажиточных хозяйств, на самом деле жестоко эксплуатировали пришлых батраков и своих односельчан значительно большее количество зажиточных хозяев. Кулацкие хозяйства подавляющее большинство своей продукции производили для рынка.

4. В 1884—1887 гг. из 154894,1 десятины надельной земли 81,4% (126204,3 десятины) находились под выгонами и лесами. По размерам посевной площади распределена по группам только надельная пашня — 28689,8 дес. Крестьянская беднота, составляя более $^2/_3$ крестьянских дворов, имела немногим

более $^1/_3$ надельной пашни, кулачество, составляя менее $^1/_5$ крестьянских дворов, сосредоточило в своих руках более $^2/_5$ надельной пашни. На 1 бедняцкий двор в среднем приходилось 0,4 надельной пашни, на 1 кулацкий — 1,7 дес., то есть в 4 раза больше. К 1905 году в Крыму насчитывалось надельной земли — 140 494 десятины, ею владели 14 297 крестьянских дворов. Из них 8 253 двора, то есть более половины (57,7%) владело участками до 8 дес. В руках этой крестьянской бедноты находилось только 38 496 дес., то есть $^2/_7$ (28,3%) всей надельной земли. Кулачество (владеющее участками свыше 15 дес.) насчитывало только 2 173 двора, то есть составляло примерно $^1/_6$ (15,2%) всех крестьянских дворов но ему принадлежало 54 318 дес. то есть $^2/_5$ (40%) всей надельной земли. На 1 крестьянский двор в среднем приходилось надельной земли — у бедноты — 4,7 дес., у кулачества — 25 дес., то есть в 5 раз больше. Учитывая безземельных, можно считать, что данные о классовом расслоении крестьян по надельной земле в Крыму в начале XX в. полностью подтверждают правильность данных о классовом расслоении крестьянства по посеву по данным 1884—1887 гг.

5. В Крыму в 1884—1887 гг. у крестьян насчитывалось 432 573,5 дес. купчей земли. Ею владело 11 343 двора, то есть менее $^1/_3$. Бедноте принадлежало немногим более $^1/_{10}$, почти $^8/_{10}$ принадлежало кулачеству. На 1 крестьянский двор, имеющий купчую землю, в среднем приходилось 7,9 дес., на 1 кулацкий — 107,9 дес., то есть примерно в $13^1/_2$ раз больше. В 1905 году крестьянам принадлежало 722.168 десятин купчей земли. Кулачеству принадлежало 97,8% купчей земли, находящейся в личной собственности и примерно 75% купчей земли, приобретенной крестьянскими обществами и товариществами. Следовательно, к 1905 году кулачеству принадлежало примерно 663377,5 десятины купчей земли, на 163770,5 десятины больше, чем дворянам. Купчая земля ярко показывает экономическую силу сельской буржуазии в Крыму.

6. В 1884—1887 г. в Крыму арендовали землю 17 403 двора, то есть 47,6% всех крестьянских дворов, 71,8% дворов, имеющих посевы. Почти половину арендаторов (8559 дворов) составили бедняки, но на их долю досталось лишь 36399,2 дес., то есть немногим более $^1/_{10}$ (11,8%) арендного фонда. Кулаки (5067 дворов) составили 29,1% арендаторов, сосредоточив в своих руках 217 934,8 дес., то есть 70,5% всего арендного фонда. На 1 арендующий бедняцкий двор

приходилось 4,3 дес., на 1 кулацкий — 43 дес., то есть в 10 раз больше.

7. Все крестьянское землепользование составляло приблизительно 890 000 десятин[1]. 126 204,3 дес. не распределены по группам (находящейся под выгонами и лесами). Без них в пользовании крестьян было 763 798 десятин. Из них в руках бедноты — 12,8%, у среднего крестьянства — 12,9%, у кулачества — 74,3%. Надельная пашня, даже у бедноты и середняков, не играла основной роли. У беднейшего крестьянства она составляла всего $^1/_{10}$, купчая более половины, арендная более $^1/_3$ всего землепользования. У кулачества надельная пашня составляла ничтожную долю — 2,1%, а купчие и арендные земли — 97,9%. Надельной пашни у кулачества в сравнении с беднейшим крестьянством было в 4 раза больше земли, купчей — в 23 раза, арендной — в 20 раз. Экономическая сила кулачества состояла главным образом в купчей и арендной земле.

В. П. ПАНЮТИЧ

Институт истории АН БССР

ДВИЖЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ БЕЛОРУССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

По данным переписи населения 1897 г., в сельском хозяйстве Белоруссии насчитывалось примерно 140 тыс. постоянных наемных рабочих, или 6,0% от всего взрослого земледельческого населения. Наиболее значительную прослойку среди них составляли постоянные семейные рабочие, нанимавшиеся на продовольствии владельца. Холостые рабочие получали плату в основном деньгами и лишь частично в натуральной форме (одеждой).

2. Динамика заработной платы годовых рабочих в рассматриваемый период была следующей: (см. табл. 1).

3. Рост номинальной заработной платы батраков был обусловлен, главным образом, непрерывным повышением цен на продукты первой необходимости. Вследствие этого

[1] Цифра несколько завышена, так как неизвестно количество купчей земли сдаваемой в аренду.

Таблица 1

Губернии	Средняя плата годовому рабочему на своем продовольствии (в руб.)			Средняя плата годовому рабочему на продовольствии владельца (в руб.)		
	1881—1891 гг.	1910 г.	Рост (%)	1881—1891 гг.	1910 г.	Рост (%
Виленская	92	114	23,9	45	53	17,8
Витебская	97	141	45,4	50	61	22,0
Гродненская	84	137	63,1	37	60	62,2
Минская	85	109	28,2	45	59	31,1
Могилевская	91	116	27,5	47	55	17,0
По 5 западным губерниям	90	123	36,7	44,8	58	29,5

Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам полученным от хозяев, вып. V. Спб., 1892. Приложение № 9, стр. 142—143; Цены на рабочие руки в сельских хозяйствах частных владельцев в Европейской и Азиатской России в 1910 г. Спб. 1913. I. Общий свод стр. II.

реальная заработная плата годовых сельскохозяйственных рабочих оставалась почти на одном и том же уровне.

4. Постоянные рабочие, нанимавшиеся на продовольствии владельца, получали наряду с денежной натуральную плату, так называемую «ординарию». Она включала в себя стоимость предоставленного батраку продовольствия, топлива, корма для скота, освещения, клочка земли под огород и различных мелких «услуг» со стороны экономии. Продовольственные нормы в имениях являлись чрезвычайно разнообразными, но колебания их наблюдались в определенных размерах. «Ординарщик» получал в год 20—30 пудов муки, несколько пудов ячменя и гороху, 6—9 пудов крупы, 1 пуд—1 пуд 20 функтов сала, столько же соли, несколько десятков пудов картофеля. Натуральная плата в среднем по 5 западным губерниям составляла в денежном выражении свыше половины заработка батрака — 50—53%.

5. Как видно из таблицы 1, в целом на западе и в центре Белоруссии, несмотря на более высокий уровень развития капитализма в сельском хозяйстве, труд батраков оплачивался дешевле, чем на востоке. Это объяснялось, главным образом, более высоким удельным весом сельскохозяйственного пролетариата в общей массе сельского населения и более слабым развитием отхожих промыслов.

6. Во многих владельческих хозяйствах Белоруссии содержались также сроковые рабочие, нанимавшиеся большей частью на 6—7 летне-осенних месяцев (май—октябрь или ноябрь). Условия их найма ничем существенным не отличались от условий найма годовых рабочих. Подобно последним, сроковые рабочие нанимались преимущественно на продовольствии владельца, получая от него «ординарию» пропорционально в тех же размерах, что и постоянные сельскохозяйственные рабочие. Правда, денежный заработок таких рабочих по сравнению с денежной частью платы годовым был немного выше. Но средняя продолжительность рабочего дня у них была больше.

7. Гораздо реже помещики Белоруссии прибегали к найму сезонных (месячных) рабочих. По сравнению с оплатой труда годовых и сроковых батраков заработки их в летнее время были более высокими. В 80-х гг. XIX в. в 5 западных губерниях сезонные сельскохозяйственные рабочие летом получали на своем продовольствии примерно 7—10 руб. в месяц, а в ряде владельческих хозяйств — до 12 руб. В 1910 г. их ежемесячный заработок на собственном продовольствии в летнее время в среднем составлял 12,8 руб. Более высокая оплата труда летних сельскохозяйственных рабочих по сравнению с заработной платой годовых и сроковых батраков объяснялась прежде всего тем что наем их производился преимущественно в страдную пору года, когда требовалось большое количество рабочих рук. В зимнее время, когда спрос на рабочую силу намного понижался, сезонные сельскохозяйственные рабочие зарабатывали значительно меньше, чем летом. Зимой 1910 г. их ежемесячная заработная плата на своем продовольствии равнялась 8,9 руб., т. е. была на 31,4% ниже летней.

8. Во время сенокоса и жатвы, а также молотьбы помещичьи и зажиточно-крестьянские хозяйства нанимали большое количество поденных рабочих, преимущественно из окрестных малоземельных крестьян. Число их не поддается точному статистическому учету, но оно намного превышало количество годовых и сроковых батраков. Многие поденщики нанимались заблаговременно, получая денежные и натуральные задатки, что отрицательно сказывалось на уровне их заработной платы.

9. Движение средней весенне-летней заработной платы поденных сельскохозяйственных рабочих (на собственном продовольствии) в конце XIX — начале XX в.

Таблица 2

Губернии		Номинальная (денежная) поденная заработная плата (в коп.)				Реальная поденная заработная плата (в пудах ржи)			
		1882—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.	1911—1914 гг.	1882—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.	1911—1914 гг.
Виленская	в абсолютных цифрах	42,5	42,8	58,3	88,8	0,62	0,63	0,71	0,82
	в %	100,0	100,7	137,2	208,9	100,0	101,6	114,5	132,1
Витебская	в абсолютных цифрах	51,3	51,2	63,3	93,7	0,75	0,72	0,73	0,84
	в %	100,0	99,8	123,4	182,7	100,0	96,0	97,3	112,0
Гродненская	в абсолютных цифрах	38,3	38,0	53,0	80,8	0,53	0,55	0,66	0,68
	в %	100,0	99,2	138,4	211,0	100,0	103,8	124,5	128,3
Минская	в абсолютных цифрах	42,7	46,0	58,7	83,7	0,68	0,73	0,76	0,77
	в %	100,0	107,7	137,5	196,0	100,0	107,4	111,8	113,2
Могилевская	в абсолютных цифрах	48,2	47,0	60,0	83,3	0,77	0,77	0,76	0,81
	в %	100,0	97,5	124,5	172,8	100,0	100,0	98,7	105,2
По 5 западным губерниям	в абсолютных цифрах	44,6	45,0	58,7	85,8	0,66	0,68	0,72	0,77
	в %	100,0	100,9	131,6	192,3	100,0	103,0	109,1	116

Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в., вып. II. Спб. 1903, стр. 24—25, 110—111; Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Пгр., 1916, стр. 472, 520.

10. Как показывает таблица 2, рост реальной поденной заработной платы сельскохозяйственных рабочих в 5 западных губерниях немного ускорился в начале XX в. Это было вызвано преимущественно широко распространенным здесь забастовочным движением сельскохозяйственных рабочих в годы революции 1905—1907 гг. Но все же за три с лишним десятилетия реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих-поденщиков (выраженная в цене хлеба) увеличилась только на 16,7%.

11. Заработная плата поденных сельскохозяйственных рабочих, как и годовых, в восточной части Белориссии была выше, чем в западной и центральной, что было обусловлено отмеченными ранее причинами.

12. Действительные размеры номинальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих — всех категорий были меньше, чем показано выше, так как приведенные в таблицах цифры получены на основании сведений самих владельцев, которые, как уже отмечалось, обычно завышали показатели денежного заработка своих рабочих. Согласно архивным данным в ряде имений Витебской и Могилевской губерний в 80—90-х гг. XIX в. поденные сельскохозяйственные рабочие зарабатывали в день на своем продовольствии в среднем 35—40 коп., в начале XX в. — 45—60 коп.

13. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих всех категорий в Белоруссии была одной из самых низких в Европейской России. Даже районы с преобладанием отработочной системы в помещичьем хозяйстве опережали ее в этом отношении. В 1911—1914 гг. в 5 западных губерниях реальная заработная плата поденного сельскохозяйственного рабочего (на собственном продовольствии) была на 25,2% меньше, чем в среднем по европейской части России. В 1910 г. в указанных губерниях средний денежный заработок (на продовольствии владельца) годового батрака был на 33,3%, а срокового — на 21,4% ниже по сравнению с Европейской Россией в целом. Причины этого явления — слабое развитие фабрично-заводской промышленности, большое аграрное перенаселение в белорусской деревне, сельского ремесла и местных кустарных промыслов, недостаточное развитие отхода.

Х. Э. ПАЛЛИ

Институт истории АН ЭССР

К МЕТОДИКЕ ОБРАБОТКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭСТОНИИ XIII—XVIII ВВ. (ДО РЕВИЗИИ ДУШ 1781—1782 ГГ.)

1. До проведения ревизии душ в Эстляндии и Лифляндии (т. е. до 1781—82 гг.) надежных источников о количестве и составе населения, охватывающих территорию современной Эстонии, не сохранилось.

2. Все же сохранилось много источников, которые с той или иной полнотой отражают численность населения или его движение. К таким источникам относятся ревизии гаков и т. н. инквизации, церковные книги, переписи населения в городах, данные о количестве некоторых групп населения и т. п. Некоторые сведения о количестве и составе населения можно получить и из вакенбухов.

3. Кроме того имеются еще такие источники, как данные о численности гаков, количество дворов, планы мыз, деревень и более обширных территории, которые дают некоторые косвенные опорные пункты для определения количества населения и особенно его распределения.

4. Неполность имеющегося материала, многочисленные пробелы в нем заставляют прибегать к комплексной обработке материала и к проверке данных одного источника (или одной группы источников) при помощи сопоставления с ними данных другого независимого источника, (или другой независимой группы источников). Иногда возможно сопоставить не два, а три или больше источника. Привлекая и косвенные источники можно во многих случаях воссоздать модели структуры, расположения и движения населения.

5. Огромный объем этой работы предполагает и соответствующую механизацию; иначе ее трудно осуществить. Для копирования демографических данных из источников целесообразнее всего использовать дуальные перфокарты, специально для этой цели разработанные.

6. Обработка полученного материала распадается на несколько этапов.

Наиболее просто получить общие сводные данные по определенному источнику (например: сколько хозяев дво-

ров и других жителей мужского пола по данной ревии по деревням и мызам; или сколько крещенных и погребенных по церковной книге в данном приходе по годам и т. д.).

Такая обработка вполне под силу счетно-перфорационным машинам (сортировка и табулятор, по схеме: сортировать по географическому признаку, подсчитать на табуляторе количество карт, или, если мы имеем дело с картами для ревизии — подсчитать количество людей).

Значительно сложнее составление алгоритма для объединения нескольких данных из двух или нескольких массивов. Трудно предсказать все возможные варианты алгоритмов таких задач. Как правило, они в большинстве случаев должны быть разрешены при помощи ЭВМ. Можно указать некоторые примеры из наиболее простых задач в этом классе. Один из них — замена части данных в одном источнике по другому источнику. Например: данные о мужчинах по деревням в какой-то мызе по инквизиции заменить теми же данными по вакенбуху, извлеченного из судового разбирательства; данные о количестве крестьянских дворов в такой-то мызе из инквизиции заменить теми же данными по планам.

Близко к перечисленному алгоритму стоит алгоритм дополнения данных одного источника из другого источника. К этому виду принадлежит, например, такая задача: дополнить данные о количестве мужчин в какой-то мызе по вакенбуху с данными о количестве женщин в той-же мызе по специальному списку из церковной книги.

Перед исследователем стоит еще несколько более сложных задач (сравнение данных о населении, полученных из ревизионных книг или вакенбухов с данными о естественном движении населения из церковных книг; сопоставления общих перечней некоторых групп населения по приходам с данными по вакенбухам и т. д.). Их решение требует довольно сложных алгоритмов. Главная сложность таких задач стоит в критике источника, в оценке их достоверности: от этого зависит, какому из источников мы даем предпочтение и каких мы исправляем при помощи других источников.

Примерно из таких задач и состоит обработка на первом этапе.

7. На втором этапе основываясь на источниках и на данных, полученных на первом этапе, целесообразно перейти к вычислению таких показателей, как наиболее вероятные

количество и состав населения в разные отрезки времени, по возможности и некоторые другие демографические показатели (средняя продолжительность предстоящей жизни). Может быть, в некоторых случаях возможно по отметкам крещений и погребений воссоздать структуру населения в известные промежутки времени. Часто целесообразно сочетать вычисления первого и второго этапов.

8. Значительный интерес представляют связи демографических явлений с экономическими. Поэтому по материалам Эстонии необходимо следить, не существует ли и какими показателями можно установить связь между обеими рядами явлений. Предварительно необходимо выявить общую тенденцию развития и отделить от него временные, конъюнктурные, явления. По возможности следует сравнить демографические процессы в Эстонии с такими же процессами как в соседних странах и у соседних народов, так и в Европе вообще. Это можно осуществить при помощи корреляционного анализа хотя не исключено применение более сложных методов (факторный анализ).

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ СЕКЦИИ

«ТИПЫ И БЮДЖЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И ТОВАРНОСТЬ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ» (XVII—XX ВВ.)

Е. А. ШВЕЦОВА

Центральный гос. архив древних актов

БЮДЖЕТ ХОЗЯЙСТВА ДВОРОВЫХ КРЕСТЬЯН ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ ТАМБОВСКОГО УЕЗДА В XVII-м ВЕКЕ.

1. Задача всесторонней характеристики отдельного типичного крестьянского хозяйства в отношении XVII-го века имеет значительные специфические трудности вследствие одностороннего (как правило) характера источников и почти полной несопоставимости их данных.

2. Эта задача может быть решена только методом сопоставления данных разных источников (писцовых книг, книг оброчных угодий, таможенных книг, данных сыска беглых и т. п.) относительно одного крестьянского хозяйства за небольшой период времени. Степень правомочности объединения данных источников устанавливается путем их конкретного анализа.

3. По Верхоценской волости Тамбовского уезда нет источников, разносторонне характеризующих отдельные крестьянские хозяйства. Наиболее ценными из имеющихся материалов являются описи имущества беглых. В одном из сысков бывших на территории Тамбовского уезда (М. Плещеева, 1663—65 гг.), удалось выявить около 130 описей, которые сведены в таблицу. Однако, эти данные обесцениваются отсутствием сведений о количестве обрабатываемой земли и размере платимого тягла которые устанавливаются по писцовым книгам. Выявленные данные могут быть в отдельных случаях дополнены характеристикой участия в торговле, владения оброчными угодьями и др. данными).

4. Проведенное сравнение данных переписи 1671 г. с данными переписи 1674-78 гг. в отношении отдельных хозяйств, позволяет установить относительную константность данных, необходимую для сведения разных по времени показаний источников. Одновременно оно дает возможность искать тенденцию развития отдельных хозяйств для разрешения других вопросов, связанных с настоящей темой.

5. В результате проведенной работы удалось установить объединенные характеристики около десяти крестьянских хозяйств дворцовой Верхоценской волости разного материального уровня. Степень типичности этих хозяйств характеризуется таблицами, составленными на основании каждого отдельного источника.

6. Примером материала для характеристики хозяйства крестьянина дворцовой Верхоценской волости могут служить сведенные данные о тяглом крестьянине села Алгасова Лаврентье Исаеве Селиванове. По переписной книге 1671 г. он платит тягла $^1/_2$ кола пашни; семья его состояла из жены, малолетнего сына и племянника 20-ти лет. По описи имущества 1663 г. (в сыскном столбце) у него было 2 лошади, 3 коровы, 2 подтелка, 8 свиней, 3 овцы; хлеба: ржи 15 копен, овса 10 копен, пшеницы 10 копен, гречи 3 телеги, да молоченного хлеба: овса 4 чети, проса 5 четвертей. Посуда деревянная, жернова, сошник, коса, 2 серпа, топор, сковорода. В таможенных книгах он упоминается один раз в качестве мелочного продавца мёда, рыбы и продуктов с/х.; оброчных угодий не имеет, в переписи необмолоченного хлеба не упоминается.

7. Приведенный пример характеризует средний достаток крестьянина Верхоценской волости. Имеются данные и о зажиточных крестьянах, участвующих в торговле. Однако, приблизительно 20% крестьянского населения не имело почти никакого хозяйства и не было положено в тягло, а кормилось, «переходя» работой. Это преимущественно не успевшие осесть беглые, работа которых значительно способствовала установлению высокого материального уровня хозяйств дворцовых крестьян Верхоценской волости. Поскольку они не были записаны в тягло, источники молчат об их существовании; только в сысках беглых имеются сведения об этой категории.

8. Вопросы о бюджете отдельного крестьянского хозяйства, налоговом бремени и товарности хозяйств затронуты в одном из предыдущих докладов на симпозиуме. Используя эти данные, устанавливаем избыток продуктов с/х. и включение в торговлю хлебом значительной части хозяйств, приведении большинством крестьян в основном натурального хозяйства.

Л. П. МУЛЯВИЧЮС

Институт истории АН Литовской ССР

БЮДЖЕТЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В КОВЕНСКОЙ ГУБ. В НАЧАЛЕ 70-ЫХ ГОДОВ XIX В.

Описания сельского хозяйства, составленные учителями народных училищ в 1872—1874 гг. по подготовленной Северо-Западным отделом Русского географического общества программе, являются единственным, но неопубликованным и неиспользованным источником о конкретных крестьянских бюджетах в Литве в XIX в.

Анкетные вопросы и ответы на них имеют ряд недостатков. Главные из них: неполное заполнение большинства анкет, отсутствие баланса и более слабое представление бедняцких хозяйств, чем зажиточных. Поэтому очень трудно дать общую характеристику жизненного уровня.

Мы попытались лишь определить основные статьи денежных доходов и расходов в крестьянских хозяйствах по группам хозяйств по числу лошадей.

Нами обработан весь материал по Ковенской губернии: 86 общих описаний и 143 описаний отдельных крестьянских хозяйств.

В зажиточных и в средних хозяйствах основными статьями доходов была продажа льна и зерна. Второстепенную роль играла продажа скота. Взрослый скот продавался редко, в основном в зажиточных хозяйствах. Доходы от продажи молока и его продуктов были очень незначительны. Они превышали доходы от продажи птиц и яиц только у зажиточных крестьян. Зажиточным крестьянам дополнительные доходы давала аренда земли (в основном для посева льна), торговля лесом, редко — скотом, аренда озер. Извозом занимались крестьяне, имевшие 3—4 лошади. В бедняцких хозяйствах основной денежный доход приносили заработки.

Расходы по их размерам в зажиточных хозяйствах распределялись в таком порядке: расходы на подати и повинности, на наем рабочей силы, на одежду и обувь, на пищу, на приобретение и ремонт сельскохозяйственных орудий, на аренду земли, на покупку топлива и леса, на покупку корма для скота. Удельный вес расходов на подати и повинности в средних и бедняцких хозяйствах был более высо-

кий, чем в зажиточных хозяйствах. В бедняцких хозяйствах основной статьей расходов были расходы на пищу.

Бюджеты крестьянских хозяйств начала 70-ых годов свидетельствуют о разложении крестьянства и развитии торгового хозяйства. Тяжелое бремя налогов и остатки крепостничества препятствовали интенсификации крестьянского хозяйства и сдвиги в этом отношении в начале 70-ых годов были еще очень слабые.

М. А. ВЫЛЦАН

Институт истории АН СССР

БЮДЖЕТЫ ХОЗЯЙСТВ КОЛХОЗНИКОВ В 1933—1940 ГГ.

Вопрос о бюджетах хозяйств колхозников в 1933—1940 гг. не получил еще в исторической и экономической литературе достаточного освещения[1]. Между тем, его изучение совершенно необходимо как при анализе социальной структуры колхозной деревни, так и при рассмотрении материального положения колхозного крестянства. Бюджетные обследования хозяйств колхозников, позволяют найти ответ на такие вопросы как размеры и соотношение доходов колхозников от общественного и личного хозяйств, структура доходов в натуральном и денежном выражении и т. д. Расходная часть бюджетов дает представление о характере потребления семей колхозников.

В следующей таблице содержатся данные об удельном весе общественного и личного хозяйства в поступлении важнейших продуктов земледелия в хозяйства колхозников, а также об их динамике.

---

[1] Те или иные аспекты темы затрагиваются в работах: А. Тулупников. Победа колхозного строя и подъем жизненного уровня советского крестьянства (ж. «Социалистическое сельское хозяйство», 1940, № 8—9; Г. Котов, М. Струков. Г. Горбатенко. Советская деревня к третьей пятилетке (ж. «Социалистическое сельское хозяйство», 1939, № 4); М. Несмий. Доходы колхозов и колхозником (ж. «Плановое хозяйство». № 9. 1938); М. А. Вылцан. Материальное положение колхозного крестьянства в довоенные годы (ж. «Вопросы истории», 1963, № 9) и др.

Поступление продуктов земледелия в хозяйства колхозников за июнь—февраль м-ц включительно[1]

(кгр. на 1 лицо)

(по данным бюджетов колхозников по 13 республикам, краям и областям)

	Годы				
	1934/35	1935/36	1936/37	1937/38*	1938/39*
Зерновые культуры					
Из колхоза	173,87	183,77	130,49	329,05	155,83
Из личного хозяйства	14,68	14,20	8,97	19,86	14,95
Картофель					
Из колхоза	140,57	195,54	107,94	147,50	49,53*
Из личного хозяйства	276,15	388,21	324,50	403,61	247,34*

*) Данные по 35 республикам, краям и областям.

Таким образом, если главным источником зерновых культур для колхозников было общественное хозяйство, то преобладающая часть картофеля поступала с личного хозяйства. Обращает на себя внимание и то, что 1937/38 г. был наивысшим по абсолютным размерам поступления зерновых культур и картофеля, как с общественного, так и с личного хозяйства.

Зерновые культуры в хозяйстве колхозников использовались преимущественно на личное потребление (в 1934/35—1936/37 гг. эта часть расходов составила 65,4—67,2%). В связи с ростом личного животноводства, увеличились расходы на корм скоту. Если в 1934/35 г. они составляли 5,6% расходов зерна, то в 1936/37 г. они возросли до 16,4% расходов зерна. В рассматриваемые годы 6,7—11,3% зерна колхозниками продавалось[2].

Использование картофеля в хозяйствах колхозников было следующим: личное потребление 48—58%, корм скота — 25,2—37,2%, продажа — 3,5—7%[3].

Большая часть продуктов животноводства, которая поступала в распоряжение колхозников, имела своим источником личное хозяйство.

Обращает на себя внимание систематическое, из года в год, повышение поступлений продуктов животноводства с

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 35, л. 18, 21; там же, д. 40, л. 171; там же, оп. 83, д. 2, л. 7, 9; там же, д. 1, л. 7, 9, 11.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 35 л. 18.

[3] Там же, л. 21.

Поступление продуктов животноводства в хозяйства колхозников за июль—февраль м-ц включительно[1]

(пер. на 1 лицо)

(по данным бюджетов колхозников по 13 республикам, краям и областям)

	Годы				
	1934/35	1935/36	1936/37	1937/38	1938/39
Мясо и сало					
Из колхоза	0,18	0,15	0,23	нет св.	нет св.
Из личного хозяйства	7,55	10,40	15,92	13,68	20,14
Молоко					
Из колхоза	1,38	1,23	0,68	нет св.	нет св.
Из личного хозяйства	100,40	103,75	101,27	115,89	99,82

личного хозяйства колхозников. Это прямой результат работы по ликвидации бескоровности колхозников, улучшению материального благосостояния колхозников.

Большая часть продукции мяса и сала — 75—80% — использовалась в хозяйствах колхозников на личное потребление, 17—22% продавалось. По молоку было такое соотношение: примерно 60% шло на личное потребление, 20—25% — на переработку, 6—7% продавалось[2].

Таким образом личное хозяйство колхозников имело ярко выраженный потребительский характер, что впрочем, и соответствовало его назначению.

Определенный интерес представляют сведения о том, каким был удельный вес рыночных доходов в общих денежных поступлениях колхозного двора. Бюджет колхозников по 17 областям РСФСР за второе полугодие 1937 г., показывают что поступления от продажи скота, птицы, а также продуктов земледелия и животноводства составляли около 47% общих денежных доходов колхозников. Заметим, что поступления из колхоза (выдача денег по трудодням) составляли только около 9%.

Известную роль в качестве источника денежных доходов служила работа колхозников на стороне, связанная с сезонностью сельскохозяйственного производства. Доходы от этого источника составляли (в расчете на 100 душ)[3]:

---

[1] ЦГАНХ СССР ф. 1562, оп. 81, л. 27; там же, д. 40, л. 171; там же, оп. 83, д. 1, л. 13.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 81, д. 35, л. 25, 27.

[3] Ж. «План», № 21, 1936, стр. 30.

в 1933 г. — 2806 руб.
1934 г. — 4227 руб.
1935 г. — 4958 руб.

В 1937 г. у колхозников Азово-Черноморского края доходы от реализации продукции, полученной из общественного хозяйства составляли 24,1% общих денежных поступлений, у колхозников Днепропетровской области — 35%, Омской области — 29,9%, Западно-Сибирского края 40,4%, Горьковской области — 17,9%, Западной области 8%, Винницкой 4,2% и т. д.[1]. Если учесть натуральную часть поступлений, то весь доход колхозного двора от общественного и личного хозяйства (в оценке натуральной части по ценам колхозного рынка 1937 г.) увеличился в среднем на СССР с 2132 руб. в 1932 г. до 5843 руб. в 1937 г.[2].

Рассмотрение бюджетов колхозников выявляет их существенное отличие от бюджетов крестьянских хозяйств дореволюционной деревни.

В бюджете колхозника совершенно отсутствуют такие расходы, как покупка и аренда земли, приобретение рабочего скота и фуража для него, покупка сельскохозяйственных машин. Полностью отсутствуют или составляют ничтожный размер расходы на ремонт инвентаря, покупку семян. Основную часть своих доходов колхозники, в отличие от единоличников, расходовали на удовлетворение своих потребительских нужд и на расширение личного продуктивного животноводства сельскохозяйственной артели. Так, в 1934—1937 гг. до 80% всех денежных расходов колхозников составляли расходы на приобретение промтоваров, продуктов сельского хозяйства и приобретение скота, остальные же расходы (налоги, страхование имущества, приобретение госзаймов все производственные и другие расходы) составляли только 19—20%[3].

В 1936 г. 95—98% всех товаров, приобретенных колхозниками, составляли товары личного потребления и только 2—5% — товары хозяйственного назначения, тогда как расходы крестьян-единоличников на покупку предметов хозяй-

---

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 36, д. 1510, л. 22.

[2] «Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР», М.-Л., 1939, стр. 97.

[3] М. Несмий. Указ соч. (журнал «Плановое хозяйство»), № 9, 1938, стр. 102.

ственного назначения (мелкого инвентаря, транспортных средств, рабочего скота и т. д.) составляли в 1926/27 г. почти половину всех его денежных ресурсов[1].

В. Б. ОСТРОВСКИЙ

Саратовский университет

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БЮДЖЕТА СЕМЕЙ КОЛХОЗНИКОВ (1950—1964 гг.)

1. Бюджет семьи колхозника не стал еще предметом научного исследования. Можно назвать всего десяток работ, изданных в разные годы и на разные темы, где в какой-то степени нашли освещение отдельные стороны вопроса. Однако в большинстве этих работ нет цельной, отраженной в статистике, картины бюджета, динамики доходов и анализа статей расхода. Они, как правило, построены на частных примерах, отдельных разрозненных фактах и цифрах. Сейчас положение изменилось. Открылись более широкие возможности для глубокого изучения бюджета, что имеет не только научный, но и практический интерес.

В настоящем докладе делается попытка показать основные черты и тенденции развития бюджета колхозных семей за последние годы (1950—1964 гг.). Анализ строится на материалах бюджетного учета статистических управлений в Саратовской области и Ставропольском крае, организованной автором историко-социологической экспедиции по колхозам Саратовской области, архивных фондах ЦГАНХ и опбуликованных статистических сборниках.

2. Особый интерес представляет доходная часть бюджета, ибо прежде всего по ней можно судить о благосостоянии крестьянства и его источниках. Одной из характерных черт ее является рост совокупного дохода колхозных семей. Он составлял в 1937 г. — 584 руб. на семью, в 1953 г. — 1033 руб., в 1963 г. — 1634 руб.

Вместе с ростом доходов происходит стирание различий в доходах как колхозников различных районов страны,

[1] «Экономика и планирование советской кооперативной торговли», М., 1939, стр. 248.

так и колхозных семей внутри этих районов. За последние 10—12 лет более чем в четыре раза сократилось число семей с доходами до 300 руб. и выросло почти в два раза число семей с доходами от 400 до 600 руб. и в пять раз с доходами от 600 до 900 руб.

Меняется и характер совокупного дохода: сокращается натуральная часть и растут денежные поступления. Доля денег выросла с 41,6% в 1953 г. до 58% в 1963 г. Денежные доходы семьи составляли в 1937 г. в названной области и крае — 40,4 руб., в 1940 г. — 71,9 руб., в 1950 г. — 116,4 руб., в 1953 г. — 124,8 руб., в 1963 г. — 283,6 руб. Все это привело к повышению покупательной способности крестьянства, а с ней и к большим изменениям в потреблении и быту колхозных семей.

3. Одним из основных источников доходов является труд в общественном хозяйстве. Доля доходов от колхоза выросла с 33,4% в 1953 г. до 42,7% в 1963 г., или с 345 руб. до 697 на семью. Во многих областях и республиках доходы от колхоза составляют более 50% совокупного дохода. Низкие доходы от колхозов в прошлом объясняются слабостью и отставанием колхозной экономики. В 1945—1952 гг. почти половина исследованных колхозов выдавала на трудодень всего по 500—600 гр. хлеба, 39,7% колхозов выдавали по 6 коп., а 22,4% совсем не выдавали денег. Колхозники получали в колхозе столько же, сколько и за работу по найму.

В результате принятых мер, окрепла экономика колхозов, в два раза выросли и доходы колхозников. По своим размерам средний заработок колхозника во многих районах страны сравнялся с заработком рабочих совхозов. Меняется и характер оплаты труда. Наряду с зерном, овощами, фруктами колхозники стали значительно больше получать денег. Доля денежных поступлений увеличилась с 20,9% до 73,9%.

4. Важным источником дохода попрежнему является личное подсобное хозяйство. В нем сосредоточено 17,1% поголовья крупного рогатого скота, 25,4% коров, 14,4% свиней, 13,8% овец. Оно дает 50% товарного картофеля, 22% мяса, 45% яиц, 14% шерсти. Основные продукты питания — мясо, молоко, овощи, яйца, картофель колхозники получают в своем личном подсобном хозяйстве. Доходы от него в денежном выражении выросли с 472 до 701 рубля на семью.

61,3% этого дохода дает животноводство и 35,1% — растениеводство.

Однако в личном подсобном хозяйстве происходят большие изменения. Сократились посевы зерновых на приусадебных участках, падает удельный вес личного животноводства как в поголовье скота, так и в производстве продукции. Снижается товарность личного подсобного хозяйства, о чем убедительно говорят и материалы бюджетных обследований, и данные городских колхозных рынков. Доля доходов от личного подсобного хозяйства в совокупном доходе снизилась с 45,7% до 42,9%. Личное подсобное хозяйство колхозников теряет постепенно свою общественную значимость, становится все более личным и подсобным.

5. Значительно увеличивает доходы колхозных семей получаемая ими доля из общественных фондов потребления в виде бесплатного обучения детей, медицинского и культурного обслуживания, пособий, и т. д. По нашим подсчетам из государственных и колхозных общественных фондов потребления каждая семья получает в год более 200 руб.

6. Большие изменения произошли и в расходной части бюджета. Резко сократились всякие налоги, сборы и выплаты и выросли расходы на питание, одежду, строительство, культурно-бытовые нужды.

Более половины распределяемого дохода идет на питание семьи. Расходы на него выросли с 596 руб. в 1963 г. до 902 руб. в 1963 г. По данным бюджетов увеличилось потребление мяса в 3,2 раза, молочных продуктов в 1,1 раза, яиц в 3 раза, сахара в 6,9 раза, рыбы в 5 раз. Повысилась калорийность пищи, разнообразнее стал ассортимент продуктов.

Большие изменения произошли в одежде колхозников. Расходы на одежду и обувь выросли более чем в два раза. Судя по данным бюджетов и потребительской кооперации колхозники стали значительно больше покупать готовой одежды, кожаной обуви, шелковых тканей и т. д. Знакомство во время экспедиции с парадным гардеробом колхозников показало, что сегодня деревня разве только в иных модах не успевает за городом.

7. Большое место занимают расходы на приобретение мебели, предметов домашнего обихода и уюта, строительство и ремонт домов, Подсчитано, например, что уже сейчас 81,6% семей колхозников Саратовской области имеют у себя шифоньеры, 26,7% — буфеты, 71,4% — дива-

ны,, 68,1% — ковры на стенах, 88,3% — велосипеды, 23,6% — стиральные машины, 22,1% — мотоциклы, 99% — электроутюги, 79,1% — швейные машины. Все это привело к глубоким качественным изменениям в быту, в традициях, в людях и вкусах колхозной деревни.

Меняется внешний облик деревни. На место старых полуразвалившихся хат, построенных до революции или наскоро после Отечественной войны, пришли новые многокомнатные дома под железными и черепичными крышами с большими окнами, застекленными верандами, водяным отоплением. Результаты обследований, проведенных в Саратовской области и Ставропольском крае наглядно вскрывают эти новые черты в жизни современной деревни.

8. Специально анализируются в докладе и накопления. Данные бюджетов и сберегательных касс показывают, что число вкладчиков-колхозников выросло в 2—3 раза, а сумма вкладов в 7—10 раз. На одного вкладчика, а вкладчиками является большая часть семей колхозников, приходится 237—466 руб.

9. Анализ бюджетов семей колхозников показывает, что принятые партией меры по подъему сельского хозяйства, несмотря на допущенные в последнее время субъективистские ошибки и просчеты, дали значительный рост материального благосостояния крестьянства. На этой основе произошли большие изменения в жизни и быту колхозного крестьянства, свидетельствующие об интенсивности процесса стирания различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством.

Г. П. СТРОД

Институт истории АН Латв. ССР

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ИНВЕНТАРЬ» И ЕГО РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЛАТВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

1. То обстоятельство, что в историографии не предпринималось попыток специального изучения роли так наз. «железного инвентаря» в социально-экономическом развитии Латвии второй половины XVIII и первой половины XIX в., препятствует полному раскрытию внутренней дина-

мики развития мызного и крестьянского сельского хозяйства, процесса первоначального накопления, развития общественных отношений, затрудняет определение специфики типа прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве Латвии.

2. «Железный инвентарь» (лат. «dzelzs inventars», нем. «eisernes Inventar») — это установленное законом соразмерно экономическому потенциалу крестьянского хозяйства имущество каждого крестьянского хозяйства, состоящее из лошадей, крупного рогатого скота, посевного материала и орудий труда, без которого невозможно нормальное существование этого хозяйства. Генезис «железного инвентаря» связан с попытками правительства начиная с середины XVIII в. ограничить некоторые права помещиков в условиях фактически установившегося крепостного рабства, в первую очередь права помещиков на все движимое имущество крестьян. Часть этого имущества оказалась практически не подвластной помещику значительно раньше, чем личность крестьянина и его земля. В законодательных актах понятие «железный инвентарь» появилось впервые в Лифляндии во второй половине XVIII в. в период разложения крестьянской основы феодально-барщинного крестьянства. Введение «железного инвентаря» явилось мерой, предпринятой в интересах всего класса помещиков и направленной прежде всего на бесперебойное обеспечение товарного производства в имениях, существовавших без капиталовложений, на основе барщинного труда, — путем прямого присвоения помещиками преобладающей части крестьянского движимого имущества.

3. «Железный инвентарь» впервые упоминается в постановлении лифляндского ландтага 1765 г., которое, признавая права крестьян на движимое имущество, выделяет из него «то, что хозяин уже находит принимая хутор». Юридическое обоснование «железного инвентаря» содержится в постановлении лифляндского ландтага 1797 г. (§ 3 и 4) и в разработанном на его основе положения о лифляндских крестьянах 1804 г., § 45 которого определяет, что в хозяйстве в 20 ревизских талеров ($^1/_4$ гака) «железный инвентарь» состоит из 2 лошадей, 5 голов крупного рогатого скота и 8 пур яровых семян» (по § 47, это также «необходимые для земледельческих работ орудия труда»). Если принять, что в каждом из примерно 40 000 крестьянских хозяйств, суще-

ствовавших в Лифляндии в конце XVIII в., «железный инвентарь» можно было оценить в 70 руб. серебром, получается, что путем введения «железного инвентаря» помещики присвоили крестьянское имущество на сумму в приблизительно 3 млн. руб. серебром. Поскольку установленная в 1797 г. норма «железного инвентаря» зачастую была больше имущества, которым располагали крестьянские хозяйства, положением 1804 г. эта норма была снижена. Экспроприировав путем введения «железного инвентаря» большую часть движимого имущества крестьян, помещики фактически превратили ее в первую крупную составную часть мызного инвентаря. В крестьянских хозяйствах Курляндского герцогства имелось движимое имущество, принадлежавшее помещикам, однако официально под названием «железный инвентарь» оно нашло оформление в частных законах отдельных помещиков, изданных в конце XVIII в.

4. Введение «железного инвентаря» означало превращение движимого имущества (скот, семена, орудия труда) в принадлежность основного недвижимого имущества (хутора). «Железный инвентарь» был неотделим от земли, — его продавали, закладывали, сдаавли в аренду вместе с землей. Как писал Г. Меркель, латышский крестьянин стал придатком своих лошадей. Крестьянин получал от помещика «железный иневнтарь» вместе с хутором и по истечении срока аренды должен был вернуть его помещику или передать следующему арендатору двора. В случае наследования хутора сыном крестьянина к нему переходил и «железный инвентарь», который при любых обстоятельствах должен был оставаться на усадьбе.

5. «Освобождение» крестьян в Курляндии и Лифляндии согласно законам 1817 и 1819 гг. явилось новой вехой в истории «железного инвентаря». Закон 1817 г. об «освобождении» курляндских крестьян (§ 127) объявил «железный инвентарь» собственностью помещика. Поскольку в среднем стоимость «железного инвентаря» в хозяйстве курляндского крестьянина составляла 100 руб. серебром, помещики в соответствии с § 127 закона 1817 г. присвоили не менее 2 млн. руб. серебром. Большую часть «железного инвентаря» (до 80%) по стоимости составлял скот, около 10% — орудия трдуа и до 10% — семена. «Железный инвентарь» обеспечивал помещикам отбывание крестьянами барщины. Курляндские крестьяне имели право распоряжаться только

тем имуществом, которое имелось у них сверх «железного инвентаря» (§ 131 и 132 закона 1817 г.).

6. В период кризиса мызно-барщинного хозяйства в 30—40-х годах XIX в., когда во многих беднейших крестьянских хозяйствах имевшееся в наличии имущество не достигало пределов «железного инвентаря», требование о том, чтобы каждая усадьба обязательно располагала полным «железным инвентарем», автоматически вело к сохранению барщины и фактического закрепощения для менее зажиточных слоев крестьянства. Поскольку батраки обыкновенно не желали становиться арендаторами хуторов, где недоставала часть «железного инвентаря», и пополнять его своим имуществом, которое при уходе с хутора им пришлось бы потерять, существование «железного инвентаря» способствовало дифференциации крестьян и сохранению феодальных форм оплаты батрацкого труда крестьянами-хозяевами. Наличие правил о «железном инвентаре» в Курляндии заставляло часть разоренных крестьян-хозяев в течение 10—15 лет биться, как рыба об лед, чтобы заработать деньги для уплаты помещику за «разбазаренный» инвентарь, и таким образом играло значительную роль в ускорении процесса образования кадров наемной рабочей силы. Однако нередко в этот период крестьяне оказывались все же не в состоянии поддерживать «железный инвентарь» на требуемом уровне и помещикам, если они хотели, чтобы состояние усадеб крестьян-барщинников в их имениях могло обеспечивать нормальную работу этих крестьян на барщине, приходилось самим, за свой счет пополнять «железный инвентарь». То обстоятельство, что эти расходы во многих случаях оказывались не меньше расходов, которые потребовались бы на содержание большей части вольнонаемной рабочей силы, необходимой имению, толкало помещиков на применение ее. Сохранение «железного инвентаря» в руках помещика способствовало в Курляндской губернии сохранению крупных крестьянских хозяйств. «Железный инвентарь», вобравший в себя — частично или даже полностью — имущество многих менее зажиточных крестьян феодального периода, явился своего рода «сберегательной кассой» в деле создания хозяйственного капитала для богатых крестьян.

7. Закон 1819 г. об «освобождении» лифляндских крестьян объявил «железный инвентарь» имуществом крестьян и оставил его в их распоряжении, с тем чтобы в дальнейшем

судьба «железного инвентаря», была определена «свободными договорами» между крестьянами и помещиками. Больший размах и более упорный характер классовой борьбы лифляндских крестьян в конце XVIII и в начале XIX в., вероятно, помешали лифляндским помещикам присвоить «железный инвентарь» при проведении в жизнь реформы 1819 г. В результате в 20—40-х годах XIX в. лифляндские крестьяне имели право свободно распоряжаться всем имуществом своего хозяйства. Наличие у крестьян этого права и необязательность оставления «железного инвентаря» в усадьбе после ухода из нее имели своим следствием попытки некоторых батраков за счет своего имущества укреплять взятые ими в аренду разоренные хозяйства или хотя бы «полухозяйства». Это вело к усилению дробления крестьянских усадеб, сохранению потребительского характера хозяйствования, торможению процесса дифференциации крестьянства, обогащения крестьянской верхушки и первоначального накопления в крестьянских хозяйствах.

8. Значительный рост имущества крестьян, причем во многих случаях рост его сверх пределов «железного инвентаря», наблюдался в Лифляндии в 40—50-х годах XIX в. с переходом к денежной ренте и к присвоению некоторой части производимого наемными батраками прибавочного продукта хозяевами-арендаторами хуторов. В Курляндии стремление помещиков сохранять в полном объеме «железный инвентарь» крестьянских усадеб способствовало более быстрому умножению имущества зажиточных крестьян, стоимость которого в 40—50-х годах иногда достигала 300—900 руб. серебром, ускорению первоначального накопления в богатых крестьянских хозяйствах, приближению победы капиталистического способа производства.

9. С перерастанием мызно-барщинного хозяйства в капиталистическое, производящее сельскохозяйственные товары при применении наемной рабочей силы и более современных орудий труда, «железный инвентарь» утратил для помещиков свое значение и они стали выражать пожелание, в целях получения дополнительных средств для капиталовложений в имениях, продать «железный инвентарь» крестьянам. Однако в условиях революционной ситуации конца 50-х годов правительство не дало на это своего согласия. Лишь в 60—80-х годах, когда развернулась покупка крестьянами в собственность усадеб, курляндские крестьяне откупили у помещиков и «железный инвентарь».

10. Введение «железного инвентаря» является методом первоначального накопления капитала помещиками и характерно для развития капитализма в сельском хозяйстве по типу прусского пути, близкому к осуществленному в самой Пруссии.

И. И. ФИРСТОВ

Мордовский государственный университет

К ВОПРОСУ О ДОХОДНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ МОРДОВИИ.

I. Основным занятием населения пореформенной Мордовии[1] было земледелие.

Доходность земледелия является результатом всей хозяйственной деятельности крестьянина. Она зависит как от естественно-исторических (климатические, почвенные и топографические условия земельных участков), так и хозяйственно-экономических (обеспеченность землей, рабочей силой, инвентарем, система полеводства, структура посевных площадей, качество обработки, степень удобрения, качество семян, отдаленность от рынков сбыта и усадьбы, неустойчивость хлебных цен, своевременность посева и уборки, общая организация хозяйства) условий. Определяющим фактором доходности крестьянского земледелия являлась высота урожайности с.-х. культур.

2. Определение доходности земельных угодий — исключительно сложный и мало изученный вопрос В мордовской историографии по этой теме не имеется ни одной специальной работы, нет ничего по этому вопросу и в общих работах по истории и экономике республики. Совершенно недо-

[1] Современная территория Мордовии составилась из четырех губерний. Из Пензенской губернии вошли полностью Краснослободский уезд, почти весь Инсарский и Саранский уезды, половина Наровчатского уезда; из Симбирской губернии — весь Ардатовский уезд и некоторые мордовские волости Алатырского и Карсунского уездов; из Тамбовской губернии — почти весь Темниковский и половина Спасского уездов; из Нижегородской — часть мордовских селений Лукояновского и Сергачского уездов. Для статистико-экономического описания берутся Ардатовский, Инсарский, Краснослободский, Нарончатский, Саранский, Спасский и Темниковский уезды, территория которых почти одинакова с современной территорией Мордовии.

статочно работ по данной теме и в советской историографии.

Основными источниками для изучения доходности крестьянского земледелия являются материалы земской статистики.

Для определения доходности пахотных земель обыкновенно применяются три главных способа: 1) по размеру существующих денежных арендных цен; 2) по размеру выручек и затрат и 3) по высоте существующих натуральных (издольных) аренд. В связи с тем, что для определения доходности всеми губернскими статистиками берется крестьянский тип хозяйства, самым целесообразным и наиболее правильным был принят второй способ — способ выручек и затрат.

Для определения доходности пахотных земель по способу выручек и затрат необходимы следующие данные: а) количество получаемых с пашни продуктов и их стоимость (размер урожая и цен на полевые продукты); б) количество затрачиваемого для получения данного урожая труда и стоимости его оплаты (урочного положения на различные полевые работы и цен на рабочие руки), а также стоимости употребленных в производстве материальных продуктов (семена, удобрения, дрова для сушки и т. д.). Первый ряд данных покажет валовой доход, а второй — издержки по производству. Разница между первыми и вторыми данными будет представлять чистый доход отдельных земледельческих культур[1].

3. Чистый доход определяется лишь при проведении оценки земель по закону 8 июня 1893 года. В середине XIX в. десятина крестьянской пашни давала чистого дохода: в Лукояновском уезде — 3 руб. 8 коп.[2] и Сергачском — 4 руб. 27 коп.[3]. При исчислении расходов оценены только стоимость пешей рабочей силы, конной тяги, навоза и топлива на сушку хлеба. Не учтенными остались ремонт и аммортизация инвентаря и построек и некоторые другие производственные расходы.

Оценочное обследование в Темниковском уезде было

---

[1] «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии». Экономическая часть, вып. XIV. Текст. Н-Новгород, 1900, стр. 20.

[2] «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии». Экономическая часть. Вып. XIV. Свод общих оснований к оценке земельных угодий... Приложения. Н. Новгород, 1899, стр. 273.

[3] Там же.

завершено в 1899 г., а в Спасском — в 1900 году. В валовой доход здесь кроме стоимости урожая зерна и соломы включена выручка от сдачи пашни под временные пастбища (35 коп. с дес.). В расход вошли: оплата труда по обработке почвы уборке урожая, вывозке его с поля на усадьбу, молотьбе, доставке в пункты сбыта, вывозке и раструске навоза, стоимость семян и навоза. Не учтены затраты на ремонт и аммортизацию инвентаря и построек, стоимость очистки зерна. Чистый доход десятины пашни определен в Темниковском уезде 6 руб. 7 коп., Спасском — 4 руб. 56 коп.[1].

В Симбирской губернии оценка земель по закону 1893 г. была проведена в 1910—1912 гг. Валовой доход определялся путем умножения урожая зерна и соломы (за исключением ржаной) на рыночную их стоимость.

В издержки производства вошли в расчет лишь стоимость вывозки и раскладки навоза (только для ржи), семян, обработки и уборки урожая, стоимость перевоза на рынки сбыта; не вошли стоимость навоза, молотьбы и очистки зерна, ремонт и аммортизация инвентаря и построек. Чистая доходность пашни под посев ржи составила 7,18 руб., овса — 2,68 руб., гречихи — 5,48 руб., проса — 9,44 руб. и пшеницы — 16,02 руб., озимой дес. — 7,18 руб., яровой — 5,32 руб., десятины пашни при трехпольном севообороте — 6,25 руб.[2].

Основным недостатком определения доходности пашни является то, что оценщики брали лишь среднюю, складывающуюся из низкой доходности мелких крестьянских хозяйств и высокой кулацкой. Такой способ искажает действительную картину. Но доходность по социальным группам крестьянства земскими статистиками по уездам Мордовии не определялась.

4. Земледельческое хозяйство состоятельного крестьянина, как изевстно, ведется как на надельной земле, так и на купчей и арендованной.

Крестьянство Мордовии имело купчих земель: в 1877 г. — 43.687 дес. (4,1% к надельной), в 1905 г. — 207.487 дес. (15,%7) и в 1912 г. — 282.489 дес. (21,7% к на-

[1] Статистические данные к оценке Тамбовской губернии. Вып. VI. Темниковский уезд. Тамбов, 1902, стр. 299—300; вып. XI. Спасский уезд. Тамбов, 1905, стр. 167.

[2] Основания и нормы для оценки земель Симбирской губернии по закону 8 июня 1893 г. 1. Пашня, сенокос, усадьба, выгон. Симбирск, 1913, стр. 52—59.

дельной). Но надельная земля за этот период сократилась на 28.491 дес. Урожайность зерновых культур увеличилась с 1883—1888 гг. по 1909—1913 гг. на 12,1 пуда (с 37,4 до 49,5 пудов), т. е. на 32,4%, почти на $^1/_3$.

Хлебные цены возросли совершенно незначительно. Но земельные цены с 1882 по 1909 гг. поднялась на 54,5 руб. (с 57,4 до 111,9 руб.), т. е. почти в два раза.

Разумеется, что покупные земли несколько подняли доходность крестьянского хозяйства, но это явление касалось главным образом кулацкой верхушки деревни, которая сосредоточила в своих руках более половины всего покупного земельного фонда крестьянства.

В пореформенной мордовской деревне значительно шире была развита земельная аренда, чем покупка земель. В начале 80-х гг. XIX в. крестьянская вненадельная аренда Мордовии составляла 211 885 дес., что составляло 16,2% надельной Из общего количества вненадельных арендных земель 179.501 дес. или 84,7% составляла пашня.

Расчет доходности десятины арендованной пашни в уездах Мордовии:

№№ п./п.	Доходы и расходы	Уезды				
		Ардатовский	Лукояновский	Сергачский	Спасский	Темниковский
		В рублях				
I.	Валовой доход	33,47	9,67	11,06	14,72	19,60
II.	Расход	36,58	10,99	12,74	14,81	18,55
	в том числе:					
	а) оплата труда	22,38	6,22	6,27	5,83	7,96
	б) арендная плата	9,36	4,40	5,95	4,65	5,02
III.	Прибыль (+) или убыток (—)	—3,11	—1,32	—1,68	—0,09	+1,05
IV.	Отношение убытка к оплате труда (%)	13,9	21,2	26,8	1,5	—
V.	Отношение арендной платы к валовому доходу (%)	41,8	45,5	53,8	31,6	25,6

Во всех уездах для большинства крестьянских арендаторов, в особенности при вынужденной, голодной аренде на один посев, аренда являлась убыточной, в ряде случаев в качестве арендной платы отдавал значительную часть своей

заработной платы. Арендная плата составляла от 25,6 до 53,8% валового дохода с десятины пашни.

А. А. Сахаров в Ардатовский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности писал, что «арендование земли представляет доходный промысел лишь в урожайные годы, когда стоят более или менее высокие цены на хлеба. Но и при таких обстоятельствах крестьянину остается обыкновенно, кроме стоимости обработки земли, лишь даровой корм для скота. При неурожаях же, когда у арендатора пропадают и труд, и семена, и арендная плата, это занятие приводит крестьянина лишь к излишней задолженности»[1]. Подобные отзывы мы имеем и по другим уездам и губерниям.

В. И. МЕЛЕШКО

Ин-т истории АН БССР

РЫНОЧНЫЕ СВЯЗИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII И В XVIII ВВ. (до воссоединения с Россией).

1. Проблема товарности сельского хозяйства Белоруссии, его связи с рынком во второй половине XVII и в XVIII вв. до сих пор остается неизученной. В русской буржуазной историографии она совершенно не освещалась. Нет специального исследования по этому вопросу и в советской исторической литературе. В то же время в общих работах, посвященных сельскому хозяйству Белоруссии, утвердилось неправильное мнение о том, что ее восточная часть, по сравнению с центральной и западной, была отсталой и незрелой в экономическом отношении. Что касается рыночных связей сельского хозяйства Восточной Белоруссии, то даже в новейшей исторической литературе отмечается, что «по степени товарности значительно отставали от центра и запада восточные вотчины».Этим обстоятельством и вызвана постановка данного доклада на предстоящем симпозиуме.

Доклад целиком построен на новых, неопубликованных материалах, выявленных в архивах и рукописных отделах

[1] Труды местных комитетов... Симбирская губерния, стр. 272—273.

библиотек Польской Народной Республики. Ценным источником для его написания явились таможенные книги городов Гродно, Вильно, Юрборга, Динабурга, Минска, Борисова, Яловска и Речицы за 1708 и 1709 гг., данные которых впервые будут введены в научный оборот. Широко также использованы книги учета доходов от торговли магнатов с Ригой, Крулевцом, Вильно и Гданьском, арендные инструкции, инструктажи и распоряжения феодалов относительно торговли речным сплавом, отчеты торговых комиссаров, книги учета доходов и расходов феодальных владений, инвентари и другие хозяйственные и финансовые книги за разные годы рассматриваемого периода.

2. Общая характеристика состояния сельского хозяйства Восточной Белоруссии после войн середины XVII и начала XVIII вв.

На востоке Белоруссии, как и в остальной ее части, имелись все типы феодальных владений: королевские экономии и староства, магнатские вотчины, владения духовенства, средней и мелкой шляхты. Основную массу сельского населения составляло оседлое чиншевое и тяглое крестьянство.

Война середины XVII в. причинила всей экономике Белоруссии огромный ущерб. В отличие от Западной Белоруссии, где в большей мере пострадали королевские экономии и староства, в восточной ее части массовому разорению подверглись все виды хозяйства. Только в трех восточных воеводствах (Витебское, Полоцкое, Мстиславское) количество дымов за время войны сократилось в среднем на 68%, а населения в среднем на 70%. Тысячи ранее обрабатываемых волок оставались пустыми.

Большие бедствия народным массам причинила также Северная война. Многие хозяйства на востоке Белоруссии особенно там, где происходили военные действия, или проходили войска подверглись ограблению и разорению. В Шкловском графстве, например, в 1709 г. осталось лишь 59,4% общего количества крестьянских хозяйств, имевшихся в нем перед войной.

3. Процесс восстановления сельского хозяйства после военных разорений происходил не за счет усиления фольварочно-барщинной системы и создания новых фольварков, как это имело место в магнатских вотчинах центра и осо-

бенно запада Белоруссии, а при сохранении, главным образом, в магнатских и королевских владениях, господствующего положения денежной ренты. В ряде вотчин магнатов, а также старостваx и экономиях даже не восстанавливались прежние фольварки, их земли раздавались крестьянам в оседлость, или в прием на облегченный чинш.

Крестьянам бравшим пустующие волоки в оседлость предоставлялись «слободы» от одного до несколько лет. Одновременно происходил довольно бурный процесс внутренней колонизации. В одном только Кричевском старостве с 1714 по 1727 гг. появилось 40 новооседлых сел и 3 местечка, с общим количеством 1205 домов. Восстановление сельского хозяйства, особенно в крупных вотчинах и королевщинах, проходил довольно успешно и в основном был завершен к середине XVIII в.

4. Отсутствие на востоке Белоруссии фольварочно-барщинной системы в ее развитой форме, господствующее положение денежной ренты способствовали развитию в этом районе товарно-денежных отношений, все большему втягиванию в рыночные связи крестьянских, магнатских и других видов хозяйств. Особенно широкие связи осуществлялись с внутренним рынком. Крестьяне на ежегодных ярмарках в городах и местечках, а также на еженедельных торгах сбывали свою продукцию (зерно, лен, пеньку, льносемя, мясо, жиры и др.), и приобретали изделия городского ремесла. В ряде, главным образом, крупных владениях крестьянам разрешалась свободная торговля сельскохозяйственной продукцией.

Значительную часть продукции сельского хозяйства на внутреннем рынке сбывали и феодалы. Предметом продажи их были зерно, пенька, лен, льно-семя, скот, а также продукция некоторых промысловых предприятий и заведений (продукция винокурен, броварен, пивоварен, руден, лесопильных и кирпичных заводов). На внутреннем рынке ,а также непосредственно у крестьян на дому феодал покупал зерно, пеньку, лен, льносемя, коноплю.

5. Внешнеторговые связи поместного хозяйства Восточной Белоруссии распространялись, главным образом, на Прибалтийские города. В Ригу, Крулевец, Вильно и Гданьск феодалы поставляли преимущественно пеньку, лен, льняное и конопляное семя, растительное масло (олей), а также про-

дукцию лесных промыслов (поташ, ордаш, шмальцугу, мачтовый лес). Наибольший удельный вес среди экспортных товаров занимали пенька и поташ. Импортный товар составляли различные вина, пряности, соль, сельди, железо, сталь, стекло, посуда,некоторые металлические изделия.

Внешняя торговля составляла весьма важную статью доходов поместного хозяйства. В Кричевском старостве, например, в 40-х годах XVIII в. она составляла 38—40% общего дохода этого владения.

6. Организация внешней торговли. Транспорт.

Как правило всеми торговыми операциями руководил сам феодал через своих торговых комиссаров, факторов и других лиц. Скупкой товаров, например, пеньки, конопли, льносемя, зерна занимались просолы и арендаторы. Продукт этот покупался у своих крестьян, местных купцов и даже за пределами Восточной Белоруссии (на «Руси»). Во многих случаях закупленная пенька, лен, льносемя представляли собой не готовый на экспорт товар, а лишь сырье, которое подвергалось переработке и затем только поступало на рынок. Что касается поташа, ордаша, шмальцуги, лесоматериалов, то этот товар являлся продуктом промыслово-предпринимательской деятельности феодала.

Транспортировка товаров на внешний рынок производилась как правило по рекам Двине, Неману, Бугу, иногда в зимнее время — на подводах. Отдельные магнаты имели свои пристани на берегах судоходных рек и склады для хранения товаров. Чаще всего отправка грузов с восточных районов Белоруссии производилась с пристаней Бешенковичи, Песочная, Делятичи и Свержень, куда он доставлялся в зимнее время на подводах, а с поступлением навигации — в Крулевец, Ригу, Вильно, или же с пристани Волчин по Бугу и Висле в Гданьск.

7. Влияние торговых связей на развитие сельского хозяйства.

Процесс все большего втягивания крестьянского и поместного хозяйства в рыночные связи на востоке Белоруссии способствовал росту производительных сил, восстановлению и развитию всего сельского хозяйства, расширению предпринимательской деятельности феодалов. Растущий спрос на зерно в городах и местечках в связи с увеличением численности городского населения, главным образом

ремесленного и торгового в XVIII в., развитие винокурения, а также экспорт пеньки, конопли, льносемя вызывали необходимость расширения посевных площадей, повышения урожайности, проведения мелиоративных работ, усовершенствования орудий труда.

Довольно успешно развивались перерабатывающие промыслы. В ряде магнатских вотчин и старостств в конце XVII и особенно в XVIII в. появились новые поташни, ордашни, предприятия по производству шмальцути, растительного масла и др. Наиболее развитое было поташное производство, где широко применялся наемный труд. Только в одном Кричевском старостве было более 400 будников, корытников и ремесленников, работавших в будах по вольному найму.

Таким образом, вторая половина XVII и XVIII вв. (до воссоединения с Россией) для Восточной Белоруссии характерны ростом товарности сельского хозяйства, усилением его рыночных связей, проходивших при отсутствии развитой в этом районе фольварочно-барщинной системы.

С. М. ТРОИЦКИЙ

Институт истории АН СССР

УСТЮЖСКИЙ ХЛЕБНЫЙ РЫНОК В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

1. Для изучения истории России в период позднего феодализма большое значение имеет исследование процесса втягивания крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения. Наиболее наглядно этот процесс проявился в увеличении торговли крестьянским хлебом. Превращение натурального крестьянского хозяйства в товарное, расширение его связей с рынком вело к углублению имущественного неравенства среди непосредственных производителей и перерастанию его в социальное расслоение. Рост связей крестьянского хозяйства с рынком приводил к тому, что часть купцов и ростовщиков начинала вкладывать средства в земледелие.

2. Для изучения процесса втягиавния крестьянского хозяйства в рыночные отношения ценные данные содержатся в таможенных книгах поморских городов первой четверти

XVIII в., особенно по Великому Устюгу. В литературе (К. В. Базилевич, А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов) отмечено, что наиболее подробные записи о торговых сделках имеются в устюжских таможенных книгах. Эти записи сообщают сведения об именах торговцев, их социальной принадлежности и районах, откуда они происходили, количестве и стоимости привезенных товаров и т. д. В таможенных книгах по Устюгу обычно подробно указывается, чей хлеб поступает на рынок. Это позволяет определить удельный вес хлеба, поступавшего на рынок от самих непосредственных производителей, а также из хозяйств разбогатевших крестьян и посадских людей, эксплуатировавших труд половников.

3. В докладе анализируются данные таможенной книги за 1722 г. (единственной книги, сохранившейся по Устюгу Великому о первой четверти XVIII в.), а также сведения, извлеченные из таможенных книг других поморских городов и из переписки местных учреждений Архангелогородской губернии с правительством. Записи книги 1722 г. являются однотипными с записями таможенных книг, использованных в монографии А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова «Рынок Устюга Великого XVII в.» (М., 1960). Это позволило провести сопоставление данных таможенной книги за 1722 г. с результатами их подсчетов и наметить основные тенденции, характеризующие развитие Устюжского хлебного рынка XVII — первой и четверти XVIII вв.».

4. В первой четверти XVIII в. Устюжский уезд, как и ранее, поставлял крупные партии хлеба на городской рынок, оттуда он шел в Архангельск, а также на винокурение. Значительное распространение хлебной торговли в городе и уезде, имевшем плодородные земли (особенно в южной его части), было обусловлено развитием производительных сил в Поморье, а также отсутствием собственного хлеба в ряде северных уездов этого края. Увеличение закупок хлеба казной для снабжения армии во время Северной войны и иностранными купцами для вывоза за границу также способствовало повышению спроса на хлеб в Устюге и росту товарности крестьянского хозяйства. По данным таможенных книг, в начале 20-х годов XVIII в., в Устюг ежегодно привозилось не менее 11—12 тыс. четвертей хлеба (около 100—110 тыс. пудов), большая часть которого (10,5 тыс. четв.) поступала из Устюжского уезда. Основную массу привозимого хлеба составляла рожь (около 80% всего хлеба). В

самом городе хлеба продавалось немного; большая часть его шла в Архангельск.

5. По сравнению со второй половиной XVII в. значительно увеличилась масса хлеба, поступавшего на рынок. Если в 1650—1680 гг. т. е. примерно за 20 лет, в Устюг привезли для продажи в городе, на винокурение и отправки в Архангельск и Холмогоры около 31 тыс. четв. ржи, овса и ячменя, то в 1722 г., т. е. за один год, было доставлено свыше 11,5 тыс. четв. хлеба. Эти данные о столь быстром росте нуждаются в дополнительной проверке.

6. Большая часть хлеба поступала на рынок от крестьян: 8954 четв. из 11 489. Остальные 2 535 четв. дали хозяйства посадских людей и монастырей и церквей (640 четв.), эксплуатировавшие труд половников. Важно отметить, что крестьяне играли крупную роль не только в производстве, но и также и в доставке хлеба на рынок. Таможенные записи зарегистрировали не только большое число крестьян привозивших «свой» хлеб и «своей половничьей пахоты», но и скупленный у крестьян. В это время усиливается процесс выделения скупщиков из числа самих крестьян, что было особенно характерно для черносошной деревни, где помещичье и монастырское землевладение играло незначительную роль.

7. Наряду со скупщиками-крестьянами, крупную роль в торговле хлебом играли посадские люди Устюга Великого. Как правило, их операции были крупнее крестьянских. Из их среды выделилась группа торговцев, которые систематически занимались скупкой хлеба. Одновременно часть этих торговцев заводила свою пашню в уезде, эксплуатируя труд половников.

8. Данные источников свидетельствуют о том, что в первой четверти XVIII в. мы имеем дальнейшее развитие и углубление процессов, отчетливо наметившихся в XVII в. (увеличение количества хлеба, поступавшего на рынки, и числа крестьян-торговцев, выделение из их среды скупщиков, имеющих своих половников; увеличение закупок хлеба не на городском рынке, а в уезде и т. п.).

Использованные материалы позволяют говорить о дальнейшем усилении процесса втягивания хозяйства черносошных крестьян в товарно-денежные отношения. В то же время господство феодально-крепостнических отношений в стране замедляло этот процесс. По сравнению с основной

массой крестьянских хозяйств число крестьян связанных с рынком было еще сравнительно небольшим.

Н. М. ШЕПУКОВА

Центральный гос. архив древних актов

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ХЛЕБНЫХ ЦЕН В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

1. Вопрос об уровне хлебных цен в Сибири в XVIII в. до сего времени недостаточно изучен. Основная причина этого — отсутствие достаточной источниковедческой базы, вследствие того, что многие ценнейшие документальные материалы по истории Сибири XVIII в. были безвозвратно утрачены.

Основным источником для настоящей работы послужили сводные ведомости о хлебных ценах Западной и Восточной Сибири второй половины XVIII в., точнее, 60—70-х годов. Указанные ведомости о хлебных ценах извлечены из документальных материалов фондов первого и пятого департаментов Правительствующего Сената, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов. Ведомости о хлебных ценах Западной Сибири были составлены помесячно. Автором проведена работа по выведению высшей и низшей цен на рожь, овес, ячмень, ржаную и пшеничную муку и др. за определенные годы.

2. На основании данных ведомостей о хлебных ценах была составлена таблица об уровне хлебных цен Сибири во второй половине XVIII века (отдельно по районам Западной и Восточной Сибири). Таблица содержит данные о ценах по различным видам зерна, а также муки и круп, сгруппированные по районам Западной и Восточной Сибири, за определенные годы.

3. Анализ данных таблицы характеризует следующее: во второй половине XVIII века основным товаром на хлебном рынке Сибири, как Западной, так и Восточной, остается, как и в предшествующее время, — рожь далее следуют овес и ячмень. Во второй половине XVIII века на рынках Западной и Восточной Сибири продавалась и пшеница, а также пшеничная мука.

Далее следует по-районный анализ уровня хлебных цен на различные хлебные продукты в районах Западной и Восточной Сибири. В работе проведено сравнение: а) уровня хлебных цен различных районов Сибири и центра Европейской России; б) уровня хлебных цен в различных районах Западной и Восточной Сибири; в) Уровня хлебных цен Западной и Восточной Сибири в XVII — начале XVIII веков и хлебных цен второй половины XVIII века.

4. Заключительный раздел работы посвящен объяснению причин отмеченных выше различий в уровне хлебных цен в отдельных районах Западной и Восточной Сибири, а также эволюции сибирских хлебных цен по сравнению с предшествующим столетием.

В. А. ЯКУБСКИЙ

Ленинградский университет

СПОРЫ ВОКРУГ СООТНОШЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО РЫНКА, В ФОЛЬВАРОЧНОЙ ПОЛЬШЕ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ.

1. Будет не слишком большим преувеличением сказать, что история польской деревни XVI—XVII вв. служит своего рода полигоном, где испытывают опытные образцы экономических моделей феодального строя. Такому положению способствовали труды многих видных историков — как тех, что не пользовались современной терминологией и слова «моделирование» не употребляли, так и сторонников возглавляемой В. Кулей современной школы, которая целенаправленно прилагает отточенный в других отраслях науки метод моделирования к изучению аграрного строя барщинно-крепостнической Речи Посполитой. Уже накопилась значительная литература, к которой привлек внимание на московском симпозиуме 1965 г. В. В. Дорошенко. В предлагаемом сообщении рассматривается состояние частного вопроса, возникающего при построении модели польского аграрного строя XVI—XVII вв. — вопроса о том, каково было в период генезиса и расцвета барщинной системы соотношение между внутренним и внешним рынком, а также каким

хлебом — произведенным в крестьянском хозяйстве или в фольварке — удовлетворялся внутренний спрос.

2. Спор о том, имел ли решающее значение для становления фольварка растущий спрос со стороны польских городов, переживавших в эпоху Возрождения подъем, или главным была конъюнктура в странах Западной Европы, идет, как известно, давно. В нем участвовали десятки ученых (в Польше — Я. Рутковский, С. Кутшеба, М. Маловист, Б. Зентара, у нас — Б. Д. Греков, С. Д. Сказкин, Д. Л. Похилевич, Ф. Я. Полянский и мн. др.). Если рассматривать эту — то разгорающуюся, то притухающую — дискуссию хронологически, видно, что обе основные концепции попеременно добивались преобладания. В последнее время мнение о первенствующей роли внутреннего рынка вновь получает перевес.

3. Гипотетичность решений не раз вызывала предложения подождать с выводами, пока не накопится необходимый для окончательного ответа материал. Но нет никакой уверенности в том, что сведения о хлебной торговле Польши XVI—XVII вв. заметно пополнятся, и незачем в ожидании чуда отказываться от такого инструмента исследования как моделирование. Появившиеся варианты числовых моделей заслуживают самого пристального внимания.

4. А. Вычаньским, в частности, составлен расчет, который должен показать структуру потребления основной зерновой культуры — ржи — в конце XVI в. В него заложены данные о населении страны, ареале, урожайности и норме потребления. В итоге получилось, что из остающихся ежегодно на потребление и продажу 600 тыс. тонн 69% потребляла деревня, 19% — польский город, а остаток — 12% — шел на экспорт. Этот расчет, по мысли автора, подтверждает преобладание внутреннего рынка. Но А. Вычаньский не определил размеры и направление наиболее вероятных погрешностей в этих, вполне понятно — ориентировочных подсчетах, а исходная информация здесь настолько неточна (даже в том, что касается величин более постоянных — население, площадь посевов), что схема не может выступать в качестве аргумента в дискуссии.

5. В приведенной модели, кроме того, не разграничены барская и крестьянская запашка; городское население не подразделено на покупателей сельскохозяйственных продуктов и на тех, кто, не порывая с земледелием, совсем не

покупал или мало покупал зерна. После внесения таких дополнений схема не говорит в пользу гипотезы о работе фольварка преимущественно на внутренний рынок.

6. Если товарность фольварка в принципе не вызывает сомнений, то насчет связи крестьянского двора с рынком в период господства барщинно-крестьянской системы в литературе существуют большие разногласия. Модель В. Кули (уже подвергнутая разбору в работах А. Мончака, В. В. Дорошенко и др.) не оставляет места для торговли крепостной деревни хлебом. В то же время, так сказать «вне модели», В. Куля полагает, что крестьянин продавал около 10% своего урожая. Противоречие вызвано тем, что модель берет явления и процессы в их пределе, жертвуя конкретным разнообразием форм и поэтому утрачивая динамизм. Выход, повидимому, может быть найден в конструировании многоукладной модели, где вместо простого соотношения «крестьянское хозяйство — фольварк» будут фигурировать соотношения разных типов крестьянских хозяйств с разными типами фольварков.

7. Представляется, что, говоря о хлебной торговле XVI—XVII вв., надо вернуться к обсуждению тезиса В. Кули о неприменимости понятия рентабельности к докапиталистическому хозяйству. При полном отказе крестьянину и помещику в какой-либо свободе выбора экономический процесс приобретает целиком детерминированный характер. Так ли было на самом деле, особенно — в период становления фольварочной системы? Модель экономики переходного от оброка к фольварку этапа не может быть построена без допущения существования выбора: чинш или барщина, продажа хлеба на месте или экспорт. Весь фактический материал тоже говорит о том, что в определенных пределах помещик мог выбирать.

Ю. В. МЕРКИС

Институт истории АН Лит. ССР

ЭКСПОРТ ЛИТОВСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В 1861—1913 ГГ.

1. Объект исследования — экспорт ржи, пшеницы, гороха, ячменя, овса, льна и льняного семени, рогатого скота, свиней, лошадей, птицы и сливочного масла. Основная цель

исследования — установить общую динамику экспорта, экспортную долю в валовом сборе зерна и льна, изменение основных статей экспортных товаров и главные направления этого экспорта, взаимодействие экспорта и капиталистической специализации, влияние экспорта на рост товарности сельского хозяйства Литвы.

Основным историческим материалом послужили: «всеподданнейшие» отчеты и обзоры соответствующих губерний, данные таможень, статистические сведения о грузообороте железнодорожных станций, описания уездов, городов и местечек, составленные К. Гуковским и др., исчисления Виленского статистического комитета о экспортной доле зерна.

2. Экспорт озимых и яровых хлебов в Литве за пореформенные годы возрастал до середины 80-х годов, по Ковенской и Сувалкской губерниям за некоторые годы увеличился до двух-трех раз, по Виленской — в полтора раза. За последующие годы, в связи с аграрным кризисом, масса экспортного зерна сокращалась, за некоторые годы — вплоть до уровня начала 60-х годов. Количество экспортного льна и льняного семени возрастало до начала 90-х годов (с середины 60-х годов ориентировочно на одну треть), а в дальнейшем сократилось (льна более двух раз); причем стоимость экспортного льна и семени также упала.

3. Процент экспортного зерна и льна в валовом сборе, насколько можно судить по фрагментным и косвенным данным, в первый период (до 80-х годов) медленно возрастал (особенно крестьянского хозяйства), но уже во второй половине 80-х годов и в последующих годах стал сокращаться. В начале второго периода на экспорт из Виленской губернии шло не свыше 7—13%, а в конце 90-х годов из Ковенской губернии — не свыше 7—8% разных зерновых культур. Льняного семени и льна в 80—90-х и 1913 годах на экспорт шло 50—60% валового сбора.

4. Экспорт рогатого скота, лошадей и свиней медленно возрастал до начала 90-х годов. В 90-х годах и в начале XX в. сильно возрос экспорт птицы (гусей и др.); из Ковенской губ. ежегодно вывозилось 400 тыс. пудов и более. Появилась новая возрастающая экспортная статья — сыр и сливочное масло (из Ковенской губ. масла вывозилось в конце XIX в. до 30 тыс., а в 1913 г. — 61 тыс. пудов ежегодно).

5. Основные направления литовской экспортной сель-

скохозяйственной продукции являлись традиционные: Пруссия и Великобритания. Из-за таможенной войны Пруссии с Россией в 80-х — начале 90-х годов (до 1894) для литовского зерна рынок Пруссии стал трудно доступным. В связи с карантинными мерами в Пруссии, в 90-х годах и в начале XX в. экспорт рогатого скота и свиней из Литвы в эту страну не был значительным.

Некоторое относительное сокращение экспорта зерновых культур из Литвы во втором периоде тесно связано с расширением внутреннего рынка, с конкуренцией зерновых районов русских и украинских губерний, с крайне обременительными железнодорожными тарифами для перевозок грузов на малых расстояниях (до 200 верст).

6. Распределение экспортной массы по районам показывало специализацию сельского хозяйства Литвы. Зерновые культуры и рогатый скот шли на экспорт из всей Литвы, но они являлись главными экспортными статьями для Виленской губернии. Лен и льняное семя, сыр и масло вывозилось в основном из Ковенской и Сувалкской губернии (лен и льняное семя — главные статьи экспорта). Птица на экспорт преимущественно шла из северо-восточных уездов Ковенской губернии.

7. Крестьянское и помещичье хозяйство в производстве сельскохозяйственной продукции на экспорт участвовали не в одинаковой мере. Подавляющее большинство льна и льняного семени, а также птица за границу шла из крестьянского хозяйства, а продукция скотоводства, особенно сыр и масло, — из помещичьего хозяйства.

Экспорт производился только местными и иностранными купцами, которые товарное зерно, лен, скот приобретали в самих хозяйствах и на местных рынках, базарах.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ЧЕТВЕРТОЙ СЕКЦИИ

«ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ХОЗЯЙСТВОМ В ФЕОДАЛЬНУЮ И В КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»

М. Я. ЛОЙБЕРГ

Киевский институт
народного хозяйства

В. Э. ШЛЯПЕНТОХ

Новосибирский государственный
университет

ОБЩИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

1. При исследовании общих факторов непосредственного перехода большинства народов от первобытнообщинной к феодальной системе хозяйства, следует прежде всего учитывать, что при формировании феодальной экономики вначале была создана социальная структура, при которой известный период времени уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве (главной отрасли эпохи) не только не превышал, но и был ниже соответствующего уровня рабовладельческой экономики, которая однако оказалась в то время не оптимальной. Исходя из этого, общие факторы неоптимальности рабовладельческой (оптимальности феодальной) экономики для большинства народов Европы неверно будет искать в таких сферах как природно-географическая, этническая и даже аграрная. Феодализм (несмотря на специфику его в отдельных странах) являлся универсальной системой в Евразии с ее разнообразием типов природно-географической среды и этнической общности. Что же касается аграрной, производственной, сферы, то здесь в период формирования новой системы нельзя заметить решающих изменений. Технические достижения античности стали экономически эффективными только на более поздних этапах развития феодальной системы; в эпоху складывания феодализма они применялись спорадически (кроме того, прогресс в сельскохозяйственном производстве вовсе не был прямо пропорционален феодализации; например, полабо-прибалтийские славяне по темпам феодализации отставали от своих соседей, не уступая и даже превосходя их по уровню агрикультуры). Факторы географической, этнической и аграрной сфер могли играть лишь роль ограничителей частного характера в процессе феодализации данного общества.

2. В создании феодальной общественной структуры значительную роль сыграли факторы непроизводственного ха-

рактера, в частности, военный, идеологический и др. Так, у всех (по крайней мере оседлых) народов сложению феодальной системы хронологически предшествовали два явления — создание немассовой армии (как правило, тяжеловооруженной кавалерии) и принятие монотеизма (хотя бы высшим слоем общества). В ряде случаев (франки, англосаксы и др.) были проведены специальные военно-аграрные преобразования, продвинувшие вперед образование феодального землевладения (Ф. Энгельс, «Франкский период»). В других случаях источники не оставили следов таких разовых мероприятий, однако и там существовала теснейшая связь между военными и социально-экономическими изменениями (пожалования, оседание дружины на землю).

3. Исключительно активная роль военного фактора в докапиталистическую эпоху объясняется главным образом тем, что военная организация являлась механизмом внеэкономического принуждения, т. е. обеспечивала функционирование докапиталистической экономики (при рабовладении — поставку на рынок новых масс рабов, т. е. воспроизводственный процесс; при феодализме — прибавочный труд крестьян). Поэтому в докапиталистическую эпоху военное производство развивалось опережающими темпами, превосходя средний технический уровень производства. (Это подробно отмечал К. Маркс). Однако в конечном счете роль военной сферы определялась такими экономическими факторами как низкие темпы развития производительных сил при длительном сохранении традиционных методов производства и очень мало изменяющемся ассортименте материальных благ (это повышало роль обогащения знати за счет внешних источников).

4. Следовательно, исследование материальных условий перехода от первобытнообщинного строя к тому или иному типу докапиталистической экономики должно обязательно включать материальнотехническую базу военной организации, ибо от уровня ее развития непосредственно зависит тип военного аппарата. Можно предполагать, что прогресс военного производства в античности сделал возможным (с технической стороны) феодальный тип военной организации, т. е. аппарата насилия. Если производство однообразного пехотного вооружения могло послужить основой только для массовой армии — античной ополченческой фаланги, то достигнутое античностью производство тяжелого кавалерийского вооружения (прежде всего, металлического покрытия

корпуса бойца) позволяло создать немассовую конную армию, возникновение которой, как мы знаем, повсюду предшествовало интенсивной феодализации. Не случайно эта техническая база была единственной, сразу перенятой новым обществом у античности. Следовательно, техническую базу тяжеловооруженной кавалерии можно считать наиболее общим материальным фактором оптимальности феодальной системы. Становятся понятными различные пути социально-экономического развития народов, имевших по сути идентичную структуру (с одной стороны, греки и римляне эпохи образования государств, с другой стороны — тацитовы германцы; это отмечал Ф. Энгельс); универсальность феодализма в самых различных по природным условиям и типам общины странах и т. д.

В пользу этого вывода говорит и острая дефицитность кавалерийского вооружения в раннесредневековой Европе; его производство удовлетворяло лишь ничтожное меньшинство и должно было оплачиваться трудом абсолютного большинства общества (а для формирования рабовладельческой системы требуется участие в вооруженных силах всех свободных людей). Эффективность источников создания материально-технической базы рыцарской кавалерии (трофеи, импорт, имитация и собственные конструкции, интенсивность собственной металлообработки и т. д.) и определяла в весьма значительной степени темпы развития феодальной системы в той или иной стране. В качестве других ограничителей можно назвать демографический (количество населения), территориальный, внешнеполитический (активность или, наоборот, длительная оборона) и т. д.

5. Применение указанных общих факторов помогает, как нам кажется, уяснить не только общий механизм непосредственного перехода народов Восточной Европы от первобытнообщинной к феодальной системе хозяйства, но и особенности генезиса феодализма в ряде стран (например, у полабо — прибалтийских славян, не создавших армию на новых основах, так и не сложилась феодальная система, невзирая на относительно высокий уровень агрикультуры). Приобретает материальное содержание такая категория как связи восточноевропейских народов с античной системой, становится понятным роль географического положения отдельных народов по отношению к Римской империи, а впоследствии к Византии и Франкскому государству как поставщикам качественного, достаточно стандартизированного стального

вооружения (вне этого тезис об античных ускоряющих влияниях на процесс феодализации неконкретен).

Это, естественно, требует специальных исследований, в первую очередь уровня развития металлургии и металлообработки в той или иной стране в сочетании с другими указанными выше факторами.

М. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

Великолукский пединститут

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ДЕРЖАНИЯ В ДАЛМАТИНСКОЙ ХОРВАТИИ В XI—XVI ВВ.

1. Материал по истории далматинской деревни интересен для исследователя уже потому, что он восходит к XI в. Таким образом, открывается возможность исследовать развитие поземельных отношений в этом краю уже со времени раннего средневековья и вплоть до XVI в., когда повсюду в Европе совершается ломка прежних аграрных укладов. Правда, материал XI в. не столь уж обширен, но зато он послужил объектом особенно пристального изучения (Ф. Рачки, В. Новак, Е. А. Ефремов, Ю. В. Бромлей). Сравнение данных XI и XIII—XIV вв. должно выявить специфику развития деревни в этом районе, где ведущим экономическим влиянием было влияние города с его развитым товарно-денежным хозяйством.

2. Трудности такого сравнительного анализа очевидны. Основной из них является разнохарактерность, почти несопоставимость источников. Действительно, самые ранние из них — это монастырские картулярии, где собраны грамоты, фиксирующие приобретение собственности (недвижимости и рабов), но не предусматривающие использование этой собственности в системе держательских отношений. Таким образом, самая эта система в памятниках XI в. оказывается скрытой от нас, ее единственными носителями являются «servi», известная часть которых относится не к крестьянам, а к рабам. А между тем источники XIII—XIV вв. (в основной массе это — нотариальные акты) в качестве основной фигуры в деревне называют арендатора-колона, того самого

колона, который никак не представлен в памятниках раннего далматинского средневековья. Налицо, таким образом, разрыв, преодолеть или истолковать который предстоит исследователю.

3. Источники не только разнохарактерны, но и локально разнородны, и это обстоятельство при всей узости далматинской территории, играет немаловажную роль. Дело в том, что Далмация и в частности Далматинская Хорватия является областью большой протяженности, разных исторических судеб и — главное — разной степени воздействия со стороны города. И, тем не менее, как ни различны наши источники, они характеризуют преимущественно два типа далматинских местностей: 1) город с его ближайшими окрестностями (Задар, Сплит) и 2) сравнительно далекую от города сельскую периферию (Полица, районы Биограда Приморского, Нина, Новиграда и Враны). Поэтому сопоставление данных, почерпнутых из этих памятников, является на наш взгляд, вполне оправданным.

4. Состояние поземельных отношений в XI—XII вв. представляется в следующем виде. — В деревне сохраняются массы свободного крестьянства, об этом свидетельствуют многочисленные факты продажи своей земли аллодистами крестьянского типа и существование сплоченной, способной к отпору сельской общины (восстание полицких крестьян против сплитского архиепископа в 1180 г.; борьба крестьян с. Острог со сплитской коммуной в середине XIII в.). Что же касается зависимого крестьянства, то часть вотчинных земель обрабатывается сервами, в домениальном хозяйстве встречаются и холопы-челядинцы — существование этих двух типов признано в литературе. Однако параллельно с этими двумя категориями можно встретить и другие социальные фигуры, о которых следует сказать несколько подробнее.

Так, в конце XI в. аббатство св. Кршевана оставляет за неким Маем присвоенную им монастырскую землю с условием, что его наследники будут вносить монахам четвертую часть урожая, по свидетельству жития с. Иоанна Трогирского местный обычай требует чтобы урожай делился пополам между землевладельцем и крестьянином. В XII в. свидетельства о держании из доли урожая (agraticum, terraticum) становятся еще более многочисленными и выразительными. Юрий Андрич, отказываясь в

пользу дубровницкого монастыря св. Мартина от несправедливо захваченной земли, сообщает об этом своим держателям (tenentibus), некий Вучина с сестрой долго держал земли сплитского монастыря св. Бенедикта, не платя чинша (sine agratico teneant) задарский монастырь св. Марии свои земли «всегда ... передавал другим в обработку». Таким образом, издольщина отнюдь не является формой аренды, возникающей только под воздействием развитых товарно-денежных отношений: уже на ранней стадии развития феодализма в далматинской деревне, в XI—XII вв. мы встречаем фигуру наследственного арендатора-издольщика.

4. С первой половины XIII в. засвидетельствовано широкое распространение аренды; к середине XIII в. относится возникновение устойчивой формулы арендного договора, характеризующегося следующими признаками: возделывание винограда и оливок; обработка небольшого участка размером в 1,5—3 или 2—4 гоняя земли (соответственно 0,36—0,72 или 0,47—0,96 га), т. е. носящего характер подспорья в дополнение к основному хозяйству крестьянина; наследственный характер держания; значительные имущественные права на выращенный виноградник (право отчуждения); отсутствие каких-либо повинностей кроме доли урожая.

5. Наряду с этой формой держания в Далмации существует и вторая — виллянство («кметство»), когда зависимый крестьянин (villanus, iobagionus) держит от земельного собственника надел размером в 30—32 гоняя (7—7,5 га) пахотной земли, живя в доме, принадлежащем земельному собственнику, и будучи обязанным помимо доли урожая еще и натуральным оброком. Существуют и другие типы зависимого крестьянства: сервы, «bubulci», пашущие с помощью чужого скота, но основными формами крестьянской зависимости являются именно аренда и кметство.

6. Нелегко обнаружить изменения в характере этих держаний: традиционные нормы римского права, в которые облекаются поземельные отношения в окрестностях города, затрудняют работу подобного рода. Помимо этого есть основания полагать, что неизменностью отличается и самая сущность держаний. Вот характерный пример. В 1042 г. хорватский бан Степан подарил задарскому аббатству св. Кршевана в числе прочих владений деревню «Батина весь» с 8-ю семействами живущих там servi, которые по единодуш-

ному мнению исследователей являются зависимыми крестьянами, сервами[1]. Прошло 400 с лишним лет и в 1475 г. некий Новак Тешивич из той же деревни («Buctina vassa») отпустил двух своих servi — Веселу с сыном на свободу за выкуп в 24 лиры[2]. Отпущенные, разумеется являются никем иными как сервами, но характерно, что их имущество именуется «пекулием, выделенным им за счет господина» (totum peculium a ratione domini separatum) и что отпуск на свободу происходит в полном соответствии с нормами римского права (secundum usum et consuetudinem civitatis romane). Таким образом, специфическая, заимствованная от античности форма, в которую некогда отлилась возникающая феодальная зависимость,[3] осталась неизменной на протяжении нескольких столетий.

7. И тем не менее можно обнаружить изменения, происходящие в характере кметства и аренды. На протяжении XIII—XIV вв. эти изменения сводятся к взаимопроникновению обеих форм. Так, в системе кметских держаний прочное место занимает издольщина, т. е. форма ренты свойственная аренде, а повинности арендатора пополняются за счет натуралий. В последующие столетия — XV и XVI оба типа земельного держаний начинают все дальше отходить друг от друга, развиваясь каждый своим собственным путем. Аренда подвергается интенсивному воздействию денежных отношений, это выражается в коммутации арендных платежей и увеличении роли наемного труда (даже «згон»-обработка барской запашки начинает выполняться за счет труда поденщиков). Кметы же обязываются барщиной, постепенно утрачивают личную свободу, подпадают под действие сеньериальной юстиции и, хотя не лишаются свободы перехода, но оказываются вынужденными при уходе отдавать землевладельцу не только усадьбу, но и часть имущества. Этот процесс находит свое выражение в противоположных концах далматинского побережья — в

[3]) Documenta historiae croticae periodum antiquum illustrantia, ed. F. Rački. Zagreb, 1877, 37, p. 46; Е. А. Ефремов. Формирование феодальной собственности на землю в Далматинской Хорватии. УЗ Ин-та славяноведения, т. XX (1960), стр. 183; Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. М., 1964, стр. 361.

[2]) A. Teja. Aspetti della vita economica di Zara dal 1289 al 1409. Parte II. La schiavitu domestica ed il trafico degli schiavi. «Rivista Dalmatica», anno XXII, fasc. I. Zara, 1941, pp. 57—58.

[3] М. М. Фрейденберг. О многозначности понятия «Servus» в Далматинской Хорватии X—XI вв. «УЗ Великолукского пед. ин-та», вып. 20, Великие Луки, 1962, стр. 102—103.

Полице и окрестностях Новиграда, доказывая тем самым, что он является общим для всей Далмации и свидетельствуя о том, как вовлекается Далмация в поток восточно-европейского аграрного развития.

Д. М. ДРАГНЕВ, П. В. СОВЕТОВ

Институт истории АН МССР

ЭВОЛЮЦИЯ ВОТЧИННОЙ СТРУКТУРЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В МОЛДАВИИ XV—XVIII ВВ.

(Опыт восстановления вотчинной структуры землевладения в условиях отсутствия поземельных переписей).

Эволюция феодального землевладения в Европе представлялась долгое время в историографии в виде непрерывного и все усиливающегося процесса концентрации поземельной собственности. Это было основное (а иногда и единственное направление), о котором шла речь, как в обобщающих, так и специальных работах.

В последнее время эта, некогда господствовавшая в нашей и значительной части зарубежной литературе концепция пересматривается применительно к отдельным районам средневековой Европы (Англия, Франция, Южная Италия, Норвегия и т. д.). В этих, как и в некоторых других районах Европы, после достижения определенного уровня концентрации феодального землевладения, встречаемся с выдвижением на первый план процессов «распыления», «дезинтеграции», «дробления или раздробления», «распада или разложения старовотчинной структуры», «разрушения боярских вотчин», «разрушения крупных вотчин» (выражения различных авторов: М. Барга, М. Абрамсона, А. Гуревича, Е. Гутновой, А. Неусыхина, Е. Косминского, С. Веселовского, Л. Черепнина, П. Смирнова и др.).

В изучении рассматриваемых вопросов больше сделано пока для Западной Европы. Поднятый С. Веселовским разговор о проявлении указанных процессов на Руси так фактически и не завершился (критика пошла не столько по пути полного отрицания этих процессов, сколько оспаривания причин их появления). Слабо рассмотрен этот вопрос

и применительно к другим районам Восточной Европы. Между тем, рассмотрение этой проблемы применительно ко всей Европе (на чем в последние годы так настаивает М. Барг) и решение ее в положительном или отрицательном смысле, требует подробного изучения эволюции вотчинной структуры феодального землевладения.

Сложившееся состояние изученности этой проблемы в первую очередь связано с отсутствием необходимой источниковедческой базы. В некоторых интересующих нас странах Восточной и Юго-Восточной Европы до позднего времени отсутствуют подробные поземельные переписи, проведенные в масштабах всего государства. В результате этого исследования здесь строятся преимущественно, на так называемом, «монографическом методе» или «методе индивидуальных экономических биографий». Безусловно, результаты подобного метода не могут быть достаточным основанием для пересмотра господствовавших ранее концепций эволюции вотчинной структуры феодального землевладения. В лучшем случае на основании такого метода можно говорить (и то иллюстративно) о двух тенденциях в эволюции вотчинной структуры без выведения их равнодействующей.

Такое положение было особенно характерным для Молдавии и соседней Валахии (где поземельные переписи сохранились только для второй половины XVIII в.). Применение «монографического метода» привело к установлению в качестве господствующего (в современной советской и румынской литературе) взгляда о том, что в Молдавии и Валахии шел систематический рост крупного феодального землевладения за счет «бесконечно» таящих остатков свободного крестьянского (ассоциируемого полностью с резешским) землевладения с раннефеодальных времен вплоть до XVI—XVIII в.

Предпринятая нами на Минском симпозиуме в 1962 г. попытка «монографическим методом» пересмотреть эту концепцию дала весьма скромные результаты и позволила скорее всего говорить о двух тенденциях, нежели об их равнодействующей.

Дальнейшее, более глубокое исследование упиралось в отсутствие поземельных переписей, дающих возможность применить «статистический метод», приведший к столь блестящим результатам для изучения эволюции вотчинной структуры при сравнении английских переписей XI—XIII вв. (Вопросы истории, 1963, № 11).

Эволюция вотчинной структуры землевладения в Молдавии 1392—1611 гг.

№№ пп	Размер землевладения (по отдельным категориям)	Количество землевладельцев данной категории за годы					Общее количество сел данной категории за годы			
		1392—1470	1471—1525	1392—1525	1571—1611		1392—1470	1471—1525	1392—1525	1571—1611
					С учетом концентрации вотчин II генерации	Без учета концентрации вотчин II генерации				
	I. Светское землевладение.									
1.	От 10 сел и более	8	—	7	5	—	$132^{5}/_{6}$	—	$117^{1}/_{2}$	$94^{1}/_{7}$
2.	От 5 сел до 10 сел	28	8	27	9	—	$196^{1}/_{6}$	$47^{1}/_{2}$	$177^{3}/_{4}$	$56^{1}/_{2}$
3.	От 3 сел до 5 сел	44	20	47	8	1	$146^{1}/_{12}$	$70^{5}/_{9}$	159	$28^{1}/_{2}$
4.	Свыше 1 села до 3 сел	48	28	71	45	—	$94^{2}/_{3}$	55	$138^{5}/_{2}$	$87^{2}/_{7}$
5.	1 село	112	114	199	78	—	112	114	199	78

6.	Менее 1 села до $^1/_2$ села	3	43	49	94		2	$17^1/_4$	$29^3/_4$	$58^5/_6$
7.	$\approx ^1/_2$ села	46	121	165	74		$22^1/_2$	$60^1/_2$	$82^1/_2$	37
8.	$\approx ^1/_3$ села	44	71	116	82	1137	$17^1/_{15}$	$23^2/_3$	39	$27^1/_3$
9.	$\approx ^1/_4$ села	10	141	159	90		$2^1/_2$	$33^1/_4$	$39^3/_4$	$22^1/_4$
10.	Менее $^1/_4$ села до $^1/_{10}$ села	12	217	209	317		$2^1/_3$	$33^1/_3$	$34^1/_2$	$42^7/_8$
11.	Менее $^1/_{10}$ села до $^1/_{20}$ села	—	85	86	738	3012	—	6	$6^1/_2$	$47^2/_3$
12.	Менее $^1/_{20}$ села	—	51	52	344		—	$17/_{12}$	2	$12^1/_{18}$
	Итого:	355	899	1187	1884	4914	$728^1/_7$	$462^2/_3$	$1025^2/_3$	$592^1/_2$

II. Церковно-монастырское землевладение:

	11	—	14	32	—	$83^1/_2$	—	$181^1/_8$	$180^1/_2$
Итого:	366	—	1201	1916	—	$811^9/_{14}$	—	$1206^{19}/_4$	773*

* Изучено не 773 села, а 1225 сел. В итог не вошли части тех сел, владельцы которых в документах не упомянуты.

Подобное состояние источниковедческой базы, (которая встречается, как в Молдавии, так и в других странах Восточной Европы) ставит вопрос о восстановлении вотчинной структуры на основе статистического обобщения всех известных исторической науке поземельных документов, если, конечно, в своей совокупности они охватывают большую часть земельного фонда. Такое обобщение может создать, если можно так выразится, «искусственную поземельную перепись». Конечно ее данные будут далеки от той более значительной точности, которую дает подлинная перепись того времени. Зато она является не только единственной возможностью приблизиться к более точному исследованию (устраняющему субъективные построения и многие элементы случайности), но и сочетать достоинства статистического метода с колоритностью монографического. В таком случае легче будет установить не только общее направление процессов, но и конкретные их воплощения в каждом отдельном случае. Это соединение частного и общего обеих методов позволяет более всесторонне изучить эволюцию вотчинной структуры.

Опыт такой статистической обработки поземельных документов был нами проделан над молдавскими источниками конца XIV—XVII вв. (их несколько тысяч) с тем, чтобы сравнить эти данные с поземельными переписями XVIII в. Составленные нами таблицы (см. стр. 154, 155)[1] охватывают большую часть частновладельческого домена. Они позволяют сделать совершенно новые выводы об эволюции вотчинной структуры:

1) С конца XV и до начала XVII вв. в Молдавии более значительной была тенденция дробления (а не роста, как до сих пор предполагалось) крупного и среднего феодального землевладения. Шел «процесс рассредоточения уменьшившихся по размеру вотчин по рукам все возрастающего с течением времени числа вотчинников» (т. е. тот же процесс, который обнаруживает М. Барг и другие современные историки в разных районах Европы).

2) Мелкое землевладение XVI—XVIII вв. (как вотчинное, так и крестьянское) в своей значительной части выступает как новообразование, являющееся результатом дейст-

[1] К тезисам прилагается только одна таблица, охватывающая период с конца XIV по нач. XVII вв. В докладе будут демонстрироваться остальные таблицы в сопоставлении с переписями XVIII в.

вия тенденции дробления крупного и среднего землевладения, а не как сохранившийся остаток с раннефеодальных времен (как до сих пор предполагали). Иными словами значительный удельный вес мелкого землевладения в XVI—XVIII вв. не есть, в большинстве случаев, следствие слабой феодализации, а является результатом развития феодальных отношений, приведших к перераспределению феодального землевладения. Лишь в отдельных, преимущественно окраинных районах (Вранча, Кымпулунг и др.) сохранились более или менее компактные массы свободного крестьянства с раннефеодальных времен. В большинстве же районов Молдавии подобные случаи были редким исключением.

3) Противоположная тенденция — рост крупного и среднего землевладения, приводила к созданию комплекса крупных и средних вотчин «второй», а позже в XVIII в. даже «третей генерации». Крупное землевладение XVII—XVIII вв. не есть попросту явление сохранившееся с XV—XVI вв. Крупная и средняя вотчина второй и третей генерации в большинстве случаев — это результат поглощения мелкой вотчины и мелкого крестьянского землевладения, появившихся вследствии разрушения старовотчинной структуры «первой генерации». Крупная вотчина XVII—XVIII вв. появилась в результате поглощения новообразований XVI—XVIII вв., а не захвата остатков мелкого крестьянского землевладения, сохранившегося с раннефеодальных времен (как до сих пор считали в современной историографии).

Я. Д. ИСАЕВИЧ

Институт общественных наук
АН УССР, Львов

СЕЛЬСКИЕ АКТОВЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ УКРАИНЫ XV—XVIII ВВ.

1. Почти все источники по истории аграрных отношений на Украине в XV—XVIII вв. созданы представителями господарствующих классов, или лицами состоявшими у них на службе. Также жалобы крестьян и записи их устных заявлений сохранились, как правило, в составе фондов отдельных феодалов, или учреждений феодального государства. Исключением в этом отношении являются акты орга-

нов общинного («громадского») управления украинских сел, в частности сельские актовые книги. Несмотря на наличие контроля со стороны феодальной администрации, эти книги велись, как правило, самими крестьянами. Благодаря этому книги часто фиксировали внутреннюю жизнь сельских общин с такими подробностями, которые не попадали в поле зрения посторонних наблюдателей.

2. В большинстве сел Правобережной (а позже и Левобережной) Украины юридические акты, составляемые представителями сельской администрации, записывались на отдельных листах бумаги. Только из территории Прикарпатья сохранились специальные книги «записей и декретов». Назывались они по разному («громадские», «войтовские», «судебные», «правные»), однако в большинстве случаев содержание книг сходно. По указанию сельского старосты (войта, солтыса, тиуна, «князя») и присяжных (лавников) писарь вносил в одну общую актовую книгу записи административного и судебного характера. Лишь изредка велись особые книги для гражданских и уголовных дел. В XV — первой половине XVI в. господствовал латинский язык, позже его заменили украинский и польский.

3. В исторической литературе распространено ошибочное мнение, якобы актовые книги велись только в селах «немецкого» права. Сохранились, однако, книги актов из сел украинского («русского») и «волшского» права. В с. Торки вплоть до начала XVII в. записи в книге осуществляли тиун, судья и присяжные. Также и в актовых книгах других сел можно проследить реликты юридических институтов, восходящих к древнерусскому праву, которое в Галичине было господствующим до 1435 г. Наиболее интересны в этом отношении написанные на украинском языке акты с. Одреховы за 1549—1648 гг. Форма и содержание записей в сельских актовых книгах, особенно ранних, ярко свидетельствуют о большом влиянии средневекового городского права на юридическую деятельность сельских административных органов. Вместе с тем вполне естественно, что в правовой жизни сел украинское обычное право играло большую роль, чем в городах.

4. Наиболее частыми в сельских актовых книгах являются записи о обороте недвижимым имуществом, в первую очередь земельными участками. Здесь имеются заверенные «сельскими урядами» договоры купли-продажи и отдачи

в залог, завещания, акты о разделе имущества и различные другие имущественные сделки. Известны случаи внесения в сельские книги договоров о «покупке» и «продаже» земли, заключенных между шляхтичами и их крепостными. В записях о покупке и продаже крестьянами своих наделов нередко отмечалось наличие разрешения от феодального собственника села, или его представителя. Однако из сельских актовых книг видно, что очень часто помещики предпочитали не вмешиваться в имущественные сделки между крестьянами. Они были вынуждены считаться с установившимися правовыми обычаями, в частности с так называемым «правом близкости» (т. е. предпочтительным правом родственников продающего на покупку по цене не ниже той, которую предлагали другие покупатели). Наличие актовых книг, куда вносились юридически заверенные акты отчуждения имущества, содействовало укреплению позиций крестьян в борьбе против произвола феодалов.

5. Записи о продаже земельных участков отражают процесс быстрого дробления наделов в XVII—XVIII вв. Обычным явлением становятся продажи «четверти восьмой части» и еще меньших частей надела. Некоторые наиболее хорошо сохранившиеся актовые книги дают возможность статистической обработки сведений о обеспеченности землей различных прослоек крестьян. При этом иногда удается внести существенные коррективы в картину распределения наделов, зафиксированную в инвентарях. Некоторые из книг дают конкретные материалы о различных путях хозяйственного освоения тех земель, которые в других источниках именуются пустошами.

6. Записанные в актовых книгах завещания, акты о разделе имущества между наследниками и об установлении опеки над несовершеннолетними нередко содержат перечни движимого имущества отдельных дворов, что имеет ценность и для исследования уровня материальной культуры и для более конкретного определения степени имущественного расслоения крестьянских хозяйств.

7. В уголовных делах, разбиравшихся сельскими судами, наиболее типичными обвинениями являлись «оскорбление чести», воровство, «безнравственное поведение», колдовство. Во многих случаях сельский суд был вынужден функционировать в качестве исполнительного органа феодалов, наказывая за неповиновение пану, отказ выполнять бар-

щину и т. п. Однако было бы ошибочным считать громадские «войтовско-лавничьи» суды чисто патримониальными. Зачастую помещичьи распоряжения были бессильны сломить установившиеся нормы обычного права. Если громада солидарно и последовательно выступала на защиту сословных интересов крестьян, помещик чаще всего вынужден был с этим считаться. В таких случаях также войт и лавники обычно действовали вместе со всей громадой. Материалы актовых книг дают много примеров такой по существу двойственной позиции «громадских урядов», которые наряду с функциями феодальных административных учреждений сохраняли некоторые черты органов общинного самоуправления.

8. Актовые книги сел являются ценным источником не только для исследователей вопросов социально-экономической истории и административно-правового строя в эпоху феодализма, но также для этнографов и лингвистов. Назревшей задачей является более широкое источниковедческое изучение сельских актовых книг, а также публикация некоторых из них, в первую очередь книг с. Одреховы.

Е. М. ХАЛМАШКЕЕВА

Ленинградский университет

ФОЛЬВАРК И ДЕРЕВНЯ ПО ЛЮБЛИНСКОЙ ЛЮСТРАЦИИ 1565 ГОДА.

В работах польских историков в последнее время все чаще применяется метод исторического моделирования. Создаются как общие очень широкие модели, которые охватывают большой круг явлений и пытаются вскрыть механизм их действия (в первую очередь работы В. Кули), так и модели более конкретные (А. Вычанский).

Определенный интерес представляет построение моделей отдельных ячеек экономики на конкретном, локальном материале. Эти модели должны помочь выяснить общие закономерности развития экономики и одновременно вскрыть специфические черты хозяйственных отношений в отдельных районах.

Создавая модель барщинно-крепостнического поместья XVI—XVII вв., — задача, над которой работают многие польские и советские историки — надо, во-первых, установить основные качественные и количественные характеристики каждой из двух взаимосвязанных частей — фольварка и крестьянского хозяйства, а, во-вторых, попытаться определить каким образом части взаимодействовали. В данной работе делается попытка выяснить насколько те данные, которые содержатся в люстрации королевских имений Люблинского воеводства 1565 года, могут быть использованы при конструировании подобных моделей. В 35 королевских и в 6 частновладельческих селах, прежде принадлежавших королю, люстраторы насчитали 1130 кметей, владевших 535,5 ланами земли и 13 фольварков, т. е. 1 фольварк приходился на 3,25 деревни.

Очень важно при построении модели определить размеры крестьянских наделов и обрабатываемой крестьянами фольварочной запашки. В большинстве случаев, говоря о кметских наделах, люстраторы просто отмечали, что «кмети держат разные земли» и поэтому приходится вычислять каковы были средние наделы в крестьянских хозяйствах. Наиболее часто встречались наделы по 0,3 л, 0,5 л, 0,6 л. В Люблинских королевских фольварках, о размерах которых можно судить по количеству высеваемого зерна, чаще всего было от 5 л до 8 л (в 6 фольварках); в 4-ех от 1,5 до 5 л и в 3-х от 10 л до 25 л. На один лан фольварочной запашки приходилось от 2 до 4,5 л крестьянской запашки, в среднем 2,9 л. Размещались фольварки в Люблинских королевщинах очень неравномерно: на один фольварк около Люблина приходилось две деревни, а вблизи Парчева — 7 деревень.

В. Кулей и другими исследователями установлено, что размеры наделов зависели от степени развития фольварков: чем интенсивнее развивалось фольварочное производство, тем меньше земли оставалось у крестьян и соответственно уменьшались наделы. В Люблинских королевщинах эта зависимость не обнаруживается. Именно у Парчева, где в XVI веке развитие фольварочной системы запаздывало, земли у крестьян было меньше всего (средний надел 0,3 л) вблизи же Люблина, где фольварочная запашка была в каждом втором селе, у крестьян сравнительно большие наделы (0,6 л). Судя по Люблинской люстрации, фольварки устраивались на свободных землях, а уже существующие расши-

ряли свою запашку в основном за счет нови, пустошей не стремясь поглощать крестьянские земли.

При построении модели необходимо также определить размеры зернового производства в крестьянском хозяйстве и на фольварке и выяснить товарность. Косвенные подсчеты, (так как в источнике нет прямых сведений об урожайности в крестьянском хозяйстве и о распределении зернового продукта), приводят к выводу о том, что в распоряжении крестьянина после выделения викта (части, идущей на потребление), семенного фонда и уплаты денежных и натуральных повинностей, оставалось в селах у Люблина примерно 30%—40% стоимости всего урожая, ближе к Ужендову и Сандомирской границе примерно 20%—30% и, наконец, около Парчева крестьяне отдавали почти все, что получали в хозяйстве. Прямых сведений о связи крестьянского хозяйства с рынком в люстрации нет. Но у крестьян водились деньги, в частности, они платили за обработку пустошей, примерков, выкупали барщину, а это, хотя и косвенно, но свидетельствует, что крестьяне выступали на рынке в качестве продавцов.

Фольварочные урожаи и количество зерна в фольварках, которое могло идти на продажу, в люстрации сообщались. В среднем в Люблинских королевских фольварках примерно 80% продукции могло поступать на рынок.

Действительные размеры барщины по Люблинской люстрации определить не удается. Можно предполагать, что ее размеры определялись, как возможностями кметского хозяйства, так и потребностями фольварка. Если остановиться на втором, то путем косвенных подсчетов можно вычислить, какая барщина была необходима (в 12 фольварках 1,5—2,5 дня в неделю с лана, и только в одном — 4 дня).

В целом люстрация дает довольно много как качественных, так и количественных характеристик крестьянского хозяйства и фольварка, хотя многие количественные характеристики получены в результате косвенных подсчетов. Даже такие ни в коей мере не претендующие на абсолютную точность выкладки позволяют представить, хотя и неполно, облик поместья в период развития барщинно-крепостнического хозяйства. Однако, все-таки этих характеристик недостаточно для создания математической модели.

В. Ф. ИНКИН

Львовский университет

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДВОРИЩЕМ И СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНОЙ НА ВОЛОШСКОМ ПРАВЕ В ГАЛИЧИНЕ XVI—XVIII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ САМБОРСКОЙ ЭКОНОМИИ

Дворищную организацию, в большинстве случаев сильно уже разрушенную, можно было встретить еще в XVI в. в более или менее чистом виде. Одновременно с дворищем существовала та система институтов, которая характеризовала сельскую общину XVI—XVIII вв. и, повидимому, более раннюю древнерусскую общину. Лишены поэтому основания попытки противопоставления дворищ как изначальной общественной организации позднейшей якобы сельской общине. В этом духе решает проблему галицкой крестьянской общины польский буржуазный истори Р. Роздольский, ссылающийся при этом на Д. Я. Ефименко. По его мнению восточно-галицкое общинное землевладение, наблюдаемое им в Галицкой земле, на Покутье вплоть до середины XIX в. «могло возникнуть только в XVII—XVIII вв. из разлагающегося долевого владения».

Р. Роздольский совершенно справедливо связывает живучесть в этом редко заселенном и плодородном районе общинного землевладения с господством переложно-залежной системы земледелия. К сожалению нам неизвестны остальные институты общинной организации в этом районе, внутренняя жизнь общины. В горных районах общинное землевладение к XVIII в. уже не сохранилось, разве что в виде пережитков. Надо при этом учесть, что горные районы Перемышльской и Саноцкой земель были заселены главным образом в XVI в. на волошском праве.

Как показал академик Б. Д. Греков, волошское право не противоречило крестьянской общине на русском праве. Поскольку в колонизации, имевшей место в XVI в., этнически преобладал русский элемент, то общины, формировавшиеся осадниками, приобретали черты русской общины. Впрочем, известные нам институты и нормы волошского права совпадают в большинстве своем с той структурой, которую нам рисует «Русская Правда». Горные села волошского права донесли вплоть до середины XVIII в. черты русской общинной организации, рисующие нам внутреннюю деятельность сельской общины. Соответствующие сведения дошли до нас

благодаря особой документации так называемых сборовых судов — института, видимо, чисто волошского.

Развитие фольваркового хозяйства, начиная с конца XVI в., разрушая дворищную систему, в меньшей степени коснулось сельской общины, а в отдельных случаях, например, в королевских имениях, верховный земельный собственник был даже заинтересован в усилении административных прерогатив общины, (в известной мере противопостоявшей алчности старост и арендаторов). Наиболее интересным институтом русского обычного права, прослеживаемого в волошских селах вплоть до середины XVIII в., является «гонение следа».

В нашем распоряжении имеется огромное количество свидетельств о практике гонения следа на протяжении XVI — первой половины XVIII в., позволяющих обрисовать эту процедуру во всех подробностях. В волошских селах сохранилась русская правовая терминология.

Трудно сказать, чем объясняется столь большая общность русского и волошского типов права — общностью ли их развития еще во времена «Русской Правды», тем ли фактом, что черты русского права были усвоены волошскими осадами в период ранней колонизации и наложил свой отпечаток на тот тип права, который лежал в основе позднейшей «волошской» колонизации. В любом случае мы вправе рассматривать архаические черты общины «волошских» сел в качестве доказательства преемственности сельской общины XVI—XVIII вв. от древнерусской общины.

Уже в самом раннем инвентаре 1507 г. Самборского старосства мы видим картину разложения дворищной системы. Хозяйства на целых дворищах встречались уже только в чиншевых волошских селах (26,6%). Если в немецких селах и встречались полнолановые хозяйства (6,2% всех хозяйств), то следует учесть, что здесь были уже ланы, а не дворища (обычно они меньше дворищ). В русских же «работных» селах видим однообразные полудворищные хозяйства (93,6% всех хозяйств). Ту же картину дает инвентарь Перемышльского старосства 1497 года.

На целых дворищах сидят сложные семьи — «братья Олексовята», «Верещата» и т. д. Обычно по 2—3 простых семьи: отец с сыновьями, братья, дядья с племянниками и т. п.

Рост барщины сопровождался правовой нивелировкой сельских поселений, которая внешне выражалась часто в

формальном переведении «русских» сел на немецкое право. Дворища при этом перемеривались на ланы, а сложные семьи дробились на простые, если имелась возможность наделения каждой семьи полным наделом. Если же такой возможности не было, доминия закрепляла права владения за старшим членом большой патриархальной семьи, а остальные ее члены рассматривались в качестве подсадков. Иногда таких подсадков выделяли на отдельные подсадчизны. Все это увеличивало число обязанных барщиной хозяйств и давало возможность феодальной администрации использовать в интересах барщинного хозяйства подсадков. С другой стороны при 4—5 дневной барщине во второй половине XVIII в. крестьянские хозяйства привлекали работников-подсадков со стороны.

Остатки большесемейной патриархальной организации, по наблюдениям М. Зубрицкого, сохранялись в горных районах Самборщины до конца XIX — начала XX в.

Наибольшему разрушению подвергались институты древней общины там, где действовало магдебургское право. Однако сел, основанных на немецком праве немецкими колонистами, было мало, хотя в правовой нивелировке в конце XV—начале XVI в. немецкое право, играло большую роль. Несмотря на то, что общинная организация была сильно подорвана ростом барщинной системы и связанной с этим правовой нивелировкой деревни, она все же оказалась более живучей, чем принято было считать. В XVI—XVIII вв., она продолжала играть роль не только в качестве вспомогательного придатка феодальной администрации, но и как самодеятельная организация, необходимая крестьянам в их повседневной борьбе с феодалами.

Ю. М. ГРОССМАН

Львовский университет

ПРИВИЛЕГИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН РУССКОГО И БЕЛЗСКОГО ВОЕВОДСТВ XVI — ПЕРВ. ПОЛ. XVII ВВ.

1. Монопольное право шляхты на владение землей на протяжении XV—XVII вв. укреплялось. Почти полностью были вытеснены землевладельцы — нешляхтичи (мещане,

солтысы, войты), ограничено землевладение городов и духовенства. Государственные (королевские) имения в подавляющем большинстве находились в руках держателей — шляхтичей.

В Речи Посполитой установилась система держаний земли. Земельный собственник (король, магнат, шляхтич, город) обычно передавал свои владения на очень выгодных для держателя условиях какому-либо шляхтичу, который мог, в свою очередь, передать имение дальше в другие руки. Низшим звеном этой системы являлся как правило арендатор имения — шляхтич. Сложились поземельные отношения внутри господствующего класса, напоминающие в некоторой степени средневековую иерархию. Хотя отношения между шляхтой не тождественны вассалитету, они на практике со временем поставили мелкую шляхту в зависимость от крупной.

2. Однако такое положение создалось не сразу. Политически шляхта с середины XV до начала XVI в. сумела нанести несколько значительных поражений магнатам (Нешавские привилегии 1454 г., Петровский 1496 г. и Радомский 1505 г. сеймы). Привилегии шляхты в немалой мере содействовали развитию фольварочно-барщинной системы хозяйства. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что имело место и обратное явление: политические успехи шляхетского сословия в какой-то степени были обусловлены общепольским экономическим подъемом, начавшимся развитием фольварочного хозяйства и укреплением в этой связи хозяйственных позиций шляхты. Но экономическое развитие страны в дальнейшем пошло так, что особые выгоды стали получать крупные землевладельцы, барщинное хозяйство в больших имениях было рентабельнее.

3. Шляхта добилась ряда важных экономических и политических привилегий (освобождение от налогов, беспошлинная торговля, участие в «посполитом рушении», повышение роли местных сеймиков и др.). Все вольности шляхетского сословия носили чисто феодальный характер и неразрывно связывались с земельной собственностью. Крупные землевладельцы иногда создавали так называемые ординации, в пределах которых пользовались широчайшим иммунитетом. Но и не создававшие ординации крупные земельные собственники вели себя в своих владениях почти как самостоятельные государи. Частные войны в буквальн-

ном смысле слова с битвами и осадами замков, войны приносившие неисчислимые страдания крестьянам, были обычным явлением в Русском воеводстве и в XVI и в XVII вв.

4. Феодальные усобицы, слабость центрального государственного аппарата, анархия — так часто рисуют Речь Посполитую. Отчасти это справедливо, но по крайней мере с одной существенной поправкой: по отношению к крепостным крестьянам шляхетское сословие в целом и шляхетское государство проводили очень жесткую политику без каких бы то ни было элементов слабости. Управление имениями так-же отличалось твердостью и осуществлялось энергично.

5. Как в правовом, так и в экономическом отношении положение крестьян было чрезвычайно разнообразно. В отдельных деревнях они пользовались русским, польским, «немецким», «волошским», правами, сохранились крестьяне-слуги. Шляхта Холмской земли (Красноставский сеймик 1477 г.) на полвека опередила общепольское законодательство своими требованиями, вытекавшими из развития фольварочного барщинного хозяйства. Но в той же Холмской земле еще и в середине XVI в. существовали обширные районы, в которых сохранялись архаические отношения, господствовал оброк. Развитие фольварочно-барщинной системы постепенно нивелировало положение, пестрота правового и хозяйственонго состояния крестьян сглаживалась.

6. В Русском воеводстве имела место известная пестрота и в отношении крестьян к земле. Наиболее распространенным было право крестьян наследственно пользоваться земельным участком. При этом крестьяне имели право совершать различные сделки: купли-продажи, обмена, наследования земли и т. п. Но все это с санкции земельного собственника, сохранявшего за собой выгоды, проистекавшие из права собственности.

7. В течение XVI в. увеличилась власть феодала над крестьянами. Процесс закрепощения завершился во второй половине этого века, когда был запрещен переход крестьян. Ограничения личной свободы были доведены до права продажи крестьян без земли. Акты о продаже королевских крестьян не встречаются. Жестокое крепостное право, укоренившееся в Речи Посполитой, в Русском воеводстве имело некоторые особенности, если не юридически, то фактически. Желая гуще заселить край землевладельцы иногда

шли на отступления от безоговорочного запрета крестьянского выхода.

Постоянно действующим фактором было бегство крестьян. Наряду с непрерывной цепью узаконений, направленных против бегства, шляхта и в этом вопросе проявляла колебания, поскольку часть ее была заинтересована в заселении «слобод» и хозяйственном освоении своих земель.

8. В середине XVI в. государственные суды потеряли право принимать жалобы крестьян на своих господ, шляхетские крестьяне оказались и по суду в полной зависимости от своих владельцев. Падает значение деревенского общинного суда. Городские и земские суды были для крестьян шляхетских вообще недоступны, а королевских — недоступны в индивидуальном порядке. Так считает ряд авторов. Практика Русского и Белзского воеводств требует коррективов. Крестьяне могли выступать в городском и земском суде не только в качестве свидетелей в различных процессах и обвиняемых по уголовным делам (разбой, нападения на шляхту, убийство), но могли так-же подавать жалобы на шляхтичей по обвинению последних в грабеже, насилиях, убийствах. Чаще выступает крестьянская община (по делам о грабежах, например), но имеются многие факты непосредственного обращения отдельных шляхетских крестьян в городские суды.

Для государственных (королевских) крестьян существовал государственный, так называемый, Референдарской суд. Он рассматривал все спорные дела, возникавшие между крестьянами и держателями королевских имений. Анализ документального материала не оставляет сомнений в классовой шляхетской природе Референдарского суда. Это, однако, не дает оснований игнорировать его деятельность. Референдарские декреты, издававшиеся обычно в интересах шляхетского сословия и государства, в целом в ряде случаев умело использовались крестьянами, в трудной борьбе отстаивавшими свои права.

Система держания имений потребовала соответственного распределения судебной власти. Временный держатель (доживотник, арендатор) вместе с имением получал и определенные судебные и административные функции по отношению к крестьянам, хотя собственник сохранял за собой права апелляционной инстанции.

9. Известное замечание К. Маркса о том, что обычно не барщина возникает из крепостного состояния, а, наоборот,

крепостное право является следствием барщины[1], в истории Речи Посполитой находят свое блестящее подтверждение. Экономическое развитие с конца XV века проходит под знаком роста фольварочно-барщинного хозяйства. Именно в этом причина закрепощения, принявшего крайние, нигде не повторимые формы. В осуществлении тяжелой барщинной эксплуатации, ограничении личной свободы крестьян большую роль играли методы внеэкономического принуждения.

При барских дворах содержался вооруженный персонал, основной задачей которого было обеспечение эксплуатации крестьян. В барских усадьбах существовали специальные темницы и изощренные инструменты для пыток. Бывали случаи, когда жестокая расправа кончалась смертью истязуемого. Террористический режим по отношению к крестьянам имел целью укрепить экономическое и политическое господство шляхты.

Е. И. СТЕЦЮК

Институт истории АН СССР

СВОБОДНЫЕ ВОЙСКОВЫЕ СЕЛА НА УКРАИНЕ И ИХ ЗАКРЕПОЩЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII СТ.

1. Одним из важнейших результатов Освободительной войны 1648—1654 гг. было уничтожение феодального землевладения польских магнатов, католической церкви и польской шляхты. Земли, принадлежавшие им, перешли в собственность «скарба» Войска Запорожского — финансового органа украинской феодальной государственности. Села и местечки, расположенные на землях польских магнатов и шляхты, превратились в «свободные войсковые», освободившись на некоторое время от частной зависимости, но оставаясь государственной феодальной собственностью.

История создания свободных войсковых сел ярко отражена в «Генеральных следствиях о маетностях 1729—1730 гг.» разных полков, в том числе Нежинского, Переяславского, Лубенского, Стародубского, Прилуцкого и др.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 248.

2. Крестьяне свободных войсковых сел по своему положению приблизились к казачеству и вместе с ним подчинялись сотенному, полковничьему и гетманскому «урядам». Как говорится в актах XVIII ст., посполитое население свободных войсковых сел пребывало «под правлением сотенным, в ведомстве и в диспозиции гетманской».

3. В исторической литературе свободные войсковые села часто называли ратушными, считая их собственностью ратуш. Причиной этого были недостаточно ясные формулировки, встречающиеся в генеральных следствиях. Например, такие: свободные войсковые села находились «в ведомстве ратушном», «прислужали ратушам», к «ратушам надлежали» и как следствие подобной нечеткости административная зависимость свободных войсковых сел от ратуш воспринимались многими как зависимость экономическая. Среди буржуазных историков наиболее правильно подошел к пониманию ратушных сел В. А. Мякотин, который подчеркивал их подчиненность гетманскому уряду.

4. Всесторонний анализ «Генеральных следствий» дает возможность установить, что большинство так называемых «ратушных сел» это не что иное, как те же свободные войсковые села, которые через ратушу как одно из звеньев административного аппарата подчинялись гетманскому правительству.

Однако исследователю этого периода нужно помнить, что в то же время на Украине была некоторая часть сел, которая принадлежала непосредственно городам, являлась их собственностью и выполняла в пользу городского правления — магистратов и ратуш различные повинности.

5. Было бы большой ошибкой переоценивать положение свободных войсковых сел, считая их совершенно независимыми. Такое мнение было широко распространено в буржуазной историографии. Из трудов Лазаревского, Барвинского и др. можно сделать вывод, что в первый период после освободительной войны 1648—1654 гг. в феодальной системе Украины существовали как бы островки в виде свободных войсковых сел с иными социальными отношениями, где основной фигурой был свободный производитель. В действительности же хотя владельцами этих сел некоторое время были не отдельные лица, а гетманский уряд, это в основе своей не меняло дела. За пользование землей крестьяне должны были отбывать различные повинности и платить подати в пользу собственника этих земель — гетманской

власти, органа всего феодального класса. В «Генеральных следствиях» записаны свидетельства крестьян свободных войсковых сел о том, что они издавна отбывали так называемые общегосударственные и общенародные повинности: снабжали подводами различных должностых лиц, перевозили грузы для военных нужд, платили определенный денежный сбор на содержание войска и т. п.

6. Несмотря на то, что свободные войсковые села не подчинялись отдельным собственникам и юридически не были обязаны отбывать в их пользу повинности, с каждым годом все более проявлялась тенденция со стороны казацкой старшинской администрации использовать свою власть и принудить крестьян свободных войсковых сел платить различные подати и отбывать повинности в пользу тех старшин (гетмана, полковника или сотника), под властью которых они непосредственно находились.

7. Укрепление феодальной системы на Украине приводит в конце XVII ст. к росту старшинского и монастырского землевладения, главным образом, путем захвата и раздачи свободных войсковых сел. Господствующий класс Украины в этом вопросе, как и в социальной политике в целом всегда находил мощную поддержку в лице русского царизма.

Д. Э. ЛИЕПИНЬ

Институт истории АН Латв. ССР

ГОРОД РИГА КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ ФЕОДАЛЬНЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЕЦ В XVII В.

1. Самому крупному торговому городу Прибалтики в средние века принадлежали значительные земельные владения. Они были слабо заселены и не имели большого хозяйственного значения. Начиная со второй половины XVI в. но особенно в XVII в. их значение возросло. Рига получила новые земельные владения в Видземе и стала крупным коллективным феодальным владельцем земель и большого числа крестьян.

2. Рижскими земельными владениями и населявшими их крестьянами управлял рижский магистрат и представители Большой гильдии, являвшимися типичными представителями торгового капитала того времени в Прибалтике.

3. Аграрная политика рижских органов управления в XVII в. определялась их классовой позицией. В позиции рижского магистра относительно вопросов, касающихся крепостничества и эксплуатации крестьян имелись противоречивые тенденции.

Господствующие круги Риги проводили в своих земельных владениях эксплуатацию крестьян в тех же направлениях, как в остальной Латвии. В середине XVII в. в рижский магистрат, подчиняясь изданным шведами в 1569 г. полицейским постановлениям, санкционировало крепостное право. Однако интересы торгового капитала побуждали административные учреждения Риги не слишком цеплятся за нормы крепостного права. По мере роста торгового города увеличивался спрос на рабоиче руки. Число чернорабочих и членов обслуживавших нужды торговли латышских (подсобных) цехов можно было укомплектировать только за счет крепостных крестьян, стекавшихся в город из сельских местностей.

4. В XVII в. политика рижского магистрата была направлена, во-первых, на сохранение права двухгодичной давности согласно которому крепостной, проживавший в Риге 2 года, освобождался от уз, связывавших его с прежним крепостником.

Во-вторых, рижский магистрат в интересах своей торговли принужден был смягчать крепостническую зависимость крестьян в своих земельных владениях. Там проживало много людей, принадлежащих к крестьянскому сословию, но сохранивших личную свободу (полупомещики, поденщики, лоцманы, рыбаки и др.).

5. В тоже время вместе с увеличением числа крестьян и площади земельных владений господствующие круги Риги содействовали росту феодальной эксплуатации и бесправия большинства крестьян в деревенских областях города.

6. Сам факт, что крепостником является коллективный феодал, внес известные оттенки в положении крестьян выразившиеся особенно в их правовой и экономической зависимости от земельного владельца.

7. В прежней исторической литературе анализом крепостной зависимости рижских крестьян занимались А. Булмеринк в труде «Die Besiedelung der Mark der Stadt Riga» и Э. Дунсдорф в истории Латвии в XVII в. Позиция названных авторов в их концепции по вопросу крепостной зави-

симости крестьян неправильная. По мнению Булмеринка в земельных владениях Риги крепостного права не было, а Э. Дунсдорф считает, что оно ничем не отличалось от крепостной зависимости крестьян в других областях Латвии.

Фактически материал свидетельствует о том, что в XVII в. в земельных владениях гор. Риги наряду с зависимыми крепостными людьми там жили еще другие крестьяне, сохранившие полностью или частично личную свободу.

А. А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Институт истории АН СССР

СТРУКТУРА ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ XVII—XVIII ВВ.

1. В аграрной истории России XVII и XVIII столетия составляют важный этап, знаменующий начальные фазы борьбы двух тенденций развития — феодально-крепостнической и буржуазной. Для страны, основу экономики которой составляло сельское хозяйство и прежде всего, земледелие, особую остроту приобретал вопрос о земельной собственности. В силу специфических условий исторического развития формы земельной собственности в России были весьма разнообразными, носящими следы наслоений многих веков. Поскольку собственность на землю являлась материальной основой эксплуатации крестьян феодалами и государством, она была наиболее консервативным элементом, слабо поддававшимся влияниям изменений социально-экономической обстановки. Господствующий класс всемерно заботился о своих прерогативах монопольного земельного собственника, чему содействовала политика царского правительства.

2. Изучаемое время характеризовалось наивысшим развитием феодальной собственности. В раздачу дворянству пошли огромные территории черноземного центра страны, Поволжья и др. районов. В центральных областях государства уже к середине XVII столетия исчезли «черные» (государственные) волости, а их крестьяне стали крепостными помещиков. Присоединение Крыма и Новороссии в последней четверти XVIII в. повлекло за собой распространение и в эти области феодальной собственности на землю.

3. Количественный рост земельных богатств в руках

феодалов сопровождался укреплением и расширением юридических прав дворянства. Известно, что в изучаемое время крепостничество достигло своего апогея. Поместье как условное земельное владение приобретает черты наследственного недвижимого имущества, что закрепляется нормами Соборного Уложения 1649 г., указом 1714 г. и другими законодательными актами. Грань между поместьем и вотчиной постепенно стирается и наконец исчезает. Наивысшей точкой этого курса можно считать освобождение дворянства от обязательной службы и проведение генерального межевания земель во второй половине XVIII в.

4. Снятие ограничений с мобилизации земельных имуществ дворян содействовало формированию крупных земельных латифундий, составлявших примечательное явление русских аграрных порядков даже после отмены крепостного права. Процесс поляризации земельной собственности в среде господствующего класса усилился. Наряду с увеличением удельного веса латифундистов растет число мелкопоместного дворянства. Этот симптом свидетельствовал о начале кризисных явлений в структуре феодальной земельной собственности, хотя и медленно подвергающейся воздействию товарно-денежных отношений. Втягивание помещичьего хозяйства в рыночные связи подрывало натуральные основы феодальной собственности.

Власть денег шаг за шагом теснит власть земли и основанные на ней привилегии господствующего класса. Лихорадочные попытки правительства (создание Дворянского банка, введение опек, утверждения майоратных прав и др.) не могли спасти «благородное сословие» от ипотечной задолженности и частичного перехода земельных богатств к лицам недворянского происхождения. Широкое развитие арендных операций также делало свое дело. Земля как товар чаще обращалась в среде дворянства и отчасти купечества. Крестьянство было практически лишено возможности распоряжаться своим наделом. Даже государственные крестьяне были крайне стеснены в этом, хотя в их среде купля-продажа, заклад и аренда земли получили распространение дефакто. Реакционный курс земельной политики правительства сказался и в том, что в государственной деревне было введено уравнительное землепользование, которое, однако, не могло заглушить процесса расслоения деревни.

Противоречивость политики правительства, вынужден-

ного считаться с происходящими сдвигами, выразилась в частности в изменении официального принципа фискального обложения. Поземельное обложение с середины XVII в. начинает переходить в подворное, а затем — в подушное.

5. При сохранении и укреплении крепостничества другим показателем внутреннего перерождения феодальной земельной собственности может служить изменение соотношения между помещичьим барским хозяйством и крестьянским землевладением. Первое неуклонно растет в ущерб второму, которое нередко низводится до совершенно ничтожного уровня, подрывающего возможности простого воспроизводства. Тем самым постепенно нарушался один из основных принципов существования феодального хозяйства — наделение крестьянина средствами и орудиями производства, в первую очередь — землей. Земельный голод крепостной деревни становится все более хроническим, задерживая экономическое развитие, социальный и культурный прогресс.

6. Другим примечательным фактом изучаемой поры было то, что колонизация окраинных территорий шла по преимуществу в форме самовольных крестьянских переселений, с которыми оказались бессильными бороться и помещики, и государство. До XVII столетия феодальная колонизация иногда опережала крестьянскую, иногда уравновешивала ее. В XVII—XVIII вв. крестьянская колонизация решительно преобладает на окраинах, утверждая хотя и ограниченный различными рогатками принцип свободнозахватного землепользования. Сибирь, Новороссия, Северный Кавказ дают тому наглядный пример. Там создаются ростки буржуазной земельной собственности.

7. Некоторому изменению социальной структуры земельной собственности в сторону абсолютного увеличения числа мелких землевладельцев-крестьян, вышедших из-под власти частных феодальных собственников, содействовала секуляризация церковных имуществ и создание категории экономических крестьян в середине XVIII в.

8. Определенным отступлением от безусловной монополии дворянства на земельную собственность и крепостные рабочие руки явилась распространившаяся особенно в XVIII в. практика передачи обширных земельных угодий во владение купцам-промышленникам, что отвечало насущным потребностям развития отечественного промышленного

производства. В том же направлении шло введение посессионного права.

9. Одним из ярких проявлений нового в отношениях земельной собственности позднефеодального периода истории России служит возникновение купеческой по своему существу Российско-Американской компании, выступавшей собственником огромных территорий на северо-западе Тихого океана, на материке Северной Америки и прилегающих островах. Главным принципом организации этой компании была торгово-промысловая деятельность. Этого не могло изменить признание компании действующей под «высочайшим покровительством».

10. В данном докладе рассмотрены некоторые общие вопросы, касающиеся структуры земельной собственности в России XVII—XVIII вв. Слабая изученность этой проблемы, отсутствие в научном обороте сопоставимых статистических данных за длительное время, естественно, затрудняют, а подчас пока делают невозможной детальную разработку многих важных сторон проблемы. Дальнейшие изыскания в этой области настоятельно необходимы.

Д. Л. ПОХИЛЕВИЧ, В. ЧУГАЙ

Львовский университет

ЛЕСНИЧЕСТВО БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В 70—80 ГГ. XVIII ВЕКА.

(Производство. Население)

1. Народнохозяйственное значение леса по мере развития общества усложнялось, расширялось. С появлением внутреннего и внешнего рынка возникла возможность к эксплуатации лесных богатств не только для прямого покрытия своих потребностей, но и через рынок.

2. Раньше других (XII—XIV вв.) пошли на продажу меха, мед, воск, с XV—XVI вв. к ним прибавились строительный и корабельный лес, клепка, доска, разный щепной товар, смола, деготь, зола, поташ, дичь и т. п.

3. Возраставшее значение леса понукало к его усиленной охране и рациональной эксплуатации. Появились великокняжеские акты: «Литовский статут» (1529 г.), «Устава на волоки» (1557 г.). «Ревизия пущ и переходов звериных»

(1559 г.), «Лесная устава» (1567 г.), «Ординация пущ и лесничеств» (1641 г.) и др. Появилась специальная литература. Со второй половины XVIII в. «Лесное дело» преподавалось в Краковской и Виленской академиях, оно привлекло к себе внимание крупных землевладельцев, издававших для своих лесничих «Инструкции», им заинтересовались политические деятели (Выбицкий, Коллонтай, Сташиц, Чацкий). Лес не только истребляют, но и строго охраняют, насаждают, выращивают.

4. Государственные леса Белоруссии и Литвы были разделены на 5 лесничеств, делившихся в свою очередь на 15 подлесничеств («кватер»). Управление лесами на правах автономного департамента входило в управление королевскими экономиями в гор. Гродно.

5. В 70—80 гг. XVIII в. кроме аппарата департамента во главе с аудитором и регентом хозяйственную деятельность на местах осуществляли 5 лесничих и 15 подлесничих с 47 бухгалтерами и писарями. Охраняли леса 72 стражника (из шляхты), 301 стрелец и 719 осочников (местные крепостные). Высший персонал получал вознаграждение за свою работу деньгами и натурой (земля, обрабатывавшаяся крепостными или продукты), а стрельцы и осочники получали землю. Стрельцы охраняли лес, отпускали его продукцию населению и заготовляли дичь. Осочники обязаны были трехдневной барщиной, которую выполняли на охране леса и на работах в хозяйстве администрации.

6. Обширные, но довольно опустошенные королевские леса, представляли собой сложный и довольно пестрый хозяйственный комплекс. Здесь был не только лес, но реки и озера, сенокосы и пастбища, бортные деревья, дичь, грибы и ягоды, наконец, обширные распаханные пространства (в лесничествах приютилось около сотни сел). Отсюда и многообразный характер их эксплуатации.

7. Рубка леса производилась по кварталам. Основным потребителем лесных богатств были огромные королевские экономии (около 200 фольварков из 1000 сел). Лучший строительный лес (корабельный), клепка, доска, смола, деготь и поташ (зола) ежегодно сплавляли до Гданска и Клайпеды. На широкую ногу было поставлено производство поташа в будах, на которых работало по 30—50 семейств. Все работы по заготовке леса, его переработке, транспортировке и сплаву производились наемным трудом.

8. За пользование лесом (сбор грибов, ягод, лыка, коры, хвороста, лежачего дерева), за выкуривание из пней и бересты смолы и дегтя, за заготовку сырья для ободьев, дуг, полозьев, колодок и т. д. население платило разного характера сборы. За пользование бортными деревьями давали половину меду, а за пользование сенокосами и пахотью (не надельными) крестьяне давали треть урожая.

9. В трех лесничествах (из пяти) в 1780 году было 719 хозяйств. Они имели 1585 лошадей и волов, 1233 головы рогатого скота, 1388 овец, 945 свиней, 789 бортей. Для своей земледельческой деятельности они располагали 71 волокой «оседлой» земли (волока равна 30 моргам, равна 21,36 га), 82 волоками «приемной», 140 волоками «вольной», 14 волоками пустышей да 400 моргами в «застенках». В 1783 году количество хозяйств в этих трех лесничествах возросло до 883, а количество лошадей и волов до 2014, рогатого же скота до 1576. Это свидетельствует об относительно благоприятных условиях жизни «лесного населения», о развитии производительных сил, о расширенном воспроизводстве. Увеличение числа кутников за это же время вдвое свидетельствует и о росте дифференциации населения.

10. Обеспечение населения землей и скотом было довольно пестрое. Стражники обычно имели около двух волок земли, 2—3 коня, 3—4 вола и до 10 голов рогатого скота. Стрельцы — одну волоку земли, одного коня и 2 вола, 3—5 голов рогатого скота. Осочники пользовались примерно половиной волоки земли. Имели одного коня и два вола, 2—3 головы рогатого скота. Значительная внутренняя диференциация была у осочников. Так, из 88 хозяйств осочников Беловежской пущи совсем не имели рабочего скота 6 хозяйств, а имели одного коня или одного вола — 11 хозяйств, не имели коровы — 10 хозяйств. Подобное положение наблюдалось и в других лесничествах.

11. В 1780 г. по пяти лесничествам от проживавшего лесного населения и эксплуатации леса имело быть получено 211,5 тыс. злотых дохода. Из них за пользование пахотной землей, сенокосами, озерами и т. п. 54 тыс. зл., за дерево, поташ, смолу и т. п. — 78 тыс. зл.,от торговых монополий (водочной и соляной) — 12 тыс. зл., от баналитетов (вход в леса, бортничество, за меха, дичь и т. п.) — 69 тыс. зл. Характер доходных статей свидетельствует о большой вырубке к этому времени государственных лесов, ведь $^2/_3$ до-

ходов получалось уже не от древесины, а от эксплуатации сельскохозяйственных угодий, торговых монополий и баналитетов. Доходы от лесничества все время росли. За время с 1766 по 1780 год они больше чем удвоились.

И. Г. ШУЛЬГА

Ужгородский университет

УРБАРИИ — КАК ИСТОЧНИК АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВЕНГРИИ

Урбарии (инвентари) — документы, определяющие взаимоотношения между венгерскими землевладельцами и зависимыми крестьянами — впервые упоминаются в источниках XIII в. Вначале они представляли соглашение, в котором перечислялись повинности крестьян в пользу феодала. Начиная с XVI в., эти документы все более и более приближаются к инвентарям, устанавливающим величину крестьянских земельных наделов, а также размеры отработочной, натуральной ренты и налоги крепостных.

Наиболее в оформленном виде урбарии дошли к нам с XVIII в. Правительство Марии-Терезии провело в Венгрии в 1767 г. т. наз. урбариальную реформу, разработало формы урбариальных таблиц и отпечатало их типографским способом латинским, венгерским, словацким языками, а также местным диалектом украинского языка. Эти таблицы заполнялись потом переписчиками в каждом селе и сдавались на хранение в жупное управление.

По своей форме урбарии напоминают книгу в 12 страниц, размером 21×33 см, разделенную на 9 разделов. Каждый раздел состоит из отдельных параграфов. Значительная часть урбария была заполнена печатным текстом. Отдельные страницы имели белые места, куда записывались материалы местного характера. Оформленный урбарий был обязательным документом как для зависимых крестьян, так и помещика.

В первой части урбария составлялись сведения о земельном наделе крепостных. В надел входил приусадебный участок, пахотное поле и сенокос. Но на территории страны надел был неодинаковым. Его размеры определялись качеством земли. В районах, где жило славянское население

(словаки, закарпатские украинцы), земельные наделы были значительно меньше чем в Придунайской низменности. Помещику разрешалось давать в пользование крестьян полный, половину, четвертину или восьмую часть надела. В зависимости от размера земельного надела, юридически зависела феодальная повинность крепостных крестьян. В урбарий вносилось фактическое количество земли, которой пользовались крестьяне каждого села накануне реформы 1766 г. К этому документу прилагался табель из поименной записи крепостных, указывалась величина земельного надела, количество скота, находящегося в их пользовании, перечислялись повинности крепостных.

Во второй части урбария подробно по пунктам излагались повинности зависимых крестьян. Крепостной с полным наделом должен был отработать на барщине 52 дня с тяглом или 104 дня без тягла. В примечании подчеркивалось, что помещику дается право принуждать нерадивого крестьянина работать и больше. Крестьяне без надела работали на барщине 12—18 дней в год. Крепостной имел право отлучаться на заработки или заниматься домашними промыслами в свободное от барщины время только по разрешению помещика.

Урбарий устанавливал много других различных повинностей. Крепостной был обязан раз в год отвозить своим тяглом барский товар в дальнюю дорогу, привезти на помещичьий двор воз дров, доставлять девятину в центральную усадьбу, на ярмарку, 3 дня в год принимать участие в охоте и т. д.

Натуральная рента разделялась на дань для панской кухни (culinariae), девятину и десятину. В урбариях говорится, что от каждого двора крестьяне обязаны были давать 2 курицы, 2 каплуна, 12 яиц, ицу* топленого масла, а от 30 наделов — теленка. Кроме того, крестьяне обеспечивали кухню сельскохозяйственными продуктами во время женитьбы помещика, крестин его детей, похорон и пр.

Крестьяне были обязаны вносить на барский двор девятую часть своего урожая — девятину. В нее входили не только зерновые, но и огородные культуры. Десятина снималась с винограда, от пчел, приплода ягнят, козлят.

Все натуральные повинности крестьянам разрешалось выкупать деньгами или отрабатывать их на барщине.

---

* Ица — 0,8 литра.

За жилое помещение крепостные платили налог в сумме 1 форинт.

Урбарий обязывал крестьян выкупать за свой счет помещика с плена, брать на себя все его расходы, связанные с поездкой на сейм, государственные собрания и др.

Третья часть урбария определяла юридические права помещика над его крепостным. Он провозглашался прямым наследником имущества крестьян, не имеющих детей. За помещиком оставалось право пропинации. Крестьянам категорически запрещалось ловить рыбу в реках и прудах, рубить барский лес, открывать корчмы, постоялые дворы, охотиться на дичь, собирать таможенные сборы в свою пользу. Собственность помещика объявлялась священной и неприкосновенной.

Землевладелец имел право привлекать крестьян к ответственности за невыполнение барщины и других повинностей. За опоздание крепостного на барщину, например, помещику разрешалось штрафовать или физически наказывать его или отдавать в жупную тюрьму.

Таким образом, урбарии — важные исторические документы для изучения аграрных отношений в Венгрии, Словакии, Закарпатской Украины. Они дают возможность установить размеры земельных наделов, подсчитать количество рабочего скота, находящегося в пользовании крепостных, изучить процесс имущественного расслоения крестьянства. Урбарии позволяют проследить процесс обезземеливания сельского населения, дают фактический материал об эксплуатации зависимого крестьянства.

В большом количестве урбарии сохранились в Центральном Государственном архиве Венгерской Народной Республики. В Закарпатском областном государственном архиве исследователь найдет эти документы среди материалов жупных управлений, а также в специальном фонде Урбариального суда.

В советском источниковедении урбарии еще не исследованы, а, между прочим, они принесли бы большую пользу историкам-аграрникам.

В. А. МАРКИНА

Киевский университет

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДЕРЕВНИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Основной производящей силой в эпоху феодализма и в период его разложения явилось крестьянство. Поэтому изучение социальной структуры деревни, основным населением которой являлось крестьянство, представляет исключительный научный интерес. Между тем, социальная структура Правобережной Украины в XVIII — начале XIX в. недостаточно освещена в советской историографии.

1. На основании ранее опубликованных материалов по истории крестьянства Правобережной Украины во второй половине XVIII в. и завершения обобщения изученных новых архивных материалов (в том числе, около 2 тыс. инвентарей — описей сел и местечек), относящихся к различным экономическим районам этого края, автор пытается проследить основные тенденции структурных изменений во взаимоотношениях феодалов и крестьян и других категорий деревни. Для этого необходимо выяснить эволюции различных категорий крестьян и их роль в сельскохозяйственном производстве деревни Правобережной Украины в XVIII — начале XIX в.

2. В этом крае на протяжении XVIII в. росло крупное феодальное землевладение, кроме того расширялось и феодальное владение средней и мелкой шляхты.

3. На территории деревни или группы деревень (ключей) магнаты имели большое многоотраслевое хозяйство, которое в XVIII и начале XIX в. втягивалось в товарно-денежные отношения и все больше реализовывало продукты на рынок.

3. Наряду с магнатским хозяйством решающая роль в сельскохозяйственном производстве украинской деревни принадлежала хозяйству непосредственного производителя — крестьянству, которое занималось земледелием, скотоводством, пчеловодством.

В отдельных районах Правобережной Украины большое значение для крестьян приобретало ткачество, курение смолы, дегтя, изготовление поташа, добыча железной руды,

торговля солью, рыбой, что приводило к распространению чумацкого промысла.

4. В северо-западных районах Правобережной Украины, где господствовало фольварочно-барщинное хозяйство помещика, основной повинностью непосредственных производителей по отношению к феодальному собственнику на землю была отработочная рента. Под ее воздействием производительные силы деревни развивались крайне медленно и носили застойный характер. Количество населения в деревнях часто уменьшалось не только под воздействием стихийных бедствий, но, главным образом, в результате усиления феодального гнета. На протяжении указанного периода систематически повышалась регулярная барщина в деревне в северо-западной части Правобережья, в зависимости от размеров земельного надела крестьян. Так, в конце XVIII в. в ряде поместий Подольского воеводства крестьяне «парового» надела отрабатывали 180—250 дней барщины, поединкового — 110, и пешего — 76 дней. Без соответствующего развития производительных сил, только лишь при помощи внеэкономического принуждения феодал не смог бы заставить крестьян выполнить барщину в таких размерах.

Заметно возросли повинности крестьян в чиншевых поместьях. Пагубно на положении крестьян сказывались пропинация и другие феодальные права.

5. Увеличение барщины в деревне северо-западных областей Правобережья вызывало массовые бегства крестьян в юговосточном направлении края. В состав беглых включались и деревенские ремесленники. Все это тормозило развитие производства в деревне в северо-западных районах Правобережной Украины.

Напротив, в юго-восточных областях, где длительное время господствовал чинш, несмотря на опустошительные набеги татар, вспышки чумы, голода, шел неуклонный рост количества сельского населения за счет беглых из Волыни, Галиции, Польши, царской России. Крестьянство, познавшее хотя и на короткий срок свободу от феодального принуждения, упорно защищало свое право от феодальных притязаний магнатов.

Наиболее распространенной формой сопротивления крестьян были бегство и восстания. В силу этого в деревнях Приднестровья и Приднепровья росло экономическое неравенство в крестьянской среде. Несмотря на то, что помещик стремился к ее нивелировке, формировалась, с одной

стороны, зажиточная верхушка крестьянства, обладавшая значительными земельными наделами, прудами, мельницами, немалым количеством рабочего скота (6—16 волами в одном хозяйстве) и применявшая наемный труд. Эта часть крестьянства постепенно втягивалась в товарно-денежные отношения, путем продажи скота, меда, зерна, полотна, иными словами, часть продукции зажиточного крестьянского хозяйства становилась предметом реализации на рынке. С другой стороны, увеличивалось количество обездоленных крестьян: коморников, подсоседков, халупников, пеших, поединковых, в силу экономических причин вынужденных подрабатывать наемным трудом. Формирование различных категорий крестьян свидетельствовало о росте экономического неравенства в среде крестьян.

6. С ростом барщины вглубь и вширь в Приднепровье и Приднестровье во второй половине XVIII в. происходит наступление феодала в Волынском и Подольском воеводствах на земельный надел крестьян, что выразилось прежде всего в захвате общинных угодий — пастбищ, лугов, водоемов, и отчасти пахотных земель, входивших в состав крестьянского надела. Это обостряло классовую борьбу и вызывало в деревне сопротивление крестьян.

Вторая половина XVIII в., особенно в 80—90 гг., характерны целым рядом народных выступлений в Правобережьи против феодальных собственников на землю, усилением побегов крестьян в причерноморские степи.

Е. П. НАУМОВ

Институт славяноведения

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СЕРБСКОЙ ДЕРЕВНИ ПОСЛЕ АНТИФЕОДАЛЬНОГО АГРАРНОГО ПЕРЕВОРОТА (30—50-е гг. XIX в.)

1. Проблемы социальной структуры сербской деревни в XIX в., в особенности в первой половине XIX в., после первого и второго восстания и уничтожения феодальной системы в освобожденной от турецкой власти Сербии, до сих пор остаются мало изученными в современной историографии, как, впрочем, и проблематика классового и сослов-

ного деления в сербском обществе вообще после вступления его на путь капиталистического развития. Это в немалой степени обусловлено тем, что буржуазные югославские и иностранные историки неизменно подчеркивали народное «единство», отсутствие классовых противоречий в сербской деревней после освобождения от турецкого ига, даже заявляя о создании в Сербии в XIX веке некоего «крестьянского» строя, а с другой стороны замалчивая наличие крупного сербского землевладения. Таким образом одной из задач марксистской историографии в изучении аграрных отношений Сербии является разоблачение этой буржуазной концепции «крестьянского» строя и «всеобщего благосостояния».

2. Уже накануне ликвидации турецкой феодальной системы (1830—1833) в Сербии оформились две основные и наиболее многочисленные социальные категории — крестьянство и сельская буржуазия, несмотря на то, что турецкая военно-феодальная система препятствовала развитию имущественной и социальной дифференциации в сербской деревне. Крестьянское движение 30-х гг. XIX в., имевшее своей целью установление буржуазных аграрных отношений, а также вызванное этим натиском крестьянского движения известное ограничение крупного сербского землевладения сельской буржуазии в свою очередь способствовали некоторому сглаживанию имущественных различий в деревне, причем этому содействовало также наличие значительного фонда свободных (государственных и общинных) земель.

3. Несмотря на указанное воздействие этих факторов и обусловленное ими определенное смягчение классовых противоречий между крестьянством и сельской буржуазией, уже в 30-х—50-х гг. XIX в., в особенности в период так называемого «уставобранительского» режима (1839—1840, 1842—1858), в сербской деревне существовала прослойка беднейшего крестьянства. Ввиду отсутствия для этого периода аграрной статистики, к сожалению, трудно достаточно точно определить удельный вес этой прослойки, и мы вынуждены для уяснения ее размеров использовать данные уставобранительского законодательства, заметки современников и другие материалы описательного характера. Определение удельного веса беднейшего крестьянства затрудняется еще и тем, что уставобранительские правители Сербии, отражая мнение собственников, считали, что эта бед-

нейшая прослойка обязана своим появлением лишь порче нравов (будто бы бедны только лентяи и бездельники), и не придавали большого значения растущим симптомам разложения крестьянства.

4. Имеющиеся материалы все же дают возможность примерно определить размеры прослойки бедного крестьянства в 40-х—50-х гг. XIX века, которая приблизительно была равна в общем около 20% всех крестьянских хозяйств (такова, в частности, оценка уставобранительского правительства в решении от 5 декабря 1851 года). Для характеристики процесса имущественной дифференциации в сербской деревне в XIX веке укажем, что по переписи 1889 года число бедняцких хозяйств (владевших земельными участками до 5 га) составляло 72,6% всех крестьянских хозяйств. Правда, численность бедняцких хозяйств в отдельных округах, по-видимому, не была одинаковой (так например, в Ужицком округе в 1858 г., согласно оценке современника, было «больше бедных, чем богатых семей»).

5. Вопрос об удельном весе богатого крестьянства, растущей сельской буржуазии в сербской деревне весьма сложен и, к сожалению, не может быть в настоящее время решен окончательно ввиду отсутствия сводных данных. Эта прослойка богатого крестьянства, вероятно, была уже так незначительна в некоторых округах Сербии, где были сильнее развиты товарно-денежные отношения. В то же время и в других округах (в частности, в Ужицком) было много богатых дворов. При этом нужно также иметь ввиду, что в Сербии в это время насчитывалось еще много зажиточных «задруг» (больших семей, семейных общин), имевших, например, от 500 до 7000 овец.

6. Произведенное выше примерное определение размеров и удельного веса прослоек беднейшего и наиболее зажиточного крестьянства позволяет констатировать, что в Сербии в 30—50-х гг. XIX в. крестьянские середняцкие хозяйства были наиболее многочисленными, а имущественная и социальная дифференциация в деревне развивалась еще относительно слабо и медленно вследствие общей экономической отсталости Сербии, некоторого ограничения землевладения сельской буржуазии, а также влияния крестьянской общины, большой семьи («задруги»), распространенности патриархальных обычаев трудовой взаимопомощи, сохранения полунатурального характера крестьянского хозяйства.

Б. Г. ЛИТВАК

Институт истории АН СССР

ВЫКУПНАЯ ОПЕРАЦИЯ В ЧЕРНОЗЕМНОМ ЦЕНТРЕ РОССИИ

1. В советской историографии первая попытка исследования материала выкупных сделок различных районов страны принадлежит П. А. Зайончковскому. Дореволюционные исследователи выкупной операции (П. Л. Кованько, А. Е. Лосицкий, частично И. Вильсон) рассматривали ее с чисто финансовой стороны, игнорируя те социально-экономические сдвиги, которые происходили в деревне во временнообязанный период. Это определило научную ограниченность досоветских исследований этого вопроса. П. А. Зайончковский отошел от этой традиции и на примере пяти уездов нечерноземных губерний России и восьми уездов черноземных, а также некоторых уездов окраин, показал основные общие черты и различия в проведении выкупа в отдельных районах страны. Этим он положил начало более глубокого изучения конечной стадии реформы 19 февраля 1861 г.

2. В предлагаемом докладе изложены итоги работы по изучению выкупной операции в русском черноземном центре. Сплошному изучению подвергались выкупные акты всех уездов Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Методика анализа выкупных актов определялась методикой изучения уставных грамот, о предварительных итогах которого автор докладывал на Киевском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы.

Эта методика построена на основном положении о том, что условия уставных грамот органически связаны со всем укладом помещичьего хозяйства, так как помещик диктовал эти условия. Исходя из этого выкупные акты группировались по признаку мощности помещичьего хозяйства и форм эксплуатации крестьян до введения уставных грамот.

На первый взгляд, применение такой группировки к выкупным актам — документам, отражавшим изменившиеся условия пореформенного быта деревни, — неправомерно. Однако результаты изучения вопроса посредством этой методики показывают прямую связь таких важных сторон выкупной операции, как время выхода на выкуп, изменения в

наделе, дополнительные платежи и пр. с дореформенным укладом деревни.

Кроме того, ряд сведений, содержащихся в выкупных актах (например, о помещичьей задолженности) не могут быть изучены и объяснены вне этой методики.

3. Сплошное изучение выкупных актов и их сопоставление с уставными грамотами позволили выяснить совершенно не затронутые изучением (а порой даже и не поставленные) вопросы, среди которых такие, как влияние формы повинностей, отбываемых крестьянами во временнообязанном положении, динамика выхода на выкуп; влияние помещичьей задолженности на условия выкупных сделок; различие наблюдаемых изменений крестьянского надела среди разных категорий помещичьих крестьян и их причины; социальное содержание крестьянских земельных приобретений, сопутствующих выкупной операции; выяснение процесса перехода барщинных крестьян на оброк. Развернутое изложение материала по этим вопросам дано в докладе.

4. Анализ самих выкупных актов позволил установить точные сведения о выкупных платежах разных групп крестьян, об удельном весе дополнительного платежа и формах его погашения.

Первое дает возможность оперировать не расчетными, а реальными сведениями о сумме платежей, второе — значительно уточняет наши весьма преувеличенные представления о распространенности дополнительных платежей. Так, например, средняя сумма выкупной ссуды, которую должны были выплатить крестьяне Тамбовской губернии, составляла 100 р. 60 к. за надел. Однако на различные группы крестьян общая ссуда — 29 230 864 р. 88 к. — распределялась неравномерно. С крестьян, бывших на оброке, до реформы, взималось для погашения ссуды по выкупу — 99 руб. с душевого надела, бывших на смешанной — 100 р. 60 к., а бывших на барщине — 102 р. 40 к. Между тем, размер замельного надела обратно пропорционален этим цифрам. Если к этому добавить, что дополнительный платеж чаще встречается у барщинных крестьян, чем у оброчных, то станет очевидной функциональная зависимость условий выхода на выкуп от дореформенного положения крестьян. Это наблюдение очень важно для понимания форсированного процесса дифференциации крестьян в пореформенное время.

Расчеты выкупной и рыночной стоимости десятины земли показывают грабительский характер выкупной операции,

но они не отражают степени воздействия его на отдельные группы крестьян. Приведенные данные дают возможность установить эту степень воздействия.

Далее, по данным главного выкупного учреждения, опубликованным в ряде выпусков «Ежегодника Министерства финансов» рисуется следующая картина предварительных итогов выкупной операции по состоянию на 1 января 1883 г.

Наименование губерний	Общее число сделок		% сделок с добровольным согласием
	по добровольному согласию	по требованию помещика	
Воронежская	464	349	57%
Курская	1068	787	57,5%
Орловская	854	1710	33,3%
Рязанская	1116	1840	37,7%
Тамбовская	1119	918	около 55%
Тульская	1248	1824	40,6%

Эти сведения послужили основой для тезиса о широком распространении дополнительного платежа в черноземных губерниях, так как добровольное согласие крестьян и помещика предполагает согласие на дополнительный платеж. Но возможность дополнительного платежа крестьян не всегда реализовалась, поэтому нельзя на основании этих данных делать выводы. Но для того, чтобы получить представление об истинном положении дел необходимо точно определить количество селений и проживавших в них временнообязанных, вышедших на выкуп и согласившихся на дополнительный платеж. Даже по приблизительным подсчетам число таких крестьян в Тамбовской и Курской губерниях составляло не более 25—28% общего количества крестьян, а число селений и того менее. Этот процент очень далек от того, который нами рассчитан на основании данных главного выкупного учреждения на 1 января 1883 г.

5. В докладе уделено значительное внимание изучению процесса увеличения числа крестьян, переходивших на денежную выплату повинностей. Так, например, если к моменту реформы на денежной (оброчной) повинности состояло в той же Тамбовской губернии немногим более 60 тыс. крестьян (20,8% из общего их количества), то к 1 января 1864 г. состояло уже свыше 156 тыс. (54,2%), а в 1870 году — 237 тыс. (свыше 83%). Такое резкое расширение круга кре-

стьян, для которых добывание денег стало вопросом повседневного быта, особенно сильно сказывалось на бывшей барщинной деревне, что ускоряло ее капиталистическое развитие. Вместо с тем, довольно значительное число крестьян (около 17%), боясь разорительного перехода на оброк, отбывало барщину, вплоть до выхода на выкуп.

П. А. Зайончковский правильно оценивает закон 27 июня 1862 г. разрешавший выход на выкуп барщинных крестьян, как меру, стимулировавшую выкупную операцию. Эту оценку следует дополнить указанием о том, что этот закон легализировал прямой перижиток крепостничества — барщинную повинность. При этом мы вовсе не хотим утверждать, что эта легализация была выгодна только помещику.

6. Особое значение для окончательного установления размеров надельного крестьянского землепользования, а затем и землевладения, в пореформенный период имеют изменения в крестьянском наделе, произошедшие с момента введения уставных грамот до момента выхода на выкуп.

Нижеследующие сведения дают представление об этих изменениях в Тамбовской губернии:

у 33 056 крестья надел сократился на 24 775 д. 142 саж.;
у 10 190 крестьян надел увеличился на 4157 д. 2221 саж.;
22 578 крестьян получили в дар при переходе на выкуп 3393 дес. 1800 с.

Таким образом в целом по губернии крестьянский надел сократился на 17 223 д. 921 с. По другим губерниям черноземного центра наблюдалась и обратная картина или отсутствие каких-либо существенных изменений. Зато среди различных групп крестьян закономерности этих изменений прослеживаются более определенно. Как было сказано выше конкретный анализ причин и закономерностей этих изменений будет дан в докладе, одно замечание необходимо все же сделать. Изменения в крестьянском наделе не связаны с изменениями в количестве временнообязанных крестьян. Число крестьян, отказавшихся от надела, ничтожно: всего 361 чел. по губернии (0,1%), зато число крестьян, пожелавших сократить размер надела, весьма внушительно.

7. Вопрос о погашении помещичьей задолженности в результате выкупа непосредственно связан с осуществлением выкупной операции. Сам факт этой задолженности и ее размеры до сих пор продолжают служить в качестве важного компонента картины кризиса крепостной системы.

Сводные данные о задолженности и ее распределении среди различных категорий помещиков позволяют усомниться в правомерности такой трактовки задолженности.

Одновременно сравнение данных о задолженности и выкупных ссуд опровергает усиленно поддерживавшийся реакционным дворянством тезис об «оскудении» дворянства в результате выкупной операции.

По той же Тамбовской губернии помещики погасили свой долг в сумме 12 378 659 р., за счет крестьянских выкупных платежей, что составляет только 42,3% выкупной ссуды.

Н. Н. ЛЕЩЕНКО

Институт истории АН УССР

РЕФОРМА 1861 ГОДА В ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО УСТАВНЫМ ГРАМОТАМ

1. Хотя отмена крепостного права в России, в том числе и на Украине, и имеет широкую литературу, все же ряд вопросов данной проблемы еще не получил должного освещения в нашей литературе. К ним относятся такие вопросы как степень обезземеления крестьян, размер отрезанной или прирезанной земли, сумма выкупных платежей начисленных на крестьян, размер дополнительного платежа, взысканного помещиками с крестьян, сумма долга, лежавшего на помещичьих имениях и погашенного во время проведения выкупной операции, количество перенесенных усадьб и другие важные, но недостаточно изученные вопросы.

2. Важным источником для глубокого изучения результатов реформы являются уставные грамоты и выкупные договоры и акты, хранящиеся в фондах крестьянских и выкупных учреждений, которые до сих пор изучены недостаточно. В работах советских историков приведены полные данные уставных грамот и выкупных документов лишь по 2-м из 7 уездов Херсонской губернии. Данные других уездов еще не были в научной обработке.

3. Изучая уставные грамоты и выкупные материалы, мы встретились с рядом трудностей, связанных с несовершенством этого источника. В частности сведения о дореформенных наделах не всегда точны, чаще всего они меньше

действительных наделов, в ряде грамот вместо соответствующих данных приводятся оговорки вроде «крестьяне постоянного надела не имели и пользовались землей по усмотрению владельца» или «сколько состояло земли в пользовании крестьян до обнародования Положения определить нельзя, ибо они пользовались по мере сил каждого»[1] или еще «крестьяне пользовались землей по мере надобности»[2]. По многим селам уставные грамоты не фиксируют размера выгона, находившегося до рефермы в общем пользовании крестьян и помещиков. Все это, естественно, уменьшает данные о количестве земли, находившейся в пользовании крестьян до реформы, а следовательно и размер произведенных от нее отрезков.

4. Анализ уставных грамот и выкупных материалов показывает, что главнейшим следствием проведения реформы 1861 года в Херсонской губернии, как и всюду, было массовое обезземеление крестьян, уменьшение и замена их наделов худшими землями, разорение и помещичья кабала. Однако реализация законоположений 19 февраля на Херсонщине имела и свои характерные черты, обусловленные спецификой экономического и исторического развития этого района. Здесь имелась значительная прослойка дворовых, которые были отпущены «на волю» без земельных наделов. Это, как и низкие продажные и арендные цены, широкие возможности для заработков и высокие выкупные платежи, обусловили отказы части крестьян от земли или переходы в разряд дарственников, что вместе с принудительными отрезками привело к значительному сокращению — крестьянского землепользования, к росту малоземелья и нищеты. Это обстоятельство подтверждается анализом уставных грамот этого района.

5. По данным редакционных комиссий, в Херсонской губернии насчитывалось 151 533 крепостных помещичьих крестьян, из них дворовых — 27 938, на издельной повинности — 123 547 и на оброчной повинности — 48[3]. В 1346 уставных грамотах, хранящихся в фонде Главного выкупного учреждения ЦГИА СССР в Ленинграде, числится 126 091 душ[4].

---

[1] П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 280.

[2] ЦГИА СССР, ф. Главного выкупного учреждения, оп. 46, д. 69.

[3] А. Скребицкий. Крестьянское дело в царствование императора Александра II, т. 3, Бонн на Рейне, 18.55, стр. 1252—1253.

[4] ЦГИА СССР, ф. Главного выкупного учреждения, оп. 46, д. I—1278.

Кроме того, 15 522 ревизские души получили дарственные наделы[1]. Следовательно, общее число душ по этим сведениям составляло 141 613, или 93,45% всех крестьян, значащихся в материалах редакционных комиссий.

6. Из 126 091 ревизских душ, числящихся в изученных нами уставных грамотах, получили надел 101 282 душ, 80,3%. Остальные 24 809 ревизских душ, или почти 1/5 их общего числа вышли из крепостной зависимости без земельных наделов. Особенно много крестьян не получило наделов в Ананьевском и в Елисаветградском уездах. В первом из них они составляли около 25% и во втором — более 27%. Это объясняется, с одной стороны, наличием здесь значительного числа дворовых крестьян, не наделявшихся земельными участками, и, с другой стороны, массовыми отказами разорившихся крестьян от получения наделов.

7. Из 1346 уставных грамот подписано крестьянами 755, по 8 грамотам сведения отсутствуют и остальные 583 грамоты (43,3% их общего числа) были введены в действие без согласия крестьян. В отдельных уездах Херсонской губернии удельный вес грамот, не подписанных крестьянами был еще выше. Так, например, в Ананьевском уезде он составлял 56,9%, в Елисаветградском — 62,9% и в Херсонском — 63,8%. Причины отказа крестьян от подписи грамот не указаны. Но из донесений губернаторов и других должностных лиц в правительственные органы видно, что причиной этому был грабительский характер реформы.

8. В результате проведения реформы общая площадь крестьянского землепользования в губернии уменьшилась по данным редакционных комиссий и статистики поземельной собственности 1877—1878 годов с 522 608 до 451 105 дес., то есть на 71 503, или на 13,7%. На самом деле сокращение площади было более значительное. Причем подавляющее большинство крестьян губернии сохранили свои прежние наделы, часть крестьян немного увеличили их и часть — потеряли значительное количество дореформенных земель.

9. Прирезка земли была произведена по 314 грамотам. Общий размер прирезков составлял 25 458 дес. 553 саж. По 136 грамотам наделы крестьян были уменьшены на 20 844 дес. 1954 саж.

При переходе на выкуп число крестьянских наделов

[1] См. Дарственное надельное землевладение крестьян, СПБ, 1908, стр. 44—45.

уменьшилось на 503, а площадь надельного землевладения сократилась на 4681 десятину.

10. За отведенные в надел 387 263 десятин земли был начислен выкуп в сумме 12 901 707 р. 06 коп. Из этой суммы 11 074 996 руб. 07 коп. крестьяне получили ввиде ссуды от правительства, которая за вычетом 28 804 484 руб. 28 коп. долга, лежавшего на имениях, была выдана помещикам частью наличными деньгами, частью пятипроцентными государственными банковыми билетами или выкупными свидетельствами. За «содействие» в выкупе крестьяне должны были вместе с погашением ссуды уплатить государству и значительные проценты. Выплачивая ежегодно по 6% ссуды, они в течение 49 лет должны были внести государству более 32,5 млн. рублей.

11. Кроме выкупных платежей в казну крестьяне Херсонской губернии обязаны были уплатить помещикам наличными деньгами или отработать 1 826 711 руб. дополнительного платежа, составлявшего 20—25% выкупной стоимости земли. Из этой суммы 396 517 руб. 55 коп. помещики уступили крестьянам, по 31 грамоте с согласия крестьян заменили отработками, а остальную сумму дополнительного платежа крестьяне вносили помещикам наличными деньгами.

12. Из 1346 сельских обществ Херсонской губернии, перешедших на выкуп, в 1029 обществах (76,49% их общего числа) он был совершен с согласия крестьян и оформлен выкупными договорами, в остальных 317 (23,51%) по требованию помещиков.

13. В целях закрепления за собой наиболее плодородных участков помещики сносили крестьянские дома, хозяйственные постройки, уничтожали фруктовые сады без какого бы то ни было вознаграждения или же выплачивая незначительную часть фактической их стоимости. В ряде мест помещики насильно переселяли на пески, яры и косогоры целые села, разоряя при этом сотни крестьянских хозяйств.

По нашим подсчетам, из 1346 грамот губернии перенесение усадеб предусматривалось 686 грамотами (50,96% их общего числа). Было полностью перенесено 94 села с населением в несколько десятков тысяч человек. Кроме того, в 592 других селах было переселено на худшие земли 3 071 крестьянское семейство.

14. Полукрепостнический характер реформы, обрекав-

ший крестьянские массы на кабалу и разорение, вызвал их решительный протест, которым было охвачено в 60-х годах XIX века не менее 106 сел с населением свыше 50 тысяч человек. Эта самоотверженная борьба крестьян имела большое прогрессивное значение, она способствовала развитию более прогрессивных, капиталистических отношений во всех сферах общественного производства.

С. О. ШМИДТ

Институт истории АН СССР

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVI В. В НОВЕЙШЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тезисы опубликованы в книге «тезисы докладов и сообщений седьмой (Кишиневской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы»

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПЯТОЙ СЕКЦИИ

«КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ (X — НАЧАЛО XX ВВ.)»

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Институт истории АН УССР

АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 945 ГОДА

1. Древлянское восстание 945 года — древнейший взрыв классовой, антифеодальной борьбы на Руси, зафиксированный в письменных источниках.

2. В «Повести временных лет» статья 945 г. подверглась позднейшей редакции, в результате чего изложение событий затемнено. Это привело к искаженной трактовке события в литературе (мнение, будто бы восстание началось во время «полюдья» Игоря Рюриковича).

3. Сравнение сообщений «Повести временных лет» с данными других летописных сводов (1 Новгородская летопись и др.), а также — некоторых иностранных источников позволяет более или менее полно реконструировать суть и ход события, в частности — выяснить роль Свенельда и его сыновей.

4. Восстание 945 г. было сложным переплетением отношений, ярко отразивших общую социальную ситуацию в раннефеодальном государстве, в которой нашли свое отражение различные противоречия (помимо борьбы крестьян против феодальной эксплуатации — столкновения отдельных групп феодалов, местной племенной и центральной власти и т. д.).

5. В 942 г. великий князь Игорь Рюрикович пожаловал деревскую волость в лен Свенельду, что вызвало недовольство киевской дружины. В 945 г. Игорь под давлением своего окружения предпринял попытку отнять у Свенельда его лен, что и было причиной похода, закончившегося смертью князя.

6. Восстание древлян началось не во время «полюдья», а в условиях столкновения между двумя группами киевской феодальной верхушки.

7. Восстанием воспользовались древлянские феодалы во главе с князем Малом с целью отложиться от Киева. Это послужило причиной нового похода, осуществленного Ольгой в 946 г. и закончившегося взятием и разгромом Коростеня.

8. Крестьянское восстание 945 г., имевшее большой общественный резонанс на Руси, повлекло за собою известную регламентацию и упорядочение феодальных повинностей (административная реформа Ольги 946 года).

А. Д. ГОРСКИЙ

Московский университет

«ПРАВЫЕ ГРАМОТЫ» XV — НАЧАЛА XVI В. КАК ПАМЯТНИКИ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН ЗА ЗЕМЛЮ

Судебные акты XV — начале XVI в. — «правые грамоты» (и «судные списки») давно привлекли внимание исследователей, как памятники, содержащие ценный материал по самым разнообразным вопросам истории Руси. Советскими учеными вскрыто важное значение судебных актов, как источников по истории классовой борьбы русского крестьянства, и использования их материалов для освещения этой борьбы стало правилом (см., например, работы Л. В. Черепнина, А. И. Копанева и др.).

Однако специального, всестороннего анализа документов как источников по истории борьбы русских крестьян в XV — начале XVI в. до сих пор проведено не было.

Между тем такого рода анализ может не только дополнить и конкретизировать сведения о сохранившемся комплексе этих документов, но также расширить, углубить и уточнить наши представления по ряду вопросов самой крестьянской борьбы за землю в ту эпоху.

Попытка такого анализа и делается в настоящем сообщении. Проведение этой работы облегчается тем, что сейчас имеются первоклассные публикации текстов всех известных в настоящее время «правых грамот» и «судебных списков» XV — начале XVI в., (прежде всего в сборниках: «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I, М., 1951; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», тт. I—III, М., 1952—1964).

В результате проведенных наблюдений выяснилось, что «правых грамот» и «судебных списков» (в подлинниках или списках), содержащих те или иные сведения о борьбе русских крестьян за землю в XV — начале XVI в. (до 1505 г. включительно) сохранилось более ста. Это, конечно, далеко не весь комплекс действительно существовавших грамот такого типа.

Подавляющее большинство этих документов относится ко второй половине XV — началу XVI в., однако ряд сведений, имеющихся в них восходит к более ранним временам.

Количество и расположение уездов, к которым относятся анализируемые акты, свидетельствуют о практически

повсеместной распространенности на основной территории тогдашней Руси, отраженных в них явлений.

Объектами тяжб, зафиксированных изучаемыми грамотами, являлись самые различные как по размерам, так и по качеству земли.

В земельных тяжбах принимали участие как черные, так и дворцовые и частновладельческие крестьяне. Крестьяне выступали в ходе судебных разбирательств в качестве истцов, ответчиков, свидетелей и «судных мужей».

В «правых грамотах» и «судных списках» имеются данные в основном о двух формах борьбы крестьян за землю: об обращении их в суд (для возбуждения земельной тяжбы) или о явочных захватах ими земель, являющихся предметом тяжбы.

Масштабы и степень участия крестьян в этих формах борьбы самые различные, начиная с возбуждения отдельными крестьянами исков по земельным тяжбам и кончая насильственным возвращением целой волостью захваченной у нее ранее частным феодалом земли. Рассматриваемые документы содержат сведения и о большом упорстве крестьян в стремлении отстоять обрабатываемую ими землю от посягательств со стороны, о значительной роли черных волостей в борьбе против наступления частных феодолов на черную землю и т. д.

Вместе с тем «правые грамоты» и «судные списки» отразили и слабые стороны борьбы крестьян за землю (стихийность, неорганизованность, несогласованность, разрозненность, раздробленность, «локальность» этой борьбы). Эти слабые стороны борьбы крестьян, во-первых, не могли не влиять отрицательно на исход (для «крестьянской» стороны на суде) этой борьбы, во-вторых, нередко позволяли феодалам использовать ее (то-есть борьбу отдельных крестьян или целых групп крестьян за обрабатываемую или обработанную ими землю) в своих целях.

«Правые грамоты» и «судные списки» XV — начале XVI в. являются, таким образом, важными источниками для всестороннего изучения сложной картины борьбы крестьян за землю в период образования Русского централизованного государства.

Л. П. ЛАПТЕВА

Московский гос. университет

«БОРЬБА ХОДОВ В ЧЕХИИ ПРОТИВ ПОПЫТОК ИХ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ В XVII ВЕКЕ».

1. Ходы — крестьяне, жившие на границе чешского королевства с Баварией и охранявшие эти границы, особенно торговый путь на Регенсбург, имевший чрезвычайно важное значение для связей Чехии с Баварией. Одной из основных повинностей ходов было защищать неприкосновенность чешской пограничной территории, обходить в определенные сроки границу и проверять наличие пограничных отметок. Отсюда и их название. Во время пограничных инцидентов все ходы почти поголовно вступали в схватку и задерживали нарушителей границ до прибытия королевских войск из ближайших гарнизонов.

2. История ходов не изучалась ни в русской дореволюционной, ни в советской историографии. Советский читатель может знакомиться с ней лишь по переведенному на русский язык историческому роману А. Ирасека «Псоглавцы». Многочисленные источники по истории ходов использованы лишь чешскими историками, в первую очередь Ф. Роубиком («История ходов у Домажлиц», 1931). Изучение ходских восстаний началось еще в середине XIX века книгой Вейзеля «Процесс ходов». Далее о ходах писали Эрбен, Эмлер, Пангерл, Ранда, Штрер, Теплы и др. С марксистских позиций ходские сюжеты рассматриваются в работе В. Сладкого (1948) и в недавней книге Ф. Роубика и К. Вахала (1960).

3. Ходы сидели на королевских землях, подчинялись непосредственно королю и отличались от других его подданных большим количеством привилегий — как зафиксированных письменно так и бытовавших в старом обычном праве и не отраженном в документах. Король имел право отдавать в залог и даже продавать ходские села.

4. Неся пограничную службу, ходы в то же время платили королю натуральные и денежные взносы, а в случае передачи ходских сел в залог — взносы новому господину. Ходы не отбывали отработочных повинностей, что и было их главной привилегией.

5. Пограничная колонизация, частичная вырубка лесов, а также изменения в военном деле, происшедшие в XVI ве-

ке, ослабили военную силу ходов. Немногочисленное ходское население не могло противостоять крупным армиям, военное значение ходов утрачивалось. С этого времени соседние с ходами феодалы пытаются превратить их в зависимых крестьян, что им однако долго не удается. В конце XVI века ходы даже добились расширения своих привилегий — отмены многих денежных и натуральных взносов и поставок и расширения самоуправления.

6. Потеря Чехией независимости в результате подавления восстания 1618—1620 гг. и изменения в экономическом развитии, приведшие к установлению барщинной системы в стране и торжеству второго издания крепостничества, поставили под угрозу самое существование ходов, этого последнего островка относительно независимого населения. Объективные процессы экономического развития, расширение хозяйства землевладельцев требовали дополнительной рабочей силы, в то время как рынок этой силы еще далеко не сложился. Новые феодалы, пришедшие после 1620 года в чешские земли, настойчиво пытаются поставить ходов под свою зависимость. Расцениваемые буржуазной литературой как «вероломство», эти действия феодалов в сущности лишь отражают объективные экономические процессы.

7. Ожесточенная борьба ходов — особенно с феодальным родом Ламингенов — продолжалась в течение всего XVII века и прошла через несколько этапов. Ходы не выдвигали в процессе этой борьбы новой программы, стремясь лишь сохранить старые привилении: личную свободу, самоуправление, свободу от отработочной повинности и т. п. В борьбе с феодалом использовались различные средства. Посылая в Прагу и Вену делегации с петициями и судебными жалобами, ходы в то же время устраивали забастовки и саботаж, что поддерживало действие ходоков.

8. В 1668 году ходы потерпели поражение в очередном судебном процессе и были осуждены на «вечное молчание». Однако борьба не прекратилась. Кульминационный момент наступил в 1693 г., когда вспыхнуло вооруженное восстание. Упорное сопротивление ходов было сломлено войсками, вожди восстания казнены, множество участников репрессировано, привилегии ходов ликвидированы.

9. Борьба ходов за свободу — один из фактов ожесточенного сопротивления крестьянства наступлению второго издания крепостничества. Выступление ходов в 1693 году —

одна из ярких страниц истории движения народных масс в Чехии периода позднего феодализма. Несмотря на сравнительно высокий уровень жизни ходского населения по сравнению с крестьянами других областей (хотя, разумеется, не все ходы были одинаково зажиточны), именно ходский край явился последним оплотом борьбы за свободу. Борьба ходов — одно из доказательств того факта, что выступления крестьян в период феодализма не всегда определяются их тяжелым материальным положением, не всегда объясняются жестокой феодальной эксплуатацией.

Е. М. АПАНОВИЧ

Институт истории АН УССР

ЦЕЛИ И СТРЕМЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ КЛАССОВ И РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП УКРАИНЫ В БОРЬБЕ ЗА ЗЕМЛЮ ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ 1767 Г.

1) Во второй половине XVIII в. на Украине значительно усилилась тенденция феодального развития. Эта тенденция представлялась украинским шляхетсвом, козацкой старшиной и русским царизмом. Они использовали аппарат политической власти для подавления общеисторической прогрессивной для того времени тенденции буржуазного развития, которая начала проявляться на Украине уже с конца XVI в. В области политики и социальных отношений на Украине в тот период идет усиленный процесс закрепощения крестьянства и казачества, осуществляется царизмом окончательная ликвидация автономии Украины и уничтожение Запорожской Сечи.

2) В преобладающей массе архивных источников XVIII в,. представляющих собой фонды царских учреждений, старшинских козацких урядов, фамильные фонды крупных феодалов и фонды монастырей, прежде всего нашел отражение хорошо известный в исторической литературе и учебниках процесс развития феодального землевладения.

3) Материалы Комиссии в этом отношении совершенно уникальны и существенно отличаются от других архивных источников XVIII в. В материалах Комиссии запечатлены программы, цели, идеи и стремления отдельных классов и

различных социальных групп, в том числе и крестьянства, голос которого до этого никогда не звучал в официальных документах.

Поэтому документы Комиссии (наказы депутатам и протоколы выступлений депутатов в Комиссии), ярко показывая различные тенденции социального, экономического, политического, национального и культурного развития, отражают и те глубинные и, несмотря на подавление, упорно развивающиеся, процессы новых буржуазных отношений.

4) Поскольку форма землевладения представляет одну из главных сторон антифеодальной тенденции исторического развития, то и вопрос земельных отношений занял значительное место и в наказах и весьма активно обсуждался на заседаниях Комиссии.

5) Не только классовая принадлежность, но и различие социально-экономического и политического положения отдельных частей Украины определило специфику решения земельного вопроса в наказах и выступлениях депутатов.

6) От Новороссийской губернии, где в силу специфических экономических и социальных условий наблюдается интенсивный процесс капитализации старшинского класса, выразителями тенденции буржуазного развития выступают шляхетские и дворянские депутаты.

Поддерживают эту тенденцию депутаты Запорожской Сечи, которые также являлись представителями запорожской старшины.

7) В документах казаков Левобережной Украины и бывших казаков Слободской Украины («войсковых обывателей») и Новороссийской губернии (пикинеров) центральное место занимает вопрос о казацком землевладении, в котором были заложены тенденции буржуазного развития. Казачество боролось за укрепление казацкого землевладения и восстановление его в тех частях Украины, где оно было ликвидировано в результате реформ царского правительства.

8) Одновременно представители украинских казацких и городских низов, поддержанные русскими крестьянскими депутатами и депутатом Донского войска Алейниковым, требовали ликвидации крупной феодальной поземельной собственности и возвращения ее мелким свободным владельцам, ликвидации крепостничества, что способствовало бы общему подъему страны, росту сельскохозяйственного производства и усилению развития капиталистических тенденций.

М. К. СТЕПЕРМАНИС
Латвийский гос. университет

ПИСЬМЕННЫЕ ЖАЛОБЫ ЛАТВИЙСКИХ КРЕСТЬЯН — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН В XVIII В.

1. Латвийские историки не уделяли до сих пор должного внимания письменным жалобам крестьян XVIII в. Между тем эти документы представляют собой единственный в своем роде исторический источник, имеющий важное значение для изучения целей антифеодальной борьбы, способа мышления и мировоззрения крестьян.

2. Письменные жалобы латвийских крестьян XVIII в., написанные на латышском, эстонском и русском языках, хранятся в разных архивах — Центральном государственном историческом архиве Латвийской ССР, центральных архивах СССР в Ленинграде и Москве, а также в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту. До сих пор удалось обнаружить лишь сравнительно небольшое число оригиналов крестьянских жалоб, главным образом второй половины XVIII в. Незначительная часть этих документов опубликована.

3. Письменные жалобы латвийских крестьян можно разделить на две группы: а) жалобы, написанные от имени и по поручению крестьян; б) жалобы, составленные, написанные и подписанные самими крестьянами. Наибольший интерес представляет вторая группа, потому что в составленных самими крестьянами документах находит особенно яркое выражение антифеодальная классовая борьба крестьян, отчетливее выступают экономические и политические цели этой борьбы. Документы второй группы имеют также определенную филологическую и терминологическую ценность.

4. Письмены жалобы крестьян вызывали резкую реакцию господствующих классов. Авторов жалоб арестовывали, допрашивали и подвергали суровым наказаниям.

5. Письменные жалобы крестьян привлекают внимание историка классовой борьбы крестьян прежде всего благодаря тому, что они по содержанию своему в весьма значительной степени отличаются от пересказов крестьянских жалоб, включенных в протоколы заседаний судебных учреждений, ландтагов и т. п. учреждений прибалтийского

дворянства. В протоколы содержание жалоб в своей интерпретации записывали дворяне или состоявшие на службе у дворянства чиновники, враждебно настроенные по отношению к крестьянам, письменные же жалобы крестьян вскрывали односторонность и тенденциозность этих протокольных записей и вынуждали генерал-губернатора и представителей дворянства искать перед правительством каких-то оправданий за свои действия.

Т. Л. КОНЮХОВА

Московский университет

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДЕРЕВНЕ ВИЛЕНСКОЙ И КОВЕНСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМЫ КИСЕЛЕВА (1840—1857 гг.)

I. Крестьянское движение в государственной деревне Виленской и Ковенской губерний в период реформы Киселева имело в своей основе целый ряд политических и социальных предпосылок:

а. Большую роль сыграли традиции национально-освободительного движения (восстание под руководством Т. Костюшки, участие крестьян в восстании 1830—31 годов).

б. Влияние революционного движения в странах Западной Европы (Национально-освободительное движение в Италии, революция 1830 г. во Франции, Галицийские события 1846 г. и революция 1848 г.).

в. Агитационная деятельность эмиссаров от демократического крыла политэмиграции (Лелевель).

г. Разорение крестьянских хозяйств литовских губерний в период войны 1812 г. и восстания 1830—31 гг. и карательных экспедиций царских войск.

д. Усиление эксплоатации со стороны арендаторов (увеличение барщины, незаконные поборы, уменьшение надела при старых повинностях, жестокое обращение, сгон с казенных земель, закрепощение казенных крестьян арендаторами).

II. Первой попыткой успокоить государственных крестьян западных губерний была люстрация конфискованных у польско-литовских магнатов имений за участие в восста-

нии 30 г., предпринятая в 1833—36 гг. Она должна была значительно облегчить положение крестьян, но эта люстрация не была завершена.

III. Реформа Киселева являлась новой попыткой успокоения крестьянского движения. Она также проводилась с целью облегчения положения крестьян, но отличалась более широкой программой.

Основное содержание реформы сводилось к ликвидации арендной формы эксплуатации казенных имений, к замене ее казенным управлением по исчисленному люстрацией доходу, проведению новой люстрации (описание, инвентаризация) имениям с целью точного определения крестьянских повинностей соответственно качеству владеемых участков, к введению нового административного устройства на началах наблюдения и попечительства о крестьянском хозяйстве и быта.

Принципы реформы зафиксированы правительством в двух законах от 28 декабря 1839 г. (II ПСЗ, т. XIV, Отделения. 1, ст. 13035, 13036).

IV. Люстрация являлась отправной частью реформы Киселева. Она выражала новую аграрную политику правительства в отношении государственных крестьян западных губерний. Люстрация должна была, по мнению правительства, заложить основу благосостояния казенной деревни путем ликвидации со временем категорий малоземельных и безземельных крестьян.

Сначала люстрация велась при сохранении барщины (на «хозяйственном положении»), а затем — под влиянием крестьянских требований — правительство было вынуждено с 1844—45 гг. заняться переводом на оброк по временным (до люстрации) инвентарям.

Однако практика проведения в жизнь люстрации шла в разрез не только с чаяниями крестьян, но и с намерениями самого правительства.

Репрессии правительства не могли подавить национально-освободительного движения. Революционно-демократические кружки остались в Виленской, Ковенской, Минской, Подольской, Волынской и Киевской губерниях. Последователи Конарского в условиях полицейского надзора проникали в местный аппарат, который должен был проводить люстрацию. Они занимали должности люстраторов, писарей и чиновников канцелярий губернаторов и генерал-губернаторов.

V. Недостатки люстрации — ее медлительность, плохое качество землемерных работ, неправильная оценка земель — влекли переделки, увеличившие стоимость работ в три раза против ассигнований и подорвали всякую возможность повышения благосостояния крестьян, на которое уповало правительство.

Люстрация подверглась критике со стороны господствующего класса, поскольку нанесла ущерб интересам казны, личным привычкам и выгодам вотчинников (Н. М. Муравьев, графиня Потоцкая и большинство арендаторов). Реформа вызвала сопротивление крестьян, которые жаловались на то, что: без их ведома уменьшались участки (отрезки по Ковенской губ. доходили до 17,4%); их пахотные земли заменялись на участки заросшие кустарником и лесом, что крестьяне воспринимали как издевательство; земли оценивались заведомо неправильно (плохие как — посредственные, а посредственные как — хорошие); все крестьянские земли оценивались вдвое дороже фольварковых; на недостаток лугов; на отсутствие запасных участков для желающих перейти в высший разряд, хотя посторонние люди занимали 12—13% казенных земель; на притеснения администраторов.

VI. Крестьянское движение, как и прежде, носило форму подачи жалоб начальству, невыполнения барщины, уклонение от рекрутчины. Кроме того оно приобретало еще новые формы: 1) неподписание люстрационных актов; 2) религиозная борьба с православием, инспирируемая местным духовенством; 3) вольнодумство в годы реакции и усиленного надзора; 4) оно впервые в истории крестьянского движения слилось с движением городских низов.

При работе с источниками выявлены следующие типы неповиновения:

а) отказ от барщины;

б) неуважение к представителям новой власти. Крестьяне не являлись по вызову начальства на сходы, не выбирали рекомендованных начальством лиц, а выбирали пострадавших за общественное дело. Наконец, они проявляли явную дерзость, наступая на чиновника палаты гос. имуществ с палкой в руках. (им. Красно Вил. губ. — 1843 г., им. Ораны Вил. губ. — 1844 г., им. Сморгонь Вил. губ. — 1844 г.);

в) уклонение от рекрутчины принимало форму вооруженной стычки с приставами. Мобильные отряды беглых

рекрутов скрывались в лесах и получали официальное название «разбойничьих шаек». (Красногороское сельск. общ. Ков. губ.);

г) неподписание люстрационных актов по причине неудовлетворительного перераспределения земли и отрезков имела место в имении Сморгонь, где события настолько бурно развивались, что на протяжении нескольких лет в имение три раза вводились войска. Под влиянием этого волнения волновались крестьяне соседных казенных имений и крестьяне помещиков Пуславского и Вольского.

Здесь была проведена неудачная попытка связать неповиновение крестьян с общедемократическим движением;

д) религиозная борьба протекала в ряде имений под влиянием католического духовенства внушавшего в костелах прихожанам идею борьбы с православием;

е) вольнодумство среди государственных крестьян. Особенно ярко оно проявлялось в годы Крымской войны, когда литовские крестьяне ждали прихода французов и критически отзывались об «успехах» русской армии;

ж) слияние стихийного крестьянского движения с деятельностью тайного общества ремесленников в городе Вильне имело положительное значение, так как общество имело политическую программу.

Особенно сильным было движение крестьян в конфискованных у шляхты имениях (Ушполь, Войстом, Ораны, Замок, Сморгонь и др.), которых насчитывалось в обеих губерниях 38. Правительство не без оснований усматривало в этом результат деятельности эмиссаров.

VII. Движение государственных крестьян, как и помещичьих, в западных губерниях сыграло большую роль в ускорении подготовки крестьянской реформы 1861 г. Первый рескрипт о приступе к реформе был дан на имя Виленского генерал-губернатора Назимова.

К. Г. КАКОВСКИЙ

Украинская
сельскохозяйственная академия

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И УКРЕПЛЕНИИ СОЮЗА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ГАЛИЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX И НАЧАЛО XX в.)

Вопрос о союзе рабочих и крестьян советскими историками применительно к Галиции специально не исследовался.

При рассмотрении данного вопроса следует учитывать те новые условия, которые складывались в Европе в связи с перемещением центра революционного движения с Запада на Восток, а также в связи с большим влиянием революционного движения в России на другие страны. В то же время правильное понимание связанных с этим вопросам событий возможно также при учете конкретной социально-экономической обстановки, сложившейся в рассматриваемом нами периоде в истории Галиции.

Процесс становления и развития единства в революционной борьбе рабочих и трудящихся масс крестьянства составляет политическую основу, на которой формировался союз рабочих и крестьян Галиции. Этот исторический процесс проходил по следующим этапам:

1) вызревание первоначальных форм единства в революционной борьбе рабочих и крестьян Галиции после отмены крепостного права до 1890 года.

2) Формирование общих задач и методов в классовой борьбе пролератиата и крестьянства Галиции в период 1890—1904 гг.

3) Подъем революционного движения в 1905—1907 гг. под влиянием первой русской революции — главное условие складывания и укрепления основ союза рабочих и крестьян Галиции.

Центральное место в крестьянских выступлениях Галиции в период 1848—1890 гг. занимала борьба против феодальных пережитков, которая объединяла широкие массы крестьянства. Наибольший удельный вес среди этих выступлений приходился на борьбу за леса и пастбища. Динамика этих выступлений в Восточной Галиции указывает на то, что наиболее активно это движение развивалось в первые два десятилетия второй половины XIX века (697 из 871 —

за 50 лет). Начиная с 70-х годов наметился спад этих выступлений. В Галиции-же начало рабочего движения приходится на 70-е годы (выступление типографских рабочих, пекарей, строительных рабочих в различных городах Галиции), в которые и начинается вызревание первоначальных форм единства классовой борьбы рабочих и крестьян.

Стихийность и значительное преобладание экономической борьбы соответствовали зачаточному классовому самосознанию. Этому способствовала определенная близость идеологии рабочих мелких, ремесленных, кустарных предприятий и трудящихся масс крестьянства.

Классовое единство интересов рабочих и эксплуатируемых масс крестьянства Галиции складывалось так же на основе общих целей борьбы против многих помещиков, которые выступали одновременно в роли эксплуататоров не только крестьян, но и рабочих на принадлежавших им промышленных предприятий, а также предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, период 1848—1890 гг. в истории Галиции можно рассматривать, как важный период созревания объективных политических, экономических и идеологических предпосылок объединения классовых интересов рабочих и трудящихся масс крестьянства, применения первоначальных форм классовой борьбы и создания первоначальных организаций.

Период 1890—1904 гг. в истории Галиции характеризуется вступлением Австрии и ее провинций в империалистическую стадию развития, а, следовательно, обострением противоречий во всех сферах политической и экономической жизни. Процесс влияния революционной борьбы рабочих на выступления крестьян, становление и укрепление единства в борьбе за демократические преобразования против помещиков и капиталистов начинает приобретать более четко выраженные формы.

Одной из главных форм этой борьбы в Галиции становится забастовочное движение рабочих и массовые крестьянские стачки. Последние по своей форме весьма близки к забастовкам рабочих. О развитии этого движения со всей убедительностью говорят следующие данные: 1891 году количество забастовок рабочих было 3, а число участвовавших в них рабочих — 227 человек; в 1904 году соответственно — 46 и 9750 человек. Крестьянское движение особенно большого размаха приобретает в первые годы XX столетия (кре-

стьянские стачки в 900-х годах; массовое крестьянское движение в 1902—1903 гг.)

Период 1890—1904 гг. знаменовался ростом массового рабочего движения и под влиянием последнего развитием массового крестьянского стачечного движения. Ленинская газета «Искра» писала, что в этом движении в одинаковой степени принимали участие как мелкие крестьяне, так и настоящие рабочие пролетарии.

Этот период характеризуется также вступлением в классовую борьбу не только промышленных рабочих, но и значительно возросшего за последнее время отряда сезонных рабочих, занятых на строительстве железных дорог, шоссейных дорог, домов, мостов и т. д.

Об участии в общем забастовочном движении этой категории рабочих говорят следующие цифры: процент строительных рабочих в забастовочном движении Галиции в годы 1896—1897 составлял 70 процентов; в 1902 году — 72 процента; в 1903 году — более 80 процентов.

Если же учесть большую армию рабочих, занятых на предприятиях по переработке сельскохозяйственных продуктов, а также постоянных и сезонных сельскохозяйственных пролетариев, работавших у помещиков и арендаторов, то становятся ясными условия, в которых происходил процесс формирования союза рабочих и крестьян Галиции.

Забастовочное движение рабочих и крестьян Галиции было одной из главных форм классовой борьбы в этот период не только за удовлетворение экономических, но также и политических требований.

Это находит свое выражение в том, что общедемократические цели рабочих и крестьян Галиции совпадали при ведущей роли пролетариата.

Архивные документы, пресса, характеризующие формы классовой борьбы рабочих и крестьян Галиции, указывают на их близость и общность (массовые митинги, собрания, столкновения с жандармами и войсками, участие представителей от рабочих и крестьянских организаций, выдвижение требований к Сейму, Парламенту и т. д.).

Таким образом, период 1900—1904 гг. в истории Галиции указывает на то, что в первые годы империализма процесс становления и развития единства в борьбе рабочих и крестьян находил свое выражение в общности целей борьбы, а также в складывании более или менее однородных форм

классовой борьбы, в проявлении солидарности между рабочими и крестьянами.

Первая русская революция оказала огромное влияние на развитие революционной борьбы как в целом Австрии, так и Галиции. Для этого периода характерной чертой является рост забастовочного движения рабочих, а также рост массового стачечного движения крестьян, проходившие несомненно под влиянием революционных событий в России. Количество рабочих забастовок за период 1905—1907 гг. (то-есть за два года) выросло по сравнению с последним десятилетием 19-го века (1891—1900 гг.) более чем в три раза, а количество участников рабочих забастовок возросло соответственно на 25 процентов. Выступления рабочих отдельных предприятий сменились массовыми более организованными выступлениями пролетариата.

Крестьянское стачечное движени, главным образом в Восточной Галиции, в 1906 году носило также массовый характер. С февраля по июнь 1906 года крестьянские стачки происходили в 236 гминах 27 уездов, а с июля по август соответственно — в 283 гминах 31 уезда. В крестьянских стачках можно было видеть переплетение требований классовой и национально-освободительной борьбы.

Исследование различных архивных источников приводит к выводу, что ярким свидетельством роста классовой и интернациональной солидарности рабочих и крестьян Галиции являлись такие формы борьбы: отказ крестьян во время забастовок рабочих на промышленных предприятиях наниматься на работу вместо бастовавших рабочих; сбор средств среди крестьян для оказания материальной помощи бастовавшим рабочим и их семьям; агитация промышленных рабочих за проведение крестьянских стачек против помещиков; участие крестьян пригородных сел в рабочих собраниях, демонстрациях и митингах.

Во время крестьянских стачек можно было неоднократно наблюдать факты, когда крестьяне из сел, неохваченных стачками, в знак солидарности с забастовавшими крестьянами, отказывались итти на работу к помещикам, где возникли стачки (крестьянские стачки в 1902, 1903—1906 гг.).

Новой чертой в борьбе рабочих и крестьян Галиции за право проведения празднования Первого мая явилось расширение рамок участия в этом движении рабочих и крестьян, общность лозунгов, под которыми проходили эти выступления в городах и селах (увеличение заработной пла-

ты, улучшение условий труда, введение обеспечения по нетрудоспособности не только для рабочих промышленных предприятий, но и сельскохозяйственных рабочих, введение всеобщего избирательного права, солидарность с революционным движением в России, с рабочими Австрии и других стран).

Влияние форм классовой борьбы пролетариата сказалось на крестьянских выступлениях. К таким формам относились стачки, стачечные комитеты, массовые легальные и нелегальные собрания крестьян одного или нескольких сел, собрание представителей от сел целого уезда и т. д.

Относительно немногочисленный пролетариат Галиции при всей его исторически сложившейся особенности, при всей сложности политической и экономической обстановки, сложившейся в Австровенгрии показал, что его сила и роль в обществе определяется не тем, составляет ли он большинство населения страны, а его энергией, организованностью, сознанием своей классовой роли, от которых зависит способность привлечь к себе в качестве союзника эксплуатируемые массы крестьянства.

М. С. ВОЛИН

Институт истории АН СССР

«СОРОКАЛЕТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В РУССКОЙ ПЕЧАТИ»

1. Сорокалетие падения крепостного права в России стало исходным пунктом революционного подъема начала XX века. 19 февраля 1901 г. на двух концах страны — в Петербурге и Харькове — состоялись демонстрации, разогнанные царской полицией. Так началось демонстрационное движение, широкой волной разлившееся по Руси в 1901—1903 годах. Возникновение революционной ситуации оказалось почти физически ощутимо связано с подведением народом итогов сорокалетия крестьянской реформы.

Третья революционная ситуация отличалась от первых двух, прежде всего, тем, что на арену общественной жизни выступила новая социальная сила — рабочий класс. Подведение в ходе массовой борьбы итогов реформы, ее результатов и последствий, наложило свой отпечаток на позиции разных классов. Это нашло свое выражение в откликах на

юбилей русской легальной и нелегальной печати. В этих откликах явственно определилась позиция классов русского общества по одному из основных вопросов — аграрно-крестьянскому.

2. Позиция полукрепостников-помещиков нашла свое выражение в многочисленных юбилейных статьях. Сквозь сплошной поток восхвалений «великой реформы» — «великий манифест», «светлая заря для всех грядущих веков русской истории»[1] и т. п. высокоторжественных декламаций прорывалась тревога. Она звучала в минорных рассуждениях князя Мещерского о дне 19-го февраля 1901 года: «В такой день, как нынешний, нам, видевшим 19-ое февраля на яву, и пережившим его душою, показалось, что мы среди каких-то чужих людей», ибо налицо было «печальное разобщение между стариками и младшим поколением».[2] Тревога звучала и в вынужденных признаниях, что переселения, полный или частичный отказ от земли свидетельствуют о том, что крестьянство не пришло к хозяйственной самостоятельности и обеспеченному будущему[3]. Отсюда делался вывод: «Облегчение крестьянских платежей, регулирование крестьянского землевладения, сельского устройства, — вот настоятельная задача к предстоящему полстолетию освобождения и самостоятельности крестьянского сословия.»[4]

3. Либералы остались верны своей позиции 1861 года. Бедствия крестьян и через 40 лет после реформы они видели в том, что «обновление русской жизни, начатое в освободительную эпоху, встречало в своем дальнейшем пути серьезные препятствия»[5]. Поэтому они призывали вернуться «на путь, указанный «Положениями» 19-го февраля»[6], твердили о необходимости «дальнейшего развития всех тех начал, которые положены были в основу освободительного движения 60-х годов»[7].

Программа либералов сводилась к следующим расплывчатым пожеланиям: «Пожелаем поэтому, чтобы, в интересах государства и народа, дело освободительной эпохи креп-

---

[1] См. например, «Южный край» № 6937 от 19 февраля 1901 г.
[2] «Гражданин» № 14, 22 февраля 1901 г., стр. 15.
[3] «Новое время» № 8973, 19 февраля 1901 г.
[4] Там же.
[5] «Русские ведомости» № 49, 19 февраля 1901 г.
[6] «Вестник Европы», 1901, кн. 1, стр. 370.
[7] «Русская мысль», 1901, кн. III, стр. 180 (вторая пагинация).

ло и росло, чтобы неуклонно совершалась великая работа по утверждению в нашем отечестве законности и гражданственности, по улучшению благосостояния народных масс, по широкому распространению в них основ просвещения»[8]. Требование мелкой всесословной единицы, принятое на пороге юбилея всероссийским агрономическим съездом, они считали «совершенно своевременным и совершенно отвечающим самым насущным запросам жизни в экономическом отношении»[9].

Главное либералы видели в довершении реформы в правовой области, в «обеспечении правого положения крестьян»[10]. Слово «земля» первоначально застревало у них в горле. Но жизнь неумолима и нельзя было в крестьянской стране обходить самый жгучий для деревни вопрос. Горящие помещичьи усадьбы на юге заставили либералов осенью 1902 года заговорить о необходимости «расширения крестьянского землевладения»[11].

4. На юбилей откликнулась и мелкобуржуазная демократия. По мнению либеральных народников реформа была началом решения крестьянского вопроса, суть которого «в том и состояла, чтобы интересы многомиллионной массы, вынесшей на своих плечах всю тяжесть тысячелетней истории, сделать центром и целью всей дальнейшей государственной жизни»[12]. Реформа пыталась «обеспечить свободному труду соответствующие условия — экономические и правовые»[13]. Но сделано было далеко недостаточно: крестьянин закрепощен государству, наделы недостаточны, во многих случаях нищенские, платежи непосильны. Однако общественная мысль считает крепостнический строй отжившим, в чем облыжно обвиняются марксисты, которые предали забвению крестьянство во имя классовых интересов «небольшой части трудящейся массы», т. е. рабочих. «И только тогда, когда интересы этой массы (крестьянской) опять найдут свою обобщающую идею, теоретическая мысль выберется из доктринских закоулков на прямую дорогу, а силы, расточаемые на малые дела, сомкнутся около одного

---

8 «Русские ведомости» № 49, 19 февраля 1901 г.
9 «Северный край» № 45, 19 февраля 1901 г.
10 «Освобождение» № 5, август 1902 г., стр. 65.
11 Там же, № 9, октябрь 1902 г., стр. 129—130.
12 А. Пешехонов. Крестьянский вопрос (По поводу его сорокалетия). — «Русское богатство», 1901, № 2, стр. 177.
13 Там же.

большого дела. А такой идеей в настоящее время может быть лишь та, которая лежала в основе крестьянского вопроса»[14].

Революционное крыло народничества к 40-летию крестьянской реформы находилось в тяжелом положении: партия эсеров только складывалась, издание нелегального органа лишь налаживалось. Однако дело не только, вернее не столько в этих трудностях. Народники, облыжно обвинявшие марксистов в пренебрежительном отношении к крестьянству, сами весьма скептически оценивали возможности революционной деятельности в деревне. Только крестьянское восстание весны 1902 года заставило эсеров, по меткому выражению Ленина, выступить «хоть с чем-нибудь похожим на программу». Летом 1902 года они опубликовали манифест, выдвинув в нем требование социализации земли, развития в деревне кооперации, защиты общины от разрушения[15].

5. В сороковую годовщину падения крепостного права только рабочий класс России выступил с программой революционного удовлетворения жгучих нужд крестьянства. Эту программу сформулировал Ленин в статье «Рабочая партия и крестьянство», опубликованной в марксистской общерусской политической газете «Искра».[16] В отличие от других политических направлений, стоявших на почве крестьянской реформы, в лучшем случае требовавших ее доведения до конца, марксистский авангард пролетариата призвал к революционному пересмотру реформы. Дворянским комитетам, проводившим реформу, Ленин противопоставил идею крестьянских комитетов, которые возьмут в свои руки решение наболевших вопросов деревенской жизни, в первую очередь возвратят крестьянам отрезки. В статье выдвигалась программа конкретных требований, направленных на ликвидацию остатков крепостничества в различных областях крестьянской жизни.

Иную позицию заняли оппортунисты. «Экономисты» встретили в штыки ленинскую аграрную программу. Они ограничились требованиями отмены податей, введения всеобщего бесплатного обучения, свободного самоуправления

---

[14] «Русское богатство», 1901, № 2, стр. 181 (второй отдел).

[15] См. См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 429—437.

[16] См. «Революционная Россия» № 8, июнь 1902 г.

деревни, уравнения крестьян в правах с горожанами[17]. Примечательно, что в этой программе, во многом совпадавшей с платформой либералов, не было ни слова о ликвидации остатков крепостничества, ни слова о земле крестьянам, ни слова о классовой борьбе в деревне.

Ленинская статья поставила историческую задачу организованного пролетарского воздействия на деревню, внесения в крестьянскую массу семян классовой борьбы и политического сознания. Сорокалетие крестьянской реформы было отмечено нелегальными прокламациями, изданными «Искрой», социал-демократическими организациями Екатеринослава, Киева, Костромы, Петербурга, Харькова. Отныне годовщины 19 февраля стали крупнейшей политической кампанией российской социал-демократии.

Искровская аграрная программа выдвинула перед крестьянами революционные лозунги борьбы против остатков крепостничества и гнета капитала. Она расширяла политический кругозор крестьянства, приучала его видеть в рабочем классе своего стойкого и последовательного защитника. Эта программа воспитывала в пролетариате понимание своей исторической роли класса-гегемона, класса — вождя народа.

Итак, анализ прессы — газет и журналов — отчетливо показывает позиции разных классов. Аграрные программы классов, вступивших в революцию 1905 года, наметились уже в ходе подведения итогов крестьянской реформы в 1901 году.

Д. А. КОЛЕСНИЧЕНКО

Институт истории АН СССР

АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ ТРУДОВИКОВ В I ДУМЕ

1. Изучение аграрных программ трудовиков представляет огромный научный интерес, ибо в них нашли отражение ее реальные требования изменений аграрных отношений, которых жаждала деревня.

Этот вопрос имеет и вполне современное звучание, так как оформление требований и защита интересов «трудового крестьянства», впервые заявившего о себе на русской по-

17 См. «Рабочее дело», № 11—12, февраль 1902.

литической арене, сейчас представляет важнейшую задачу коммунистический партий отсталых и зависимых стран.

2. Главный вопрос, ради решения которого возникла трудовая группа, был земельный. Именно революционно-демократическое решение земельного вопроса в первом программном документе складывающейся группы — «Проекте программы парламентской трудовой группы» дало основание В. И. Ленину увидеть в ней выразительницу крестьянских интересов, представительницу революционной буржуазной демократии. Проект программы содержал два основных положения, представляющих решение земельного вопроса крестьянской демократией: переход всех земель, в том числе и помещичьих всему народу и передача окончательного решения земельного вопроса в руки самого крестьянства на места, в создаваемые на основе всеобщего избирательного права местные земельные комитеты.

В этих требованиях трудовая группа выступила как выразительница интересов крестьянства в целом, как феодального и эксплуатируемого сословия крепостнического общества против феодально-крепостнических пережитков и главного из них — помещичьего землевладения. Но вместе с тем, как принятая программа, так и прения вокруг нее в группе обнаруживают наличие противоречий внутри группы, которые отражают объективное состояние крестьянства — единого против феодально-крепостнических пережитков, но уже расколовшегося в силу социально-экономического развития деревни.

3. Образование трудовой группы и выставленная ею программа радикального решения земельного вопроса сразу обнаружили, что кадеты являются выразителями не крестьянских, а помещичьих интересов, и отбросили эту партию далеко на правый фланг.

4. Выражением крестьянских интересов, отстаивающим крестьянский тип буржуазной аграрной эволюции явился проект 104-х, внесенный трудовой группой в Думу 23 мая 1906 г. По выражению В. И. Ленина, этот проект был «главной и основной платформой всего российского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 242).

Первыми своими параграфами этот проект объявлял, что вся земля должна принадлежать всему народу, что земли казенные, удельные, кабинетские, монастырские и частновладельческие, за исключением надельных и тех, кото-

рые не превышают трудовую норму, поступают в общенародный земельный фонд, откуда они отдаются в пользование всем желающим обрабатывать ее своим личным трудом. Таким образом, трудовики выступали с требованием коренного уничтожения помещичьего землевладения. Этот проект ясно показывал, что «разделительная линия» «правых» и «левых» программ идет... между кадетами и трудовиками (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 222). При всех колебаниях, свойственных трудовикам, их отличает от кадетов ясная линия защиты интересов крестьянства против помещиков.

5. Отдельные отступления от линии последовательной защиты крестьянских интересов — допущение выкупа помещичьих земель, непоследовательная постановка вопроса о национализации земли — отражали реальную борьбу, происходившую в крестьянстве, нашедшую свое выражение в борьбе течений оппортунистического и революционного внутри трудовой группы. Эта борьба отражала боязнь мелкого собственника произвести слишком крутой переворот в земельных отношениях и втянуть в движение слишком широкие и бедные массы крестьянства.

Проект 104-х отразил, наряду с общими для всех крестьян интересами — интересы более зажиточной части крестьянства, но отнюдь не кулака. О том, что проект 104-х не выражал интересы кулачества, ярче всего говорят мелкобуржуазные иллюзии земельного поравнения, которыми пронизан весь проект 104-х и которые никак не были свойственны кулачеству.

Идеи поравнения в проекте 104-х были выражением наиболее последовательной борьбы всего крестьянства с феодально-крепостническими пережитками, поскольку ими были опутаны все земли и все отношения в деревне, но отнюдь не «социалистичности» мужика, как это считали эсеры. Как писал В. И. Ленин, от проекта 104-х прежде всего «выигрывают те, кто сейчас может стать крепким хозяином, может превратиться из земледельца закабаленного в земледельца свободного и зажиточного... проект 104-х есть не что иное, как платформа борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство» (В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 249).

Получить землю от помещика, но не дать ее пролетарию — вот что доминирует в том проекте после его главного анти-помещичьего содержания. В этом нашли отраже-

ние «корыстные интересы более зажиточной части крестьянства». Этот проект, как и все поведение трудовиков в Думе, вскрыл реальную, мелкобуржуазную сущность трудовичества как политического течения крестьянства эпохи буржуазно-демократической революции.

6. Наряду с проектом 104-х из недр трудовой группы вышел проект за подписью 33-х членов группы, являвшийся выражением требований революционного крыла группы, тесно связанного с партией эсеров. Собственно, весь проект совпадает с аграрной программой эсеров. Их теория социализации земли была обнародована перед крестьянством, но не нашла поддержки не только в Думе, но и в среде самой трудовой группы.

Этот проект предлагал немедленную отмену частной собственности на землю, поравнение не только помещичьих, но и крестьянских, как надельных, так и приобретенных земель. По определению Ленина, это была «утопия не оппортунистического, а революционного мелкого буржуа, не хозяйственного, а разоренного мужика, не мечта нажиться от помещика за счет пролетария, а мечта облагодетельствовать всех, и пролетариев в том числе, посредством поравнения. Это — не боязнь втянуть в движение самые широкие и самые бедные массы, а желание втянуть их в борьбу...» (Соч., т. 11, стр. 428).

Следовательно, Ленин видел в этом проекте не только и не столько реакционно-утопические черты, сколько его революционное содержание, направленное на решительное уничтожение остатков крепостичества.

7. Оба проекта трудовиков объединяет не только их анти-помещичья направленность, защита интересов крестьянства, пропитанность их мелкобуржуазными иллюзиями поравнения и попытками оградить густым частоколом всевозможных запрещений мелкое хозяйство от разорения, но и тот метод, которым должны были эти проекты претвориться в жизнь. Оба проекта выражали идею передачи решения земельного вопроса в местные земельные комитеты, избранные на основе всеобщего избирательного права.

Ленин писал, что «вопрос о составе местных земельных комитетов имеет кардинальное значение» (Соч., изд. 5, т. 13, стр. 221), ибо этот вопрос о том, «кто кого принудит» (там же, стр. 222).

Оба проекта связывали решение земельного вопроса с развертыванием крестьянской революции.

Законопроект об образовании местных земельных комитетов был внесен трудовой группой 24 мая на обсуждение Думы. Борьба кадетов с идеей местных земельных комитетов ярче всего рисует их анти-крестьянскую, анти-революционную сущность.

8. Аграрный вопрос был стержнем деятельности и главной двигательной силой развития трудовой группы. Этот вопрос привел к полному разоблачению кадетов и положил начало крушению либерального влияния в среде революционного крестьянства. Вокруг этого вопроса шло размежевание внутри группы двух течений — революционного и оппортунистического, отражающее реальное расслоение крестьянства и его двойственное положение мелкого землевладельца.

Эта борьба конкретизировала, делала понятными для пролетариата и его партии колебания крестьянства и ставила перед ним задачу борьбы за руководство крестьянством, неспособным вести самостоятельно выдержанную классовую борьбу.

М. Ф. ЛЕБОВИЧ

Львовский университет

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА БУРЖУАЗНО-КОАЛИЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918 ГОДА В ВЕНГРИИ

1. Аграрный вопрос и борьба крестьянства в Венгрии за помещичье-церковную землю в 1918 г. является одной из наименее освещенных в советской историографии проблем венгерской революции. Далеко не достаточно разработан данный вопрос также марксистско-ленинскими историками в Венгрии.[1] Между тем, без всестороннего анализа этой борьбы, развернувшейся с особой силой под влиянием Великого Октября, нельзя понять всю глубину ошибок Венгерской Советской Республики, допущенных в аграрно-крестьянском вопросе и своевременно раскритикованных

[1] Первая монографическая работа по аграрно-крестьянскому вопросу в революциях 1918—1919 гг. в Венгрии Веры Семери появилась в 1963 г.

В. И. Лениным в ходе борьбы с сектантскими и правооппортунистическими элементами в международном коммунистическом движении.

2. Ленинские декреты о мире, о земле, провозглашение Декларации прав народов России всколыхнули с необычной силой трудящихся Венгрии, вызвали перелом в революционном движении рабочих и крестьян в их борьбе за революционный выход из ненавистной империалистической войны, за землю, за национальное и социальное освобождение.[2] Эта борьба переросла в стихийное восстание рабочих и солдат Будапешта в конце октября 1918 года, приведшее к свержению ненавистной чужеземной династики Габсбургов, веками угнетавшей народы Венгрии. 1 ноября было образовано коалиционное правительство во главе с графом Карольи с участием вожаков социал-демократической партии — Э. Гарами и З. Кунфи.

3. С первых жедней революции по всей стране развернулась борьба сельского пролетариата и бедняцкого маломощного крестьянства за землю. В этом движении исключительную роль сыграли возвратившиеся из Советской России бывшие военнопленные, являвшиеся не только свидетелями Октябрьской революции, но и активными участниками ее в рядах Красной гвардии и Красной Армии. Первое крупное выступление произошло в Бальзамуйвароше (губерния Хайду), где восставшие крестьяне захватили 40 тыс. хольдов земли, принадлежавшей четырем помещикам. Центральный орган социал-демократической партии «Непсава» выражал свое отрицательное отношение к захвату помещичьей земли и призывал сельский пролетариат «проявлять терпение»

---

[2] Аграрные отношения и положение крестьянства в габсбургской Венгрии накануне буржуазно-демократической революции освещены автором в статье, опубликованной в сборнике «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», 1963, Вильнюс, 1964, стр. 672—683.

еще несколько месяцев, пока революционное правительство не закончит разработку закона об аграрной реформе, чтобы организованно ее осуществить. Вожаки социал-демократии под лозунгом «порядка» одобряли и покрывали организованные правительством Карольи карательные экспедиции против крестьянского революционного движения за раздел помещичьей земли.

4. Аграрно-крестьянское движение расширилось и приобрело более целеустремленный характер со времени образования Коммунистической партии Венгрии 24 ноября 1919 года. КПВ, возглавляемая выдающимися деятелями революционного движения военнопленных-интернационалистов Бела Куном, ориентировалась на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В своем стратегическом плане она предусматривала завоевание сельской бедноты в качестве союзника рабочего класса в борьбе за установление диктатуры пролетариата в форме Советов. Однако в аграрном вопросе КПВ заняла не ленинскую, а имевшую в то время хождение на Западе сектантскую позицию. Но вместе с тем КПВ развернула широкую агитацию в деревне, выставляя лозунги: «Ни гроша помещикам и ксендзам!», «Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», «Захватывайте помещичьи земли!». Эти лозунги воспринимались как призыв к разделу помещичьих и церковных земель. Коммунисты выпускали специальную газету для трудящихся деревни под названием «Беднота». С момента оформления КПВ усилилось движение за создание батрацких и бедняцких Советов, что было отмечено В. И. Лениным на I Конгрессе Коминтерна.

5. Развернувшееся под влиянием агитации и пропаганды КПВ движение рабочих по захвату фабрик, заводов, шахт, революционное выступление солдат и т. п. не могли не оказать влияния на деревню. Следуя призывам Коммунистической партии, батраки и сельская беднота все решительнее выступали против политики правительства, саботировавшего проведение аграрной реформы. Участились случаи захвата помещичьей и церковной земли (в губерниях Шомодь, Пешт, Берег и др.).

6. Под натиском крестьянских волнений, охвативших все волости страны, министр земледелия Буза Барна 9 декабря 1918 года представил на рассмотрение Совета министров проект аграрной реформы, в основе которой было следующее соображение: не ущемлять интересов помещи-

ков и в то же время «утолить» земельную жажду безземельного и малоземельного крестьянства путем раздачи ему земельных наделов размером от 5 до 20 хольдов за выкуп и без права их продажи, и таким образом отвлечь сельскую бедноту от Коммунистической партии. Земельная реформа Буза Барна вызвала острое недовольство и разочарование среди сельской бедноты и батрачества и в то же время породило нервозность и раздражение среди роялистско настроенных помещиков и князей церкви.

7. Лидеры социал-демократии, идя на поводу у радикальной буржуазии, в основном согласились с земельной реформой Буза Барна. Правда, левые социал-демократы предлагали всю землю со всем инвентарем передать во владение работающему в сельскохозяйственном кооперативе пролетариату. Они полагали, что государство должно компенсировать землевладельцам, а сельскохозяйственные кооперативы — погашать стоимость земли и инвентаря ежегодными взносами с уплатой процентов по ним.

8. Наконец, после острой борьбы в правительстве, 16 февраля 1919 года был опубликован «народный закон» № XVIII о земельной реформе, который предусматривал право государства на изъятие земель хозяев, имевших свыше 500 хольдов. За основу цены земли и инвентаря была положена цена 1913 года. Закон предусматривал уплату новыми владельцами стоимости земли и процентов по ней в срок не более 50 лет. К концу февраля 1919 года в обстановке развертывания массового захвата помещичьей земли, с большой шумихой и торжественностью начался «раздел земли» в имении Карольи в Капольне. Однако «земельная реформа», о которой лидер СДП Бем писал, что «она была самым выдающимся революционным действием народного правительства», закончилась этой инсценировкой. Буржуазный теоретик по аграрному вопросу М. Керек был вынужден отметить, что «из рук Буза Барна со стремительной быстротой выскальзывает управление земельной реформой и переходит в управление местных рабочих Советов». Народное правительство Кароли оказалось неспособным разрешить и другие задачи, стоящие перед буржуазно-демократической революцией. В середине марта 1919 года сложилась революционная ситуация, приведшая под руководством компартии к образованию Венгерской Советской республики.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ШЕСТОЙ СЕКЦИИ

«ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА»

Ю. А. МОШКОВ

МГУ

СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В СССР И СТИМУЛИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

1. В годы непосредственной подготовки и развертывания сплошной коллективизации в нашей стране прежняя система экономического стимулирования сельскохозяйственного производства, основанная на товарных отношениях, претерпевала крупные изменения. Обнаружившееся в виде хлебозаготовительных трудностей 1928—1929 годов чрезмерное отставание сельского хозяйства от нужд социалистического строительства привело к повышению плановых цен почти на все виды деревенских продуктов, и прежде всего на хлеб. В 1928/29 году индекс плановых заготовительных цен поднялся на 11,2%, а по зерну на 19,6%. Если в 1927/28 г. заготовительная цена 4-х главных зерновых культур практически не превышала их себестоимости, то теперь она была выше ее на 23%.[1] Тем не менее, в обстановке безудержного роста цен частного рынка и спекуляции даже такое повышение плановых цен не гарантировало необходимого расширения сельскохозяйственного производства. Поэтому Советская власть дополнила повышение цен такими экономическими и хозяйственными мерами, целенаправленными в социальном отношении, как расширение производственной и финансовой помощи трудовым единоличным хозяйствам через кооперацию, налоговые льготы, контракция в сочетании с усилением наступления на кулацкую верхушку. Наряду со средствами подъема индивидуальных хозяйств, XVI конференция ВКП(б) в своем постановлении выделила настоятельную необходимость настойчивой и систематической работы «по созданию крупного общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники...»[2]

2. Производственный результат принятых решений сказался, прежде всего, в увеличении посевных площадей,

[1] А. Н. Малафеев. История ценообразования в СССР. М., «Мысль», 1964, стр. 119, 122—123.

[2] «КПСС в резолюциях», ч. II, 1953, стр. 456.

а также в том, что в 1929 году часть середняков и особенно бедняков смогла несколько расширить свои посевы. Одновременно отмечено сокращение производства в основных отраслях у кулацко-зажиточной группы, вследствие наступления на капиталистические элементы.

3. В условиях растущего разрыва между плановыми ценами и ценами вольного рынка выполнение государственного заготовительного плана оказывалось необеспеченным. Поэтому была развернута широкая кампания по хлебозаготовкам с участием сельской общественности. В итоге кампании объем заготовленного зерна в полтора раза превзошел размеры 1928/29 года. В этих же целях, начиная с середины 1929 года, были приняты решения, усиливавшие государственное регулирование в области сельскохозяйственного производства и закупок продукции. Что касается технических культур, то в это время их производство испытывало гораздо меньше трудности.

4. Успехи коллективизации к концу 1929 года породили новое представление о непосредственных путях подъема сельскохозяйственного производства. Если в начале 1929 года этот путь представлялся как сочетание подъема мелких хозяйств с развитием колхозов и совхозов, то в решениях Ноябрьского пленума ЦК партии подчеркивалось, что радикальное решение задачи преодоления отставания сельского хозяйства «лежит на путях дальнейшего форсирования процессов коллективизации и строительства совхозов...»[1]

5. В ходе массовой коллективизации, сопровождавшейся экономическими трудностями, плановые цены на продукцию сельского хозяйства оказывались далеко не единственным фактором, воздействующим на уровень сельскохозяйственного производства. Он зависел также от тех особенностей, которые заключались в самом колхозном строе, от организующего влияния государственных плановых заданий, расширения сети МТС, организационных мероприятий в деревне. Под влиянием этих факторов в 1929—1932 годах происходил рост посевной площади (исключительно за счет колхозов и совхозов), а также отдельных видов сельскохозяйственной продукции (главным образом технических культур). Денежный доход от продажи государству оказался в это время не единственным видом материального сти-

[1] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 504.

мулирования, сочетаясь в ряде случаев с натуральным продовольственным снабжением и отовариванием». Существенную долю в доходах заняла реализация части продукции по рыночным ценам.

6. В 1931 году и в последующие несколько лет стали сказываться отрицательные последствия недостаточного стимулирования сельского хозяйства при растущем удельном весе заготовок в общем объеме валовой продукции. С 1929 по 1932 год цены на зерно практически не повышались, а на сырье повысились незначительно, в то время как рыночная цена, например, на муку выросла в 23 раза. По мнению П. Лященко (как и других исследователей), заготовительные цены, по-видимому, не оправдали даже себестоимости продукции. Дело усугублялось распространением вульгаризаторских теорий некоторых экономистов, ратовавших за отмену денег, прямой продуктообмен и полную ликвидацию товарных отношений в стране.

7. В 1932 году предпринимаются попытки усилить материальные стимулы в сельском хозяйстве (снижение объема обязательств по зерну и мясу, поощрению и легализации рыночной торговли продуктами собственного производства). Однако воздействие этих мероприятий на развитие сельскохозяйственного производства было весьма ограниченным. Основная роль в регулировании колхозного и совхозного производства переходит к мерам внеэкономического порядка (обязательные планы производства и заготовок, в первую очередь).

Ю. Ю. КАХК

Институт истории
АН ЭССР

О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ ПРОБЛЕМАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРЕУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЕВРОПЕ

1. Французский исследователь Ч. Бувье в книге о коллективизации сельского хозяйства, изданной в 1958 году, пришел к выводу, что в государствах восточной и центральной Европы уровень коллективизации сельского хозяйства не соответствовал ни уровню механизации сельскохозяйст-

венного труда, ни показателям плотности населения в данных странах. Обнаруженный им таким образом «мистический сумбур» он объясняет только тем, что в данном вопросе большую роль играет субъективный фактор, чем объективный экономический фактор.

Неудача Бувье свидетельствует не столько о трудности проблемы, сколько ее неверной, упрощенческой постановке. Если так поверхностно сравнивать процессы, протекающие в совершенно различных условиях, то довольно легко можно дойти до капитуляции перед «мистическим сумбуром». Если же ограничить объект исследования и к примеру сравнивать различные районы одной и той же страны, то можно достичь интересных выводов, из которых в дальнейшем можно будет сделать уже значительные обобщения. По этому пути пошел, например, польский ученый В. Стружек, который в своей содержательной книге, вышедшей в 1963 году пишет: «на темпы социалистического переустройства села... оказала основное влияние организационная работа партии и государства. Но это нисколько не означает, что социалистическое преобразование села протекает как какой-то процесс подвластный только субъективным факторам. Организационная работа партии, местных общественных организаций и административных органов подчинена в большей или меньшей степени экономическим факторам». Исследуя развитие отдельных стран народной демократии и сравнивая их между собой, Стружек пришел к выводу, что темпы коллективизации сельского хозяйства подчинены в значительной степени уровню экономического развития района и она проходила там быстрее, где больше развито товарное производство и где глубже социальная дифференциация крестьянства. К такому же выводу уже пришли советские историки в отношении Советского Союза.

2. Преобразование сельского хозяйства в Эстонии и в других прибалтийских республиках есть своеобразный промежуточный этап между двумя большими историческими опытами. Первый из них — коллективизация сельского хозяйства в Советском Союзе на рубеже двадцатых-тридцатых годов, второй — утверждение социалистических производственных отношений в европейских странах народной демократии после 2-й мировой войны.

Как мы знаем, партия большевиков и советское правительство всегда опиралось на широкие массы беднейшего крестьянства, проводя первое время после Октябрьской ре-

волюции политику изоляции среднего крестьянства. Только позже твердо перешли на союз с середняком. В Эстонии и других прибалтийских республиках коммунистические партии после социалистической революции 1940 года сразу-же начали проводить в жизнь политику союза и со средним крестьянством. Этому способствовало то, что власть в руки трудящихся перешла мирным путем, без открытой гражданской войны, и все трудящиеся крестьяне с самого начала поддерживали советскую власть. Несколько позже коммунистические и рабочие партии стран народной демократии так же сразу же стали на путь политики союза с середняком.

3. Историк Т. Трапезников процесс преобразования сельского хозяйства в старых советских республиках считает возможным подразделить на несколько этапов. 1918—1921 годы — в этот период во многих районах советского государства было создано несколько типов коллективных хозяйств. Следующий этап (1922—1925) — число коллективных хозяйств было незначительно, большая их часть растворилась в общей сети потребительской кооперации. Начиная с 1925 года число производственных кооперативов вновь растет и это попрежнему были высокие формы кооперации, такие как артели. Однако рядом существовали и более низкие формы (сельскохозяйственные общества). В 1929 г. произошел решительный перелом — началась массовая коллективизация. На путь социализма вступил также и середняк и доминирующей формой кооперации стала сельскохозяйственная артель.

В социалистическом переустройстве сельского хозяйства в европейских странах социализма можно выделить следующие периоды. Приблизительно до 1951—52 годов основание кооперативов происходило быстро. Были основаны сельскохозяйственные кооперативы прежде всего более низкого типа, в которых большая часть средств производства оставалась еще в частном владении крестьян. В следующий период темпы объединения в сельскохозяйственные кооперативы временно снижаются. Объясняется это организационными и экономическими трудностями. Однако в общем это было время внутреннего укрепления, когда большая часть кооперативов низшего типа реорганизовалась в кооперативы высшего типа — сельскохозяйственные артели. Вслед за тем (примерно с 1956—57 гг.) начинается новый довольно быстрый подъем в кооперативном движе-

нии, что и привело во многих странах уже к победе на селе социалистических производственных отношений.

Коллективизация сельского хозяйства в Эстонии происходила в тот период, когда вся земля давно была национализирована, на селе работали машинно-тракторные станции, когда хорошо знали об опыте колхозного строительства в старших братских республиках. Все это способствовало тому, что эстонские крестьяне сразу же приступили к организации колхозов, минуя период поисков, в который совершались переходы от одной формы кооперации к другой. Это же способствовало высоким темпам коллективизации.

Несмотря на то, что абсолютное большинство эстонского крестьянства уже к концу 1950 года было объединено в колхозы и на селе в основном победили социалистические производственные отношения, на наш взгляд, все же нельзя считать, что к этому времени была полностью завершена реорганизация сельского хозяйства на социалистических основах. Еще приблизительно до 1956 года длится период, когда эстонское крестьянство учится руководить и хозяйствовать в крупных социалистических хозяйствах. Это подтверждается и тем, что в этот период и результаты хозяйственной деятельности колхозов были еще не так успешны, как можно было бы ожидать. Правда, здесь сказались общие для всего Советского Союза недостатки и ошибки, которые выражались в основном в нарушении принципа материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда, прощеты в планировании и т. д. В этом отношении данный период в Эстонии в некоторой степени напоминает период организации и трудностей роста, которые наблюдались в странах народной демократии в 1951—56 годах.

4. Как известно промышленность Советской Эстонии развивалась быстрыми темпами. Если в 1940 году в промышленном производстве работало только 11,6% от общего числа работающих, то в сельском хозяйстве и лесной промышленности работало 76,8%, а в 1963 году картина изменилась: в промышленности работало уже 32,2%, в сельском хозяйстве и лесной промышленности — 23,9%. 236 тысяч работников сельского хозяйства перешли в другие отрасли народного хозяйства. В Эстонии, как и в странах народной демократии, сток рабочей силы в определенный период вредно сказался на сельском хозяйстве. Создавшееся положение удалось преодолеть крутым подъемом уровня меха-

низации сельского хозяйства. И, таким образом, несмотря на то, что число работающих в сельском хозяйстве уменьшилось, производство сельхозпродукции не только не уменьшилось, но наблюдается прочный его рост. По данным экономистов продукция сельского хозяйства за последние десять лет выросла приблизительно в 1,8 раза.

В старших братских республиках в структуре общественных отношений села после Октябрьской революции произошли следующие изменения: все большее количество безземельных и малоземельных крестьян стали на уровень середняков и, таким образом, количество последних увеличилось, а первых уменьшилось. Во многих же странах народной демократии продолжался процесс раздробления хуторов и после перехода власти в руки народа. Количество мелких крестьянских хозяйств, таким образом, не уменьшилось, а, наоборот, — увеличивалось. В высоко развитых в промышленном отношении и густо населенных государствах сельскому населению было легче найти заработок и вне сельского хозяйства и многие крестьяне не были заинтересованы в увеличении или укреплении своего хозяйства. Многие устраивались в городе на временную или постоянную работу и получали с хутора только часть дохода.

В Эстонии промышленность также очень быстро развивалась и приток крестьянского населения в города был значителен. В связи с этим можно предположить, что и здесь многие новоземельцы и владельцы мелких хуторов, не были очень заинтересованы в развитии своего хуторского хозяйства, т. к. город и промышленность предоставляли более определенные и быстрые возможности повышения жизненного уровня. Все это, однако, пока только предположение. Дальнейшие исследования должны дать ответ на вопрос, укреплялись ли экономически новоземельные и мелкие хозяйства в период предшествовавший коллективизации сельского хозяйства и становились ли эти хозяйства на уровень середняков или нет, а продолжали прозябать и дробиться. Если же это так, а данные исследований в этом вопросе по отдельным районам это предположение подтверждают, то это стало дополнительным фактором, в пользу крупного социалистического производства.

5. Несмотря на то, что мелкие и карликовые хозяйства в социалистическом государстве не имеют перспектив развития, это еще не значит, что их владельцам легко от них отказаться. Если еще несколько лет тому назад было рас-

пространено мнение, что первыми в колхоз вступали бедняки, то в последнее время, в частности польскими и чешскими учеными доказано, что именно эти менее состоятельные крестьяне вступали в сельскохозяйственные производственные кооперативы сравнительно с середняками медленнее. К тому времени, когда началась массовая коллективизация, их судьба не была больше так неразрывно связана с сельским хозяйством. Они уже в большей степени были связаны с промышленностью. И проблему этих «крестьян — рабочих» или «металло-крестьян» очевидно сможет разрешить систематическое повышение уровня механизации сельского хозяйства, когда и село будет больше нуждаться в людях, разбирающихся в технике и обработке металлов.

И в отношении Эстонии имеются данные, что уже в период до массовой коллективизации сельского хозяйства наибольшую активность проявляли середняки, хотя самые первые колхозы в республике были созданы новоземельцами и бедняками.

6. Одной из наиболее общих закономерностей социалистического переустройства сельского хозяйства является отсутствие догматически определенных общих закономерностей и точных «чудо рецептов». Исторический опыт свидетельствует о большом разнообразии в определении методов перехода к социалистическому производству, формах и темпах кооперирования сельского хозяйства. Речь идет о претворении в жизнь гениального плана — ленинского кооперативного плана, но разные исторические условия накладывают на это претворение свою печать.

Одним из небольших исторических опытов претворения в жизнь ленинского кооперативного плана был путь к социализму эстонского крестьянства.

Э. Э. ЛААЗИ

Институт истории
АН ЭССР

СТЕПЕНЬ АКТИВНОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КРЕСТЬЯНСТВА В СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ В КОЛХОЗЫ ДО ПЕРИОДА МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

1. Советская историография пока еще специально не разрабатывала проблемы о степени активности различных социальных слоев крестьянства при вступлении в сельскохозяйственные артели (до периода массовой коллективизации). Лишь в общих чертах нашла отражение та мысль, что до массовой коллективизации, наибольшую инициативу при создании колхозов проявляли беднейшие слои крестьянства.

2. Что касается хода коллективизации в различных местах Эстонской ССР, то В. Матин и М. Бронштейн утверждают, что процесс этот развивался быстрее в волостях, наиболее пострадавших в период войны и оккупации. К сожалению, названные авторы не приводят ни одного доказательства в защиту данного утверждения. При более глубоком изучении вопроса выясняется, что в волостях наиболее пострадавших от войны и оккупации процесс коллективизации протекал как раз более медленными темпами. Темпы коллективизации были выше в экономически развитых волостях и ниже в экономически отсталых. Экономически более развитыми были те волости, где значительную часть составляли зажиточные крестьяне и кулаки, которые эксплуатировали наемный труд. Следовательно в этих волостях яснее обозначалась классовая дифференциация и классовые противоречия были острее. Это могло быть одной из причин того, что существенный социальный перелом произошел здесь быстрее.

Проблема географического районирования интенсивности коллективизации неотрывно связана с проблемой: какие социальные слои крестьянства при вступлении в колхозы проявили больше активности.

3. С целью более тщательного выяснения вопроса были изучены материалы Выруского уезда на юго-востоке Эстонии. До весны 1948 г. в колхозах Выруского уезда преобладали бедняки и новоземельцы, которые до весны 1948 г. занимали в этих колхозах большинство.

Однако положение меняется в последующий период до начала массовой коллективизации. Уже сравнение крестьян вступивших в колхозы и пахотных земель, бывших во владении колхозов, показывают все усиливающееся тяготение в колхозы середняков:

Дата	Количество крестьянских хозяйств Вырумаа вступивших в колхозы (В %% от общего количества хозяйств)	Количество пахатной земли колхозов (В %% от общего количества земли в Вырумаа)
К концу весеннего сева 1948 г.	0,8	0,9
4 дек. 1948 г.	6,7	8,3
1 янв. 1949 г.	7,5	9,5
1 марта 1949 г.	8,4	10,4

В связи с тем, что к 1 марта 1949 г. кулацкие земли еще в массовых масштабах не были переданы колхозам, становится ясным, что в течение приведенного в таблице периода в колхозы вступали в своем большинстве те крестьяне, у которых было сравнительно много пахотной земли, т. е. середняки.

К 1 января 1948 г. хуторные хозяйства Вырумаа делились следующим образом:

бедняков	10,950,	или	61,7%
середняков	5,844,	„	33,2%
кулаков	464,	„	2,6%
прихвостней герм. оккупантов	437,	„	2,5%
Итого	17,735		100%

Динамика вступления в колхозы бедняков и середняков в уезде Вырумаа с начала коллективизации до массовой коллективизации. (См. табл. на стр. 239).

Из таблицы ясно следует, что уже до начала массовой коллективизации проявили большую активность при вступлении в колхозы крестьяне-середняки.

4. Что же явилось причиной того, что бедняк шел в колхоз медленнее середняка?

Ответ на этот вопрос мы найдем в докладе, представленном Вырумаским комитетом КП Эстонии от 30 сентября 1949 г. Центральному комитету КП Эстонии.

Дата	Вступившие в колхоз бедняки	Их % из числа бедняков Вырумаа в наших расчетах, т. е. с 10.950 бедняков	Вступившие в колхозы серядники	Их % из числа середняков в Вырумаа в наших расчетах, т. е. с 5884 середняков
Ноябрь 1947	10	0,09	2	0,03
Январь 1948	38	0,35	29	0,5
Начало сентября 1948	160	1,5	275	4,6
15 окт. 1948	195	1,7	335	5,7
28 окт. 1948	247	2,3	453	7,7
5 ноября 1948	265	2,4	490	8,3
4 декабря 1948	376	3,4	725	12,3
1 янв. 1949	380	3,5	738	12,5
1 марта 1949	498	4,5	901	15,3

Там упоминается, что местные партийные и советские органы вели недостаточную политическую работу по развитию коллективизации. В качестве второй причины приводится факт, что при вступлении в колхозы середняки имели значительные экономические льготы, которых не имели бедняки, поскольку середняки с момента вступления в колхозы освободились от довольно большого сельскохозяйственного налога.

И. Е. ЗЕЛЕНИН

Институт истории
АН СССР

ЗАГОТОВКИ И ЦЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 30—40 ГГ.

1. В годы довоенных пятилеток совхозное строительство получило широкий размах. Удельный вес совхозов в валовой продукции сельского хозяйства за период с 1928 по 1940 гг. поднялся: по зерновым культурам — с 1,6 до 7,9%, по хлопку-сырцу — с 1,6 до 5,9%; по молочной продукции — с 0,5 до 5,8%, по мясу и салу — с 0,2 до 8,9%, по шерсти — с 1,1 до 11,8%. В связи с тем, что совхозы, в отличие от колхозов, не распределяли натуральную продукцию среди работников, они могли сдавать ее государству в

гораздо большем объеме. Поэтому их удельный вес в производстве товарной продукции страны был выше по сравнению с удельным весом в посевных площадях и валовой продукции. В 1940 г. доля совхозного сектора в государственных заготовках и закупках составила: по зерну — 10%, по мясу и молочной продукции — 16%, по шерсти 18%.

2. Динамика производства зерна и животноводческой продукции в совхозах в довоенные и первые послевоенные годы может быть представлена данными следующих таблиц: (стр. 242).

За период с 1934 по 1940 гг. полеводство и животноводство совхозного сектора выросли в среднем в 1,5—2 раза. (Высокие показатели 1937 г. были обусловлены исключительно благоприятными погодными условиями). За годы Великой Отечественной войны совхозное производство сократилось в 2,5—3 раза. К началу 50-х годов оно было полностью восстановлено. Поголовье скота превысило довоенный уровень.

3. Совхозы как государственные хозяйства, продукция которых полностью принадлежала государству, обязаны были обеспечивать точное и своевременное выполнение заданий по поставкам. Размеры сдачи продукции совхозным сектором определялись государственными планами, имевшими силу закона. Однако конкретные задания по сдаче зерна, технических культур и овощей устанавливались специальными постановлениями накануне уборки (в соответствии с видами на урожай). Планы хлебосдачи нередко корректировались и в ходе уборочной кампании. Такой порядок планирования серьезно затруднял работу совхозов, снижал их ответственность и заинтересованность в достижении плановых показателей по производству валовой продукции. Большинство совхозов при значительном недовыполнении планов по урожайности и валовым сборам выполняли и даже перевыполняли планы заготовок.

Сдаточные планы были весьма напряженными. Зерновые совхозы сдавали, например, от 75 до 80% валовой продукции зерна, причем доля отчисления почти независела от размера выращенного урожая. Для собственных нужд они могли выделить крайне незначительную часть урожая, как правило ежегодно обращались к государству за семенной ссудой.

4. Сдавая государству основную часть производимой продукции, совхозы должны были получать компенсацию в

Валовые сборы, урожайность и сдача зерна государству совхозами всех систем[1]

Показатели	1934	1937	1938	1939	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Валовые сборы (в тыс. ц)	44 841	74 653	61 607	60 545	66 334	24 894	23 958	39 427	46 914	52 997	66 684
Урожайность (в цн с 1 га)	6,3	10,7	8,5	8,3	8,9	6,7	5,5	7,9	7,6	7,5	9,0
Сдача зерна государству (тыс. ц. зачтенного веса)	18 967	39 599	34 385	32 754	36 740	16 349	14 445	23 245	нет свед.	29 622	35 420
В % к валовому сбору	42,2	52,2	57,2	54,5	55,6	62,2	62,5	56,1		60,0	57,0

Поголовье скота и сдача животноводческой продукции совхозами всех систем[2]

Показатели	1934	1937	1938	1939	1940	1946	1947	1949	1950
Численность скота на конец года (тыс. гол.)	2669	2587	2597	2560	2462	1621	1740	2447	2802
Свиньи	1416	1804	1862	1903	1910	717	890	2100	2494
Овцы и козы	5372	5710	6026	6080	5908	4783	5338	6902	7633
Сдача продукции (тыс. ц)									
Молочная продукция	7601	12 110	11 196	10 298	11 146	3877	4557	8596	11 142
Мясо в живом весе	2884	3610	3642	3831	3836	1122	1263	2688	3895
Шерсть	127,6	174,6	181,6	189,8	196,4	106,9	121,8	179,2	197,5

[1] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 83, д. 51, лл. 73, 74, 86; оп. 324, дд. 2014, 2015, 2456, 2457, 2979, 2980, 3468.

[2] ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 83, д. 51, лл. 88, 91, 100; оп. 324, д. 2456, лл. 32—33; д. 3463, лл. 3—5.

форме цен реализации, размеры которых не только бы возмещали их производственные издержки, но и позволяли бы вести расширенное производство. Однако на всем протяжении рассматриваемого периода сдаточные цены на основную продукцию большинства совхозов были убыточными. В 1933—1934 гг. заготовительные организации платили, например, за один центнер пшеницы 8,2—9,4 руб., в 1935 г. — 9,1—10,4 руб., а себестоимость ее в совхозах достигала 28—30 руб.[1] Разрыв между себестоимостью и сдаточными ценами частично покрывался за счет госдотации. Однако дотация выдавалась на разницу между ценами реализации и плановой себестоимостью, которая в 1934—1936 гг. была в 1,5—2 раза меньше фактической. Только в высокоурожайном 1937 г. основная масса совхозов получила запланированную себестоимость. Совхозы несли большие расходы при вывозке продукции на заготовительные пункты, что не учитывалось при исчислении плановой себестоимости.

Фонд госдотации создавал большие трудности на пути внедрения хозрасчета и организации рентабельного хозяйства. У руководителей отстающих совхозов он порождал иждивенческие тенденции. Передовым хозяйствам не позволял в полной мере воспользоваться результатами своей работы. Существование этого фонда было оправдано только в первые годы деятельности молодых совхозов, когда государство помогало им встать на ноги, наладить производство. В конце 30-х годов вопрос о необходимости ликвидации госдотации для совхозов обсуждался на страницах печати[2].

5. В конце 30-х — начале 40-х годов партия и правительство осуществили ряд мер в этом направлении. Совхозам было разрешено часть продукции (сверхплановой) сдавать по более высоким закупочным ценам. Безубыточные цены были установлены на хлопок-сырец, овощи, шерсть, повышены цены на другие продукты. Государство ценами реализации стало покрывать в среднем до половины расходов совхозов по производству животноводческой продукции и 40% их расходов по производству зерна. Заготовители начали частично возмещать расходы совхозов по транспортировке продукции на заготовительные пункты. В марте 1940 г. было принято решение о дальнейшем повышении сдаточ-

---

[1] «История СССР», 1958, № 2, стр. 76; ЦГАНХ, ф. 1562, оп. 83, д. 51, л. 103.

[2] См. «Совхозная газета», 14 июля и 29 ноября 1939 г.; «Социалистическое сельское хозяйство», 1940, № 3, срт. 66—67.

ных цен. Война помешала проведению в жизнь этого решения.

6. В послевоенные годы на основе директив февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б) была введена поощрительная оплата (в размере двойной закупочной цены) на продукцию, сдаваемую совхозами сверх плана. В плановую себестоимость совхозной продукции планирующие органы включали теперь 10-процентные накопления, благодаря чему разрыв между плановой и фактической себестоимостью сократился. Государственные заготовительные организации стали возмещать совхозам их основные расходы по перевозке хлеба на заготовительные пункты и элеваторы, по перегону и транспортировке скота к мясокомбинатам. На некоторые виды продукции совхозов (племенная продукция, хлопок-сырец, шерсть, яйца птицесовхозов, картофель и овощи) сдаточные цены в основном соответствовали ее себестоимости.

Себестоимость и сдаточные цены на продукцию совхозов Министерства совхозов СССР в 1946—1950 гг.
(в руб. за 1 ц)[1]

Виды продукции	Себестоимость				Сдаточная цена			
	1946	1947	1948	1950	1946	1947	1948	1950
Зерно	65,3	58,3	55,0	48,9	9,85	9,85	12,09	10,73
Хлопок-сырец	нет свед.	211,0	188,4	226,1	119,2	119,2	110,59	197,86
Овощи	„	69,9	60,0	49,4	нет свед.	нет свед.	70,57	87,26
Молочная продукция	103,2	119,2	116,5	124,0	45,79	45,79	47,27	48,13
Мясо кр. рог. скота	455,4	484,3	508,9	605,0	152,77	152,77	173,70	170,46
Мясо свиней	1206,6	1485,5	1336,1	1402,1	252,65	252,65	279,30	288,02
Мясо овец	299,6	302,7	289,7	344,0	181,10	нет свед.	200,66	195,23
Шерсть	1713,5	1850,9	1793,3	1949,0	1713,6	1713,6	1902,16	1598,12

Государственная дотация, как и до войны, выдавалась на основе плановой себестоимости, которая в конце 40-х годов превышала фактическую на 17—20%, а поэтому при

[1] ЦГАНХ, ф. 7803, оп. 1, д. 844, лл. 31—37; оп. 2, 290, л. 56; оп. 3, д. 793, лл. 14—15; д. 944, л. 15; д. 1001, л. 51.

реализации основной продукции большинство совхозов терпели убытки. Только за счет поощрительной оплаты за сверхплановую продукцию и развития подсобных отраслей хозяйства могли компенсировать эти убытки. Разработанный в 1949 г. Министерством совхозов СССР проект перехода совхозов на работу без государственной дотации на основе значительного повышения (до уровня плановой себестоимости) сдаточных цен встретил принципиальные возражения в Госплане и Министерстве финансов СССР. Вопрос об отмене государственной дотации для совхозов был решен только после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС.

И. М. ВОЛКОВ

МГУ

РОСТ КОЛХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ 4-Й ПЯТИЛЕТКИ

Четвертая пятилетка — наиболее неизученный период в истории социалистического сельского хозяйства и советского крестьянства. Не изучен в связи с этим и вопрос о росте колхозного производства в первые послевоенные годы.

В литературе, вышедшей до XX съезда КПСС, показатели колхозного производства давались чаще всего в процентах к предыдущим годам, без абсолютных цифр, а показатели по основной отрасли колхозного производства — зерновому хозяйству давались на основе «видовой урожайности», далеко не соответствующие размерам фактически собранного урожая. Все это не позволяло создать объективную картину восстановления и развития сельского хозяйства.

Не получил достаточной разработки этот вопрос и в современной исторической литературе. Объективное освещение колхозного производства в первые послевоенные годы затруднено отсутствием не только в публикациях, но и в известных нам архивных фондах обобщенных статистических данных о количестве продукции по отдельным отраслям колхозного производства. Так как в течение многих лет не собиралось данных о фактическом намолоте урожая в колхозах, в связи с этим в сводные годовые от-

четы колхозов не включались данные о фактической урожайности, а также о размерах валового сбора зерновых культур. Сколько-нибудь точные данные о фактическом валовом сборе зерновых можно восстановить лишь на основе сведений, содержащихся в годовых отчетах колхозов о распределении оприходованного урожая. Эти сведения дают возможность показать размеры производства продукции и других отраслей колхозного производства.

Война нанесла большой ущерб сельскому хозяйству. Ухудшилась его техническая оснащенность, сократились трудовые ресурсы, ухудшилась культура земледелия, а это сказалось на колхозном производстве. К концу войны, в 1945 г. производство сельскохозяйственной продукции в колхозах по сравнению с довоеннными годами резко сократилось. Валовая продукция всего сельского хозяйства в 1945 г. составляла 60% уровня 1940 г., валовый сбор хлеба в колхозах сократился соответственно с 761,8 млн. цн до 333,3 млн., поголовье крупного рогатого скота на $^1/_5$.

Неблагоприятным для колхозного производства был 1946 год, когда значительная часть районов страны была охвачена засухой. В связи с этим валовый сбор зерновых в колхозах сократился до 291,4 млн. цн. В последующие годы пятилетки в результате осуществления мер по подъему сельского хозяйства, намеченных февральским пленумом ЦК ВКП(б) 1947 г., другими постановлениями партии и правительства, наблюдался ежегодный прирост валовых сборов зерновых и других сельскохозяйственных культур. Урожайным был 1947 г., когда колхозы собрали 476,5 млн. цн. В 1950 г. валовый сбор зерновых культур в колхозах составил уже 665,6 млн. цн, удвоившись за пятилетку, но так и не достигнув предвоенного уровня. Да и по всем категориям хозяйств СССР в 1950 г. было собрано зерновых меньше, чем в 1940 г. (813,7 млн. цн вместо 955,0 млн. цн).

За годы пятилетки значительно выросло производство и других сельскохозяйственных культур в колхозах. Но этот рост шел в значительной мере за счет расширения, точнее восстановления посевных площадей в освобожденных районах, во вновь созданных колхозах в Западных областях Украины, Белоруссии, Прибалтики. Посевные площади в колхозах выросли с 83,9 млн. га в 1945 г. до 121,0 млн. га в 1950 г., в том числе под зерновыми культурами с 67, 8 млн га до 90,0 млн. га. Значительно меньшие изменения претер-

пела урожайность. Сбор зерновых с гектара в колхозах вырос с 5 цн в 1945 г., до 7,4 цн в 1950 г., картофеля соответственно с 37 цн до 59 цн.

Постепенно восстанавливалось колхозное животноводство. Поголовье крупного рогатого скота в колхозах выросло с 15,9 млн. голов на 1 января 1946 г. до 28,1 млн. к концу четвертой пятилетки, свиней соответственно с 2,7 млн. голов до 12,3, т. е. более чем в 4 раза. Вся же валовая продукция общественного хозяйства колхозов в 1950 г. составляла 97% уровня 1940. г.

Вместе с ростом общих показателей колхозного производства в послевоенную пятилетку наблюдался и рост его удельного веса в производстве сельскохозяйственных продуктов всех категорий хозяйств.

Темпы роста колхозного производства в рассматриваемый период не были равномерными. Более высокими они были в первой половине пятилетки, замедлились в 1949—1950 гг., что объяснялось рядом объективных причин и ошибками в руководстве сельским хозяйством.

Рост производства сельскохозяйственной продукции в колхозах не означал соответствующего роста экономики колхозов. Заготовительные цены того времени на основную продукцию сельского хозяйства не возмещали затрат на их производство. Часть накоплений, созданная трудом колхозников, отражалась в прибылях промышленности, заготовительных и торговых организаций, а это ограничивало возможности для роста колхозного производства, создавало неправильное представление о его экономической эффективности.

К. И. МОГИЛЬНИЦКАЯ

Томский гос. университет

ВЛИЯНИЕ ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ ЦЕН НА КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1953—1958 ГГ.

1. Экономическое стимулирование колхозного производства требует широкого использования всех средств и возможностей государства и самих колхозов, обеспечивающих коллективную и личную материальную заинтересованность в сельском хозяйстве. Необходимость широкого и по-

следовательного применения различных форм материальной заинтересованности в колхозном производстве особенно велика, так как сельское хозяйство является наиболее отстающим звеном в народном хозяйстве (достаточно сказать, что в 1953 г. валовая продукция сельского хозяйства составляла к уровню 1913 г. 146%, а в промышленности — 1936%[1]), в нем наиболее сильно и продолжительно нарушался принцип материальной заинтересованности (например, заготовительные цены на основные продукты колхозного производства почти не изменялись с 1928 по 1953 г.), имеют место более тяжелые условия труда.

Важнейшим средством экономического стимулирования колхозного производства являются заготовительные цены. Они непосредственно определяют степень материальной заинтересованности колхозов в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов. Осуществление этой стимулирующей функции цены определяется тем, насколько полно она возмещает затраты колхозов на производство, каковы размеры оставляемого ею чистого дохода.

2. Политика заготовительных цен до 1953 г. не имела достаточного экономического обоснования. Особенно ясно это проявилось в уровне заготовительных цен, по которым заготовлялась основная масса продуктов продовольствия в порядке обязательных поставок и которые находились в явном несоответствии с затратами труда в колхозах. Например, в колхозах Западной Сибири в 1952—54 гг. затраты труда без учета затрат МТС составляли на производство 1 ц. зерна 1 руб. 53 коп., а заготовительная цена — 70 коп. Еще больший разрыв наблюдался по продуктам животноводства, что предопределило трудности в ценообразовании на животноводческую продукцию, которые пришлось преодолевать нашему государству в значительно больший промежуток времени, чем на продукты растениеводства.

3. Начиная с 1953 г., когда было значительно усилено внимание к вопросам развития сельского хозяйства, Советское государство последовательно проводит в политике цен ряд этапов с целью приведения в соответствие цен на колхозную продукцию с затратами на ее производство. Каждая из этих мер определялась экономическими возможностями государства, уровнем познания и использования экономиче-

[1] Народное хозяйство СССР в 1963 г. Стат. ежегодник. М., 1965, стр. 110, 227.

ских законов развития социалистического общества, теоретической разработкой основ ценообразования и степенью их практического осуществления.

Первым этапом в устранении грубейших нарушений закона стоимости и использовании материальных стимулов в колхозном производстве явилось повышение заготовительных цен и введение новых закупочных цен на продукцию колхозов. В октябре 1953 г. были повышены заготовительные цены на мясо крупного рогатого скота в 10 раз, на свинину — в 6 раз, на молоко и масло — в 2 раза. С урожая 1955 г. были повышены заготовительные цены на пшеницу в 3,3 раза, на рожь — в 4,7 раза и т. д. Новые цены были дифференцированы по поясам с учетом почвенно-климатических условий. Одновременно, в целях усиления заинтересованности колхозов в продаже продуктов государству была введена единая система государственных закупок. Она обладала сильными экономическими стимулами, важнейшим из которых были закупочные цены, в несколько раз превышавшие заготовительные (наряду с авансированием колхозников, встречной продажи промышленных и продовольственных товаров). Стимулирующее действие новых закупочных цен усиливалось с начала их введения тем, что оно было проведено одновременно со снижением норм обязательных поставок и введением твердых погектарных норм в одном районе.

Наряду с этим были приняты меры к усилению стимулирующего влияния контрактационных цен на производство технических культур. В частности, в льноводстве это нашло выражение в повышении цен, введении встречной продажи, увеличении размеров денежных авансов и т. д.

4. Все эти меры повысили материальную заинтересованность у колхозов в продаже государству сельскохозяйственных продуктов и увеличении их производства. Рост государственных закупок сопровождался увеличением денежных доходов колхозов. В колхозах Западной Сибири доходы от растениеводства в 1957 г. к уровню 1953 г. составили 475%, в том числе от закупок — 3096%, доходы от животноводства — 132%, в том числе от закупок — 323%[1]. Решающим условием роста денежных доходов явилось увеличение производства сельскохозяйственных продуктов, стимул к ко-

[1] Рассчитано на основе данных годовых отчетов колхозов ЦСУ РСФСР за 1953—57 гг.

торому был дан в значительной мере системой закупок. Она стала занимать все более видное место в реализации товарной продукции. В 1957 г. 75% продукции растениеводства и 52% продукции животноводства было реализовано в колхозах Западной Сибири путем закупок, в то время как в 1953 г. их доля в растениеводстве была равна лишь 11%, а в животноводстве — 21%[1].

5. Вместе с тем, развитие колхозов в 1953—57 гг. показало, что экономическое стимулирование колхозного производства через политику цен, должно подкрепляться созданием необходимых материальных условий для практического осуществления этих стимулов. Развитие льноводства является наглядным тому подтверждением. Высокий уровень контрактационных цен на лен казалось бы делал лен наиболее выгодной культурой для приходов. Однако, низкая механизация уборки и обработки льна, недостаточная мощность льноперерабатывающих заводов, отсутствие достаточной личной материальной заинтересованности колхозников в этой отрасли производства привели к тому, что начавшееся быстрое развитие льноводства в 1954—55 гг. после принятых мер по его стимулированию сменилось сначала замедлением темпов развития, а затем прекратилось вовсе.

Достигнутые успехи в зерновом производстве и частично в животноводстве явились результатом не только повышения цен, но и укрепления материально-технической базы колхозов, увеличения капитальных вложений в сельское хозяйство.

6. Отмечая положительное влияние на колхозное производство заготовительных цен в 1953—57 гг. следует указать и на их недостатки, которые становились заметнее по мере увеличения объема и темпов развития производства в колхозах и которые настоятельно требовали дальнейшего совершенствования цен.

Прежде всего, это выражалось в недостаточной экономической обоснованности цен на отдельные продукты, особенно в животноводстве, следствием чего было перераспределение денежных доходов в растениеводстве и замедленное развитие животноводства. Разрыв между заготовительными и закупочными ценами усугублял положение — многоземельные, экономически слабые и находящиеся в худ-

[1] Рассчитано на основе данных годовых колхозов ЦСУ РСФСР за 1953—57 гг.

ших природных условиях колхозы оказывались в невыгодном положении, так как у них основная часть продуктов реализовалась в порядке обязательных поставок.

Далее, несоответствие между ценами на продовольственные культуры в целом и ценами на технические культуры неизбежно вело к перераспределению денежных доходов в пользу колхозов, специализирующихся на производстве технических культур, ставило в привилегированное положение группы колхозников, работающих на возделывании этих культур. При этом, основная часть премий-надбавок оседала в экономически сильных и находящихся в лучших природных условиях колхозах. Частичные меры, принятые в 1956—57 гг. к устранению этих недостатков, не дали существенных результатов.

7. Поэтому, в 1958 г. в связи с изменившимися условиями в колхозном производстве, его подъемом и ростом, в целях наиболее полного устранения недостатков многоступенчатой системы заготовок, обязательные поставки и натуроплата за работы МТС были отменены. Заготовки продуктов у колхозов стали осуществляться в порядке государственных закупок по единым зональным закупочным ценам.

Новая система была призвана более активно воздействовать на производство. Свое дальнейшее развитие принцип материальной заинтересованности в новой системе цен получил в более обоснованном уровне цен, их единстве и дифференциации. Новые цены были выше среднереализационных цен, складывавшихся от реализации продуктов в порядке поставок и закупок, в большей мере учитывали природно-экономические условия хозяйствования колхозов. Принцип единства цен в сочетании с их дифференциаций позволил сделать более равномерным распределение денежных доходов между различными отраслями колхозного производства и колхозами в различных условиях хозяйствования.

Однако, практика показала, что эти меры и условия, в которых они осуществлялись после 1958 г. еще не позволили окончательно решить проблему создания примерно равных условий роста денежных доходов колхозов с неодинаковыми условиями производства.

А. П. ТЮРИНА

Институт истории АН СССР

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ 1926—1959 г. (По материалам переписей населения)

1. Перепись 1959 г. зафиксировала структуру населения нашей страны в момент перехода к развернутому строительству коммунизма. Естественно, что данные этой переписи отражают те коренные изменения, которые совершились в результате превращения экономически отсталой страны в передовую индустриально-колхозную державу. Сопоставление их с данными переписи 1926 г. позволяет выяснить масштабы и направление сдвигов в социально-профессиональной структуре сельского населения.

Успешное развитие социалистической промышленности позволило поставить развитие сельскохозяйственного производства на индустриальную основу, что значительно повысило производительность труда и дало возможность высвободить большое количество рабочей силы из сферы сельского хозяйства, которая в основном поглотилась городом. В 1926 г. из 147 млн. населения страны 120,7 млн., или 82,1% проживало в деревне, а в 1959 г. из 208,8 млн. — сельское население составляло 108,8 млн., или 52,1%.

2. Важным показателем уровня экономического развития страны является соотношение самодеятельного и несамодеятельного населения. Данные переписи 1959 г. показывают, что благодаря росту производительности сельскохозяйственного труда один работающий в сельском хозяйстве имеет теперь возможность обеспечить средствами существования большее количество людей, чем, например, в 1926 г., что в деревне заметно возросли возможности для обучения подрастающего поколения, для перехода на покой в старости и т. д. Если в 1926 г. самодеятельное население в доколхозной деревне составляло 61,4%, то 1959 г. — 48%. В наше время каждый работающий в сельском хозяйстве «кормит» кроме себя еще 4,4 человека, не занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве, а в 1926 г. один работающий «кормил» кроме себя только одного человека. Однако, процент самодеятельного населения в деревне остается

все же выше, чем в городе, что связано с более низким уровнем развития сельскохозяйственного производства.

3. По данным переписи 1959 г. основная масса трудоспособного сельского населения участвовала в общественно полезном труде. Из 52,3 млн. человек самодеятельного населения в отраслях материального производства было занято 46 млн. человек, или 88% (в 1926 г. — 98,2%). В непроизводственных отраслях — просвещении, науке, искусстве, здравоохранении и т. д. процент занятости сельского населения составлял 8,3. Остальное население (3,7%) числилось в рядах Советской Армии и в группе лиц, точно не указавших место работы.

Из занятого в сфере материального производства подавляющее большинство сельского населения (78,6%) трудилось непосредственно в сельском хозяйстве (в 1926 г. — 95,5%). Следующая по количеству группа (16,9%) была занята в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи (в 1926 г. ее удельный вес составлял 2,5%). В торговле, общественном питании, заготовках, материально-техническом снабжении и сбыте было занято всего 3,3% сельского населения (в 1926 г. — менее 1%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что отраслевое разделение труда в деревне несколько возросло, хотя его общий уровень и не высок. Участие сельского населения в отраслях народного хозяйства, не связанных с сельскохозяйственным производством остается недостаточным.

4. В результате победы колхозного строя, ликвидации многоукладности экономики и эксплуататорских классов коренным образом изменился социальный состав сельского населения. В материалах переписи 1926 г. нашла отражение весьма сложная социальная структура самого крестьянства (хозяева с наемными рабочими, хозяева с помогающими членами семей, помогающие главе семьи в его занятии, хозяева одиночки и т. д.). Данные переписи 1959 г. показывают колхозное крестьянство как социально-однородный класс, это самая большая группа сельского населения, насчитывающая 31,8 млн. человек, или 60,8% всего населения, имеющего занятия. Второй по численности группой были рабочие — 15 млн. человек, или 28,7%, третьей — служащие — 5,3 млн. человек, или 10,1%. Мизерную часть составляли крестьяне-единоличники и некооперированные кустари 191 тыс., или менее 0,4%.

Обращает на себя внимание значительный рост числа

рабочих и служащих в среде сельского населения (в 1926 г. в составе сельского населения было всего 2,3 млн. рабочих и 970,4 тыс. служащих). Отметим, однако, что процент служащих в составе сельского населения значительно ниже, чем в городе, где он равен 30,8..

5. Профессиональный состав сельского населения отразил те изменения, которые произошли в сельскохозяйственной экономике за годы Советской власти. Доколхозная деревня не знала подавляющего большинства профессий, зафиксированных переписью 1959 г.

Появилась целая группа профессий, связанных с новыми формами организации труда. Это — заведующие фермами, бригадиры тракторных, комплексных и прочих бригад, звеньевые, овощеводы, садоводы, работники поливного хозяйства и т. д. Оснащение сельского хозяйства современной техникой создало ряд массовых профессий индустриального труда — трактористы, комбайнеры, машинисты, мотористы, механики, металлисты, токари, шоферы и т. д. Появился целый ряд профессий строительного профиля — экскаваторщики, каменщики, штукатуры, машинисты строительных и дорожных машин.

Особенно значительным было возрастание среди сельского населения группы работников умственного труда. Это, с одной стороны, руководители сельскохозяйственных предприятий и их структурных подразделений (директора, начальники, заведующие предприятий, руководители цехов, мастерских, отделений, председатели колхозов и их заместители), с другой — специалисты, обслуживающие сельскохозяйственное производство (агрономы, зоотехники, ветврачи, веттехники, инженерно-технические работники и т. д.). В 1926 г. в сельском хозяйстве насчитывалось всего около 10 тыс. специалистов высокой квалификации (агрономов, землемеров, инженеров и т. д.), а в 1959 г. только агрономы, зоотехники, ветработники и лесничие насчитывали 363,8 тыс. человек и инженерно-технические работники 130,8 тыс. человек.

Развитие планирования и учета производства вызвало к жизни профессии экономистов, плановиков, бухгалтеров, счетоводов, учетчиков и другие профессии делопроизводственного персонала.

Сдвиги, происшедшие в социально-профессиональной структуре сельского населения, значительны. И тем не менее профессиональная специализация работников, участвую-

щих в сельскохозяйственном труде, остается еще очень невысокой. Из 33,9 млн. человек, имевших занятия, 24,2 млн. трудились в сельском хозяйстве без обозначения специальности, (в 1926 г. из 71,3 млн. — 68,9 млн. человек не имели определенной специальности).

6. При сравнении данных переписи 1959 г. о возрастном и половом составе городского и сельского населения бросается в глаза существующая разница в возрастных границах трудоспособности жителей города и деревни. Число лиц в возрасте наиболее благоприятном для трудовой деятельности (20—24 года до 50—54 лет) в составе сельского населения ниже, чем в составе городского. В тоже время число лиц, занятых в производстве, до 19 лет и старше 55—59 лет в составе сельского населения больше.

Возрастные границы трудоспособности сельского населения шире, чем городского. Например, на 1000 занятых в промышленности число работающих в возрасте до 16 лет составляет — 1, а в сельском хозяйстве — 11 человек. В возрасте 55—59 лет соответственно имеем 24 и 58, в возрасте 60 лет и выше — 14 и 76. Специфика сельскохозяйственного производства, а также недостаточный уровень механизации трудовых процессов на селе позволяют применять неквалифицированный труд шире, чем в промышленности.

7. За годы Советской власти в нашей стране осуществлена подлинная культурная революция. Особенно много сделано в области народного образования на селе, где положение в годы царизма было особенно тяжелым. По данным переписи 1897 г. на 1000 человек сельских жителей приходилось всего 3 человека с образованием выше начального. А теперь на то же количество населения имеют высшее образование — 7 человек, незаконченное высшее и среднее, включая неполное среднее — 249 человек, начальное и незаконченное семилетнее — 321 человек.

Однако, следует отметить, что несмотря на достигнутые успехи, уровень образования сельского населения по сравнению с городским остается значительно более низким. Если на 1000 человек городского населения высшее образование имеют 40 человек, то на селе всего 7, незаконченное высшее и среднее, включая неполное среднее соответственно — 429 и 249, начальное и незаконченное семилетнее — 298 и 321.

А. Ю. АРУТЮНЯН

Институт истории АН СССР

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СССР

1. Проблема социальной структуры колхозного крестьянства в литературе поставлена недавно. Лишь на заре колхозного движения некоторое внимание уделялось проблеме формирования колхозного крестьянства. Состав его оценивался по социальной принадлежности бывших единоличников, консолидировавшихся в единый класс колхозников. Центральным в то время был вопрос о том, в какой мере этот новый класс может считаться социалистическим, как сочетаются в нем «социалистические и несоциалистические элементы». Но едва возникнув, проблема, по-существу, была «закрыта». Рубежом в решении ее была уже первая конференция аграрников-марксистов, предопределившая по-существу исход оживленных дискуссий на эту тему. С тех пор вопрос о социальном развитии крестьянства и его социальной природе на длительное время практически был снят с повестки дня.

2. Между тем в литературе утвердился целый ряд неправильных или неточных суждений. Колхозно-кооперативная собственность не дооценивалась и рассматривалась как собственность не вполне зрелая по сравнению с государственной. При этом смешивались правовое и экономическое понятия собственности. Экономическое понятие — отношения собственности — подменялось юридическим — правом владения. Упрощенное понимание приводило к тому, что расширение рамок кооператива, централизация управления сами по себе рассматривались как совершенствование форм собственности. Кроме того, игнорировалось фактическое положение колхозной собственности в экономической системе государства. Все это по-существу приводило к недооценке колхозного крестьянства как класса социалистического общества. Этому соответствовала версия об особой, якобы, приверженности колхозников к личному хозяйству, в чем усматривалось проявление частнособственнических пережитков.

3. Лишь в самое последнее время под влиянием крупных социальных сдвигов — продажи техники, принадлежавшей

государству, колхозам, развитию экономической самостоятельности и укреплению принципов демократического управления как колхозов, так и государственных предприятий — консервативные взгляды на колхозную собственность стали пересматриваться. Это повлияло, в частности, на оценку классовых признаков колхозного крестьянства.

4. В начале 1966 года на Минской конференции, посвященной изменению социальной структуры советского общества, в ряде докладов был сформулирован тезис о необходимости уточнения понятия собственности в качестве критерия при определении социалистического класса. В условиях, когда собственность все более теряет свое значение, когда происходит сближение между общенародной и кооперативной собственностью, решающее значение для социальной характеристики приобретают такие признаки как роль в общественной организации труда и размеры получаемой доли общественного богатства. Если при капитализме отношения к собственности определяют, по сути, и место общественной группы в производстве, и отношения распределения, то при социализме и то, и другое зависит прежде всего от качества труда, его ценности для общества.

5. Большие изменения произошли и в анализе внутренней структуры колхозного крестьянства. Изучение колхозного крестьянства как единой социальной общности дополняется теперь анализом его составных частей, внутриклассовых слоев и групп. Труд, естественно, признан определяющим критерием социальной характеристики и в этом случае. Внутри колхозного сектора выделяются группы в зависимости от степени квалификации: занятые преимущественно физическим трудом (в том числе неквалифицированным, полуквалифицированным, высококвалифицированным); преимущественно умственным трудом (в том числе неквалифицированным, полуквалифицированным, высококвалифицированным).

6. Конкретно-социологические исследования, проведенные на материалах села, доказывают, что между рабочими и крестьянами социальная дистанция уже сейчас менее значительна, чем между социальными группами (связанными с тем или иным качественно отличающимся друг от друга видом труда) внутри каждого класса.

Эта зависимость прослеживается как при характеристике социально-экономического положения, так и культурного, духовного облика населения.

7. В самое последнее время исследователи начинают переходить от изучения социальной структуры колхозного крестьянства в статике к анализу ее в динамике, в развитии. Исследования показывают, что процесс создания социальной однородности внутри класса происходит не столько прямолинейно, как это иногда представлялось. С усложнением разделения труда выделяются все новые слои крестьянства, приобщающиеся к достижениям культуры.

В профессиональном и культурном отношении колхозное крестьянство в настоящее время гораздо более дифференцированно, чем в более ранние периоды. Однако этот процесс сам по себе прогрессивен. Диалектика развития такова, что именно через подобное разделение и идет путь к созданию в конечном счете полной социальной однородности.

В. Е. ЩЕТНЁВ

Краснодарский
лединститут

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ (1917—1927 гг.)

1. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало уничтожению классов, стиранию социальных перегородок в нашей стране. Поэтому вполне понятен интерес исследователей к изменениям социально-экономической структуры деревни в результате пролетарской революции. В настоящем докладе предпринята попытка проследить масштабы и направления таких изменений на материалах кубанской станицы (территория современного Краснодарского края) за период от Октябрьской революции (1917 г.) до завершения революционных аграрных преобразований на Кубани (1927 г.).

2. Социально-экономические отношения в кубанской станице до Октябрьской революции характеризовались почти полным отсутствием крепостного права и сравнительно высоким уровнем развития земледельческого капитализма, с одной стороны, и наличием полуфеодальных отношений, порожденных сословностью казачьего и крестьянского землевладения, с другой.

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. земельный фонд Кубанской области распределялся следующим образом: земли Кубанского казачьего войска — 75,5%, земли частного владения (вместе с казенными, церковно-монастырскими и «охотничьими») — 14%, крестьянские — 2,8%, горские — 7,2%, прочие — 0,8%. Для кубанской станицы было характерно большое разнообразие социально-экономических типов хозяйств, порождаемое пестротой социального, сословного и национального состава населения. Имелись также существенные производственные различия (зерновое, скотоводческое, лесное, виноградарское, табаководческое хозяйства), связанные с особенностями природно-экономических зон края (степная часть, горно-лесной закубанский район, побережье Черного моря). Учет взаимодействия перечисленных факторов необходим при анализе социально-экономической структуры кубанской станицы.

Общее представление о социальном составе станицы накануне Октябрьской революции дает следующая таблица:*

Социальные группы	Казаки	Иногородние	Обе группы вместе
Бедняки	34,4	74,3	54,3
Середняки	39,5	17,6	28,6
Зажиточные	26,1	8,1	17,1

3. Социалистическая революция коренным образом изменила социальную структуру кубанской станицы. Революционным потоком были сметены крупнокапиталистические «экономии». На освободившихся землях нетрудового фонда организовались первые сельскохозяйственные коллективы. Получили землю иногородние крестьяне.

Выделяются два отчетливо различимых этапа в эволюции социальной структуры станицы. После разгрома деникинской и казачьей контрреволюции, в течение 1920—1921 гг. социальная структура кубанской станицы менялась в соответствии с условиями «военного коммунизма»: здесь также наблюдался процесс осереднячивания, поскольку здесь существовала продразверстка, как пресс давившая кулаков,

*) Таблица составлена по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (Государственный архив Краснодарского края, ф. Р-411, оп. 2, ед. хр. 342, л. 42).

поскольку безземельное население наделялось участками из нетрудового фонда.

Но разверстка просуществовала на Кубани около года и не могла поэтому придавить кулачество так, как в центральных районах России. Кубано-Черноморская область не знала комбедов, а декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» от 18 ноября 1920 года фактически давал возможность зажиточным хозяйствам сохранять земельные излишки. Поэтому процесс «осереднячивания» в значительно меньшей мере коснулся кубанской станицы. Перестройка отношений в областях с казачьим населением не была завершена до перехода к нэпу.

4. В связи с переходом к нэпу динамика социальной структуры кубанской станицы приобретает несколько иное направление. В условиях расслоения и сословного антагонизма на Кубани завершались революционные аграрные преобразования (землеустройство).

Значительно интенсивней (сравнительно с деревней центральных районов РСФСР) происходили такие изменения в хозяйствах, как выселение, ликвидация, разделы, в основе которых лежали прежде всего причины социально-экономического порядка. В хозяйствах, не претерпевших изменений подобного рода, также происходили сложные процессы. Около трети из них (с 1917 г. по 1926 г.) увеличили свои посевы, 15% — уменьшили. Процесс осереднячивания в кубанской станице развертывался главным образом после перехода к нэпу.

В условиях диктатуры пролетариата государство использовало экономические меры (налоги, кредит, кооперация, машинизация и др.) для ограничения сельской буржуазии и поддержки бедняцко-середняцкой части деревни. Динамика каждой из бывших сословных групп (казаков и иногородних) имела свои особенности. Кубанская станица отличалась более многочисленной кулацкой и батрацкой прослойками, что сказалось на остроте классовой борьбы, особенно в период сплошной коллективизации.

Л. Е. ФАЙН

г. Джамбул

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ НА СОЦИАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ДЕРЕВНИ

1. Сельскохозяйственная кооперация в России зародилась в 60-х годах XIX века и ко времени победы Октябрьской революции охватила, примерно, 11—11,5 миллионов крестьянских хозяйств,[1] то есть более половины их общего числа. В условиях диктатуры пролетариата, особенно после перехода к новой экономической политике, сельскохозяйственная кооперация становится важнейшим фактором социально-экономического развития деревни. К 1 октября 1927 года число сельскохозяйственных кооперативов достигло 64 573, а количество членов в них — 9468,2 тысячи.[2] По объему хозяйственных операций и глубине охвата своим обслуживанием различных сторон производственной деятельности крестьянских хозяйств советская сельхозкооперация намного превзошла дореволюционную.

Нет сомнения в том, что такое массовое и разветвленное движение, каким явилась сельскохозяйственная кооперация, не могла не оказывать определенного влияния на все стороны жизни деревни, в том числе и на эволюцию ее социальной структуры. Выяснение характера и пределов этого влияния как в условиях капитализма, так и на первых этапах социалистического строительства (до развертывания массового колхозного движения) представляется весьма актуальным как в принципиальном, так и в практическом отношениях.

Источниковедческая база для исследования выдвинутой проблемы весьма ограничена.[3] Имеющийся фактический ма-

---

[1] Преобладающей формой сельскохозяйственной кооперации в России была кредитная, она объединяла около 10 миллионов членов. Остальные — объединились сельскохозяйственными товариществами и обществами, маслодельными артелями.

[2] «Сеть сельскохозяйственной кооперации СССР. (Сборник статистических материалов)» М., 1929, стр. 45—80. Число членов указано без учета участия отдельных членов в двух или более кооперативах.

[3] По дореволюционной кооперации некоторые материалы по интересующим нас вопросам извлечены из следующих работ: «Кооперация на Всероссийской выставке 1913 года в Киеве», Киев, 1914; «Опыт исследо-

териал носит локальный характер, не содержит многих элементов, необходимых для выяснения сущности интересующих нас процессов. Это не позволяет сделать обобщающие выводы. Излагаемые ниже положения выдвигаются лишь в порядке постановки вопроса и выяснения главных направлений, в которых данная проблема должна исследоваться.

2. Фактические данные о развитии дореволюционной сельскохозяйственной кооперации показывают несостоятельность выводов мелкобуржуазных теоретиков кооперации об антикапиталистической направленности характера ее деятельности, о ее способности в условиях буржуазного строя обеспечить мирную эволюцию деревни к социализму.

Абсолютное и относительное возрастание середняцкой прослойки в кооперации, отмечавшееся в последнее предреволюционное десятилетие, явилось следствием быстрого роста численного состава кооперации за счет массового вступления середняков. Более высокая средняя имущественная обеспеченность членов кооперации по сравнению с некооперированным населением отражала факт более интенсивного участия в ней состоятельных слоев деревни. (Коэффициент участия в кооперации повышался по мере повышения имущественного положения крестьянских хозяйств). Объективный анализ всех сохранившихся данных о развитии дореволюционной сельскохозяйственной кооперации показывает, что в рамках кооперативного движения происходили те же социальные процессы, что и среди некооперированных крестьян. Развитие сельскохозяйственной кооперации не приостанавливало и не изменяло характера происходившей в деревне социальной дифференциации.

3. Хотя характер и направление социальной эволюции крестьянских хозяйств не изменились после вступления их в кооперацию, последняя оказывала все же некоторое влияние на темпы этой эволюции.

Крайний недостаток фактического материала не позволяет точно определить размеры этого влияния. Тем не

вания значения кооперативов», Владимир, 1915; «Кооперация в Уфимской губернии» Вып. 1—2, Уфа, 1913, 1914 и др. По кооперации периода нэпа некоторые сведения содержатся в исследованиях НК РКИ: «Сборник материалов о социальном составе членов кооперации, органов управления, о роли и удельном весе групп в кооперативной работе». М., 1926; «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства». М.-Л., 1928.

менее, при сопоставлении данных об эволюции социальной структуры всей деревни и ее кооперированной части удается заметить некоторые особенности эволюции хозяйств, состоявших длительное время членами кооперативов:

а) Середняцкая прослойка в кооперации оказывалась несколько более устойчивой.

Выделение бедноты происходило несколько медленнее, чем среди некооперированных середняков.

б) Части бедных крестьян — членам кооперации удавалось благодаря кредиту и другим кооперативным благам сохранить свое хозяйство от разорения, а иногда и подняться на более высокую имущественную ступень.

в) Зажиточные и кулацкие элементы в кооперации присваивали себе значительную часть кооперативных благ, используя их в качестве дополнительного источника накопления и обогащения. Тем не менее, общий размер получаемых доходов от кооперации не был столь значительным, чтобы он мог стать решающим фактором кулацкого накопления. Кроме того, степень эксплуатации верхними слоями низших в кооперации не была выше, чем степень кулацкой эксплуатации бедняко-середняцких масс вне ее. Все это позволяет предположить, что степень кулацкого накопления в кооперативах не была выше, чем вне ее, а возможно, и несколько ниже.

г) В районах массового развития кооперации удавалось в некоторой степени ослабить разлагающее воздействие кулацко-ростовщического капитала на крестьянские хозяйства, уменьшить ростовщический процент, сделать более доступным сельскохозяйственный кредит для середняков и отчасти для бедняков.

д) В тех районах, где происходило общее падение состоятельности всех крестьянских хозяйств,[4] для кооперированных — темпы падения были меньшими, чем для не состоявших в кооперации хозяйств.

Описанные выше особенности могут быть в целом оценены как тенденция к уменьшению темпов социального расслоения для части кооперированных крестьянских хозяйств, главным образом для середняцкой части. Такая оценка под-

[4] На такой процесс указывает, например, обследование кооперативов во Владимирской губернии (см. «Опыт исследования значения кооперативов». Владимир, 1915).

тверждается и фактом массового вступления крестьян в сельскохозяйственные кооперативы, имевшие место в последнее десятилетие до октябрьской революции. Видимо, возможность в некоторой степени укрепить свое хозяйство перед угрозой обеднения и пролетаризации была одним из стимулирующих факторов быстрого роста кооперации за счет середняков.

4. В первые годы новой экономической политики, когда сохранялись факторы, питавшие процесс социального расслоения в деревне, сельскохозяйственная кооперация (здесь не рассматриваются высшие формы кооперации — колхозы) также не могла ни приостановить, ни изменить характера этого процесса. Однако, тенденция к уменьшению темпов социального расслоения, проявившаяся в дореволюционной кооперации лишь в зачаточном состоянии, получает новое содержание и постепенно начинает играть нивелирующую роль в процессе социального развития деревни. Кооперация становится важным фактором в укреплении бедняцко-середняцких хозяйств, в их борьбе против кулацкой эксплуатации. (Последнее, конечно, не исключает того, что кооперация продолжает служить одним из источников социального расслоения в деревне, обогащения зажиточно-кулацкой части).

Новая роль кооперации в социальном развитии деревни вызвана действием всей совокупности экономических и политических условий, возникших после установления диктатуры пролетариата, — аграрные преобразования и изменение соотношения социальных групп в деревне, аграрная, налоговая и кредитная политика Советского государства, классовый и партийный состав руководящих органов кооперации и многие другие.

5. Весьма интересным было бы установить конкретное соотношение двух противоположных процессов — нивелировки и расслоения, происходивших под воздействием сельскохозяйственной кооперации в советской доколхозной деревне.

Проведенное в 1927 году органами НК РКИ обследование динамики развития группы кооперированных и некооперированных хозяйств за 1922—1926 гг.[5] показало, что среди первых произошло весьма существенное сближение по

[5] См. «К вопросу о социалистическом переустройстве сельского хозяйства», стр. 194.

обеспеченности скотом и размером посевной площади. Темпы роста состоятельности низших имущественных групп в кооперации были выше, чем соответствующих групп вне кооперации и более состоятельных членов кооперативов. Ввиду локального характера этого обследования и отсутствия других подобных данных невозможно судить насколько типичны размеры зафиксированных сдвигов. Некоторые косвенные материалы[6] позволяют все же высказать предположение о том, что направление этих сдвигов отражено верно.

Выяснение поставленного здесь вопроса требует выявления и научного обобщения значительного количества нового фактического материала.

Г. П. МУРАШКО

Институт славяноведения
АН СССР

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРИОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Исторические особенности развития капитализма в сельском хозяйстве Чехословакии, промышленный характер страны, экономические перемены в ходе народно-демократической революции обусловили специфику социальной структуры чешской и словацкой деревни. Накануне кооперирования чехословацкая деревня характеризовалась наличием большой группы рабочих, проживающих в деревне и владеющих небольшими участками земли. (В среднем до 2 га). Это так называемые коворольники (рабочие-крестьяне). В годы буржуазной республики хозяйства с наделом до 2 га были поставщиком основной рабочей силы в хозяйствах кулаков и крупных землевладельцев. После победы народно-демократической революции и проведения аграрной реформы происходит значительная трансформация этой группы населения чехословацкой деревни. Развивающаяся бурными темпами промышленность требует рабочих рук.

[6] См. напр., материалы о динамике распределения заемщиков в кооперации по социальным группам за 1923—1925 гг. («Сборник материалов о социальном составе членов кооперации»; стр. 40).

Владельцы небольших участков земли уходят на работу в город на заводы и фабрики, превращаясь таким образом в рабочих. Тяга в город, уход в промышленность характерен и для других групп сельского населения, например,для мелких крестьян (хозяйства от 2—5 га). С другой стороны, в этот же период наблюдается процесс получения земли рабочими и служащими, занятыми в других отраслях народного хозяйства.

К началу 1949 г. количество хозяйств с наделом до 2 га, которые статистика относит к коворольницким, составляет 46,1% всех хозяйств в деревне[1].

В результате проведения аграрной реформы возрос удельный вес середняцких хозяйств. Об этом наглядно свидетельствуют сравнительные данные переписи 1930 и 1949 гг. Количество хозяйства от 5 до 20 га, которые в основном можно считать середняцкими, увеличилось на 18,7%. Этим хозяйствам принадлежало в Чехи 54,9% земли, в Словакии — 44,7%[2].

В группе средних хозяйств следует выделить категорию так называемых «новых середняков», получивших землю в результате аграрной реформы 1945—1948 гг. Эта группа была сосредоточена, главным образом, в Пограничьи.

Социально-экономические перемены в Чехословацкой деревне в 1945—1948 гг. оказали значительное влияние на эволюцию кулацких хозяйств. К этой группе относились в основном хозяйства от 20 до 50 га. В чешских землях к 1949 г. им принадлежало 13,6% пахотной земли, в Словакии 5,9%[3]. Экономика этих хозяйств базировалась на применении наемного труда.

Отлив рабочей силы из деревни в город, происходивший, начиная с 1945 г. очень быстрыми темпами, поставил владельцев крупных земельных наделов в чрезвычайно сложное положение. Недостаток рабочей силы в деревне приводил к тому, что кулацкие хозяйства зачастую оказывались не в состоянии осуществлять расширенное воспроизводство. Но обращая внимания на эту сторону развития кулацких хозяйств в 1945—1948 гг., было бы ошибочно считать их позиции полностью ослабленными. Сила кулаков в Чехословакии заключалась не столько во владении зем-

---

[1] «Statisticky zpravodaj» č 2 1950 s. 46.
[2] «Statisticky zpravodaj» č 2 1950 s. 46.
[3] «Prispevky k dejinam KSČ» č 6 1959 s. 46.

лей, сколько во владении основной массой средств механизации. Поэтому ЦК КПЧ и правительство Чехословацкой республики, проводя политику ограничения и вытеснения капиталистических элементов, проводят в течение 1950 г., мероприятия, направленные на выкуп сельскохозяйственных машин у кулаков.

2. Заинтересованность отдельных групп крестьян в создании кооперативов была различна. Коворольники, видевшие свое главное занятие в других отраслях производства были сторонниками создания машинных кооперативов. Они стремились ликвидировать зависимость от кулаков, к которым вынуждены были обращаться за инвентарем и тяглом. Мелкие крестьяне, стремясь сделать свое хозяйство рентабельным были заинтересованы в создании сбытовой и снабженческой кооперации, т. е. кооперации несвязанной с производством. Середняки, особенно «новые среденяки» испытывали сильный недостаток рабочей силы. Они были заинтересованы в создании машинных кооперативов.

Закон о единых сельскохозяйственных кооперативах, принятый национальным собранием 22 февраля 1949 г. отвечал интересам трудового крестьянства, поскольку он предусматривал, что на первой фазе ЕСХК будут развивать свою деятельность в том направлении, для какого в данной деревне есть наилучшие условия.

3. Первые ЕСХК возникают в Пограничьи, их основную массу составляют «новые середняки». Во внутренних районах страны кооперативы возникают значительно медленнее и концентрируются в основном вокруг промышленных центров, где их основу составляют коворольники, хозяйства которых в большинстве были без рабочих рук и тягла. Во внутренних сельскохозяйственных районах, где удельный вес коворольников был невелик, создание ЕСХК идет слабо. Это объясняется тем, что в хозяйствах мелких крестьян рабочей силы было достаточно, а хозяйства средних крестьян (не новых середняков) имели достаточно средств; в период сезонных работ середняки прибегали к услугам мелких крестьян.

Что касается кулаков, то на первом этапе кооперативного движения, (1949—1951) несмотря на то, что в целом проводилась политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов, кулаки принимались в ЕСХК и даже могли быть членами правления при условии, что на $^4/_5$ правление составляют мелкие и средние крестьяне. Переход

ЕСХК от нисших типов к высшим вызвал усиленное сопротивление кулаков. Поэтому одним из условий укрепления кооперативов стало изгнание из них кулаков, начавшееся в 1951 году.

4. До 1956 г. социальная структура существующих ЕСХК характеризовалась тем, что основную массу их членов составляли коворольники и мелкие крестьяне. Удельный вес хозяйств с наделом до 5 га колебался в период 1951—1956 гг. в пределах 58—60%. Большинство середняцких хозяйств во внутренних районах все еще оставалось за пределами ЕСХК. Опыт показал, что там, где ЕСХК создавались без привлечения середняков, они были более слабыми и значительно медленнее хереходили к принятию уставов III и IV типов.

5. Правительство и ЦК КПЧ правильно понимая, что источник укрепления кооперативов заключается прежде всего в расширении их членской массы и в привлечении в ЕСХК середняка сосредотачивают основное внимание на завоевании середняка на сторону кооперативов. Решающим фактором, доказавшим середнякам преимущества совместного ведения хозяйства, стали производственные успехи ЕСХК особенно наглядно проявившиеся в 1956—1957 гг.

1957—1958 гг. время массового вступления середняков в ЕСХК.

6. Кулачество, как класс, за прошедшие годы было сильно ослаблено политикой ограничения и вытеснения. Уже в 1955 г. в целом по стране кулацкие хозяйства владели лишь 5,5% сельскохозяйственной земли. Много кулацких хозяйств было передано социалистическому сектору. Сами кулаки и члены их семей зачастую переходили на работу в другие отрасли экономики. III съезд ЕСХК принимает решение об изменении примерного устава ЕСХК и внесении в него параграфа, предусматривающегося возможность в порядке исключения принимать кулаков в кооперативы.

7. В 1960 г. процесс социалистической перестройки сельского хозяйства в Чехословакии приближался к завершению. К концу 1959 г. социалистический сектор объединял 85,2% сельскохозяйственной земли и 45,8% крестьянских хозяйств. Такое расхождение между количеством объединенной земли и числом хозяйств вступивших в ЕСХК объясняются наличием большого количеством коворольницких хозяйств, которые составляли большую часть оставшихся единоличников в чехословацкой деревне. Вовлечение этой

группы населения в ЕСХК остается важной задачей и на сегодняшний день, так как это может дать дополнительную рабочую силу в кооперативы.

А. Ф. ЧМЫГА

МГУ

ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНЫХ ХОЗЯЙСТВ В СССР

1. Опыт социалистического переустройства сельского хозяйства в СССР, а так же и в других социалистических странах дает многообразие форм его практического осуществления. В Советском Союзе коллективные хозяйства возникали и развивались в трех формах: коммуна, артель и товарищество по общественной обработке земли (тоз.). Основное отличие каждой из форм определялось уровнем обобществления средств производства. В коммуне обобществлялись все средства производства. Коммунар не имел личного подсобного хозяйства. В артели были обобществлены лишь основные средства производства: земля, рабочий скот, инвентарь. У члена артели сохранялось личное подсобное хозяйство: двор с жилыми хозяйственными постройками, мелкий инвентарь, приусадебный участок, продуктивный скот и птица. В тозе в основном была обобществлена земля, которая обрабатывалась коллективно. Уровень обобществления средств производства был незначительным.

Многообразие форм колхозов объясняется творческим характером их образования в недрах самого крестьянства и неоднородным социальным составом последнего. Коммуна — высшая форма колхоза — наиболее соответствовала стремлениям беднейшей по социальному составу и самой передовой по мировозрениям части крестьянства, артель — средняя форма — более широким слоям бедноты и среднего крестьянства, тоз — низшая форма колхоза — в большей мере, чем первые две формы, привлекала среднее крестьянство. Это подтверждается социальным составом каждой из этих форм колхозов.

2. Относительно форм зарождения колхозного движения высказываются различные точки зрения. Одна часть исследователей (И. А. Конюков, В. М. Селунская, Т. А. Ремезова, В. Н. Яковцевский, П. И. Лященко) считает, что колхозное движение зарождается преимущественно в форме

коммун, что в 1918 году преобладали коммуны. Другая часть (М. А. Рубач, С. Н. Родионов, Б. Р. Копылов, Ю. В. Фулин и др.) приводит доказательства того, что в 1918 году преобладали не коммуны, а более простые формы колхозов — артели и тозы. Выяснение этого вопроса требует более глубокого анализа обобщенных данных Наркомзема о колхозах в 1918 году, отношения к их различным формам Наркомзема, земельных органов и крестьян, выяснения самого понятия «коммуна» в первый год колхозного движения.

До середины 20-х годов среди колхозов преобладала артель. Со второй половины 20-х годов происходит снижение удельного веса артелей и коммун и возрастание удельного веса тозов. Однако при этом и во второй половине 20-х годов продолжается численный рост коммун и артелей. На изменение соотношения форм колхозов в 1927—1929 гг. оказывает влияние усиление колхозного движения.

3. Формы оплаты труда и распределения доходов в коммунах, артелях и тозах отличались большим разнообразием. Различным был размер отчислений от доходов на развитие общественного хозяйства в каждой из форм колхоза. При распределении доходов по разному учитывались объединенные средства производства членов колхозов.

Несмотря на различное наименование способов распределения доходов среди членов в различных формах: в коммунах — «по потребности», в артелях — «по едокам», в тозах — «по земле» (в основном), — по существу это был уравнительный способ, дележка всем по-ровну, независимо от количества и качества труда.

Однако способ распределения доходов не был стабильным, на различных этапах колхозного строительства он изменялся. В первые годы Советской власти, особенно в условиях гражданской войны, во всех формах колхозов преобладала уравниловка. По мере экономического укрепления колхозов, появления товарных излишков, стали отчетливей обнаруживаться отрицательные стороны уравниловки, проявляться недовольство со стороны части колхозников этой системой. Шли поиски более приемлемой системы оплаты труда. В колхозах начал постепенно внедряться принцип личной материальной заинтересованности, вводиться нормы выработки, сдельщина. Переход от уравниловки к распределению по труду усиливается во второй половине 20-х годов. Наиболее решительно переходили от уравниловки к внедрению принципа личной материальной заинтересованности

коммуны, за ними шли артели, слабее всего процесс перехода наблюдался в тозах.

Переход от уравниловки к распределению по труду, внедрение сдельщины, не изменяли сущности каждой из форм колхозов, поскольку сохранялось основное их отличие — уровень обобществления средств производства.

4. Уровень обобществления средств производства оказывал существенное влияние на темпы экономического развития коллективных хозяйств. Чем выше форма колхоза — тем выше был процент отчислений от доходов на развитие общественного хозяйства, в неделимые фонды, тем больше был размер и выше удельный вес неделимых фондов в составе обобществленных капиталов, и тем быстрее, следовательно, развивалось общественное хозяйство колхоза. Уровень обобществления средств производства оказывал также существенное влияние на уровень культуры колхозного производства и урожайности колхозных полей.

5. В течение всего периода от возникновения колхозного движения до превращения его в сплошную коллективизацию шло изучение вопроса о наиболее целесообразной форме коллективного хозяйства. Опыт колхозного строительства за предыдущие 12 лет показал, что наиболее приемлемой формой для сплошной коллективизации является артель. Коммуна, которая и до этого не была массовой формой и составляла незначительный удельный вес среди других форм колхозов, тем более не могла быть основной формой колхозного движения в годы сплошной коллективизации. Но это вовсе не значит, что она оказалась будто бы не жизненной, неудачной формой.

Е. В. РУДАКОВ

Москва

ФОРМЫ КООПЕРАТИВНО-КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА В ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Особенности исторических и экономических условий, в которых осуществлялась перестройка сельского хозяйства в европейских социалистических странах предопределили общую характерную черту формирования всех кооперативно-колхозных форм сельскохозяйственных предприятий, выразившуюся в том, что общественное производство в них соз-

дается на основе обобществления использования средств производства, которое постепенно перерастает в обобществление собственности. При этом можно проследить несколько форм хозяйств, различающихся степенью развития общественных отношений.

1. В ряде стран возникают простейшие формы производственной кооперации крестьян при которой создается совместное хозяйство.

К такому типу колхозно-кооперативного хозяйства можно отнести кооперативные группы в Венгрии, товарищества по совместной обработке земли в Румынии, Единые сельскохозяйственные кооперативы II типа в Чехословакии, производственные сельскохозяйственные кооперативы I типа в ГДР.

Особенность формирования хозяйств этого типа состоит в том, что обобществляется пользование не всей землей, а только часть ее. В Румынии вступающий в товарищество крестьянин сам определял размеры земли, которую он внёс для совместной обработки. В производственных кооперативных группах Венгрии и кооперативах I типа в ГДР объединялась только пахотная земля. Также происходило обобществление земли в ЕСХК II типа Чехословакии.

По степени обобществления землепользования к этому же типу хозяйств можно отнести и кооперативы II типа в ГДР, где совместно используется только пашня, но сельскохозяйственный инвентарь и рабочих скот в этом типе хозяйств обобществляется более полно чем в других хозяйствах подобного типа.

Простейший тип кооперативного хозяйства характеризуется не только частичным обобществлением землепользования, но и частичным обобществлением использования других средств производства, на которые также сохраняется частная собственность крестьян, вступивших в хозяйство. Так, в производственных кооперативных группах Венгрии для совместного использования объединяется лишь тот инвентарь и рабочих скот, которые необходимы для ведения полеводства, в кооперативах I типа в ГДР и ЕСХК II типа в Чехословакии объединяются те средства производства, которые необходимы для совместной обработки пашни.

Поскольку совместное использование и земли и других средств в кооперативах этого типа носят частичный характер, то и в общественное хозяйство вовлекаются не все отрасли, а только полеводство или растениеводство в целом,

животноводство же ведется на частной основе каждым крестьянином, вступившим в кооператив.

Несмотря на частичный характер обобществления средств производства и хозяйства в кооперативах этого типа уже возникает обществленная собственность. Так, в производственно-кооперативных группах Венгрии до 10% чистого дохода ежегодно направляется на общественные капиталовложения — возведение построек или приобретение машин. В кооперативах I и II типа в ГДР в неделимые фонды ежегодно вносится от 8 до 15% денежных доходов, в ЕСХК II типа в Чехословакии создается инвестиционный фонд, который затем заменяется неделимым. Определенная часть доходов направляется и на пополнение основного фонда в товариществах по совместной обработке земли в Румынии.

Поскольку основой ведения общественного хозяйства являются средства производства, находящиеся в частной собственности, переданные только в пользование коллективу, постольку и при распределении доходов значительное место занимает распределение по земле или по внесенному в хозяйство имуществу. Так, в производственных кооперативных группах Венгрии до 60% доходов распределяется по размерам внесенного имущества, в кооперативах I типа в ГДР до 40% доходов распределяется по количеству и качеству земли, в товариществах по совместной обработке земли в Румынии по количеству и качеству внесенной земли распределяется до 30—40% доходов,поступающих в личное потребление.

Частичный характер обобществления использования земли, средств производства и ведения хозяйства обуславливает и то, что хозяйство, которое продолжает вести вступивший в кооператив крестьянин, сохраняет частный характер, т. к. в нем остается значительная часть основных средств и производится существенная доля продукции, которую крестьянин реализует и распределяет частным порядком.

II. В процессе кооперирования возникает и более развитая форма колхозно-кооперативного хозяйства, в которую можно отнести трудовые кооперативные земледельческие хозяйства — ТКЗХ Болгарии, производственные кооперативы Венгрии, производственные кооперативы III типа в ГДР, колсельхозы Румынии, единые сельскохозяйственные коопе-

ративы III и IV типа в Чехословакии, кооперативы высшего типа в Польше.

При сохранении частной собственности в них происходит полное обобществление землепользования, за исключением небольших приусадебных участков, размеры которых строго определяются уставами.

Полностью обобществляются и прочие основные средства производства крестьянских хозяйств за исключением части мелкого инвентаря, продуктивного скота и приусадебных хозяйственных построек, остающихся в личном подсобном хозяйстве. Размеры этих средств производства также определяются уставами.

Отличительной чертой этого типа кооперативно-колхозных хозяйств является то, что основные средства производства (за исключением земли) при организации коллективного хозяйства объединяются не для совместного использования, а передаются в собственность кооператива. Общественное производство в хозяйствах такого типа базируется не только на общественном использовании земли, остающейся в частной собственности, но и на использовании средств производства, являющихся общественной кооперативной собственностью.

Коллективное хозяйство становится основной формой ведения производства, а остающееся в распоряжении каждого члена кооператива подсобное хозяйство теряет частный характер и уже не противостоит общественному хозяйству, а является дополнением к общественному хозяйству. В связи с тем, что общественное хозяйство таких кооперативов ведется на земле, составляющей частную собственность крестьян, при распределении личных доходов учитывается количество и качество внесенной земли. Но доля доходов, распределяемых по земле в этом типе хозяйств и в начале их организации не превышает 20—25%.

III. В процессе кооперирования возникает и такая форма общественного хозяйства, при организации которого обобществляется собственность не только на средства производства, но и на землю. Такая особенность формирования производственных кооперативов позволяет выделить их в особый тип кооперативно-колхозного хозяйства.

Формирование этого высшего для европейских социалистических стран типа кооперативно-колхозного хозяйства происходит несколькими путями. Так, например, в Албании

уже в процессе организации производственных кооперативов земля объединялась не для совместного использования, а передавалась в общественную собственность кооператива, в связи с передачей земли в коллективную собственность в кооперативах не производится и распределения доходов по земле. Хозяйства этого типа возникают и в результате развития и укрепления менее развитой формы общественного хозяйства, опирающегося на обобществление землепользования, которое постепенно перерастает в обобществление собственности на нее. Так произошло с развитием колсельхозов Румынии.

Процесс постепенного перерастания в высшую форму кооперативно-колхозного хозяйства произошел в ТКЗХ Болгарии, где в процессе организационно-хозяйственного укрепления постепенно уменьшалась доля распределения доходов по земле, а затем по решению общих собраний кооперативы перешли к распределению доходов только по труду.

С прекращением распределения доходов по земле фактически прекращается и экономическая реализация права частной собственности на землю, внесенную в кооператив. И хотя юридически земля еще продолжает оставаться частной собственностью отдельных членов кооператива, экономически она превращается в общественную собственность.

Кооперативно-колхозное хозяйство, опирающееся на общественную собственность на землю и другие основные средства производства является наиболее близким к колхозной форме хозяйства, существующей в Советском Союзе.

Анализ кооперативно-колхозных форм хозяйства, сложившихся в процессе кооперирования в европейских социалистических странах показывает, что в процессе преобразования деревни используется ряд промежуточных форм общественного хозяйства, которые постепенно совершенствуются, преобразуются в более развитые. В этом проявилось не только воздействие сохранения частной собственности на землю, на процесс социалистического строительства в деревне, но и более глубокой дифференциации крестьянства в ряде стран, где до установления народной власти капиталистические отношения довольно сильно проникли в сельское хозяйство.

В. В. МАРЬИНА

Институт славяноведения
АН СССР

ФОРМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КООПЕРИРОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДЕРЕВНИ

Своеобразие форм социалистического кооперирования чехословацкой деревни было связано с особенностями ее исторического развития и в первую очередь с глубокими традициями кооперативного движения. Уже до войны сельскохозяйственная кооперация по линии сбыта и снабжения охватывала почти все сельскохозяйственное производство. Основная масса кооперативов была сосредоточена в чешских областях. Кооперативное движение в буржуазной Чехословакии находилось под руководством финансового капитала и служило прежде всего его интересам. Характерной чертой кооперативного движения была его раздробленность по национальному и политическому признакам, помогающая буржуазии держать его в своих руках. В годы войны буржуазное руководство сельскохозяйственной кооперации поставило ее полностью на службу фашистским оккупантам.

После окончания войны КПЧ начала борьбу за очищение кооперативного движения от предателей и коллаборантов, за демократизацию и объединение его. Коммунисты требовали предоставления каждому члену кооператива одного голоса независимо от того, сколько у него паев, снижения членского паевого взноса до минимальных размеров. Борьба за объединение кооперативов закончилась в июле 1948 г. созданием Центрального Совета кооперативов — высшей организации чехословацкого единого кооперативного движения. В 1945—1948 гг. происходил бурный рост кооперативов. Число их выросло с 10594 до 14381, а число членов в них — с 3177 тыс. человек до 4264 тыс. (на 34,3%). Членская база кооперативов значительно расширилась за счет вступления в них мелких и средних крестьян.

Быстро росло число сбытово-снабженских кооперативов, кооперативов по обработке сельскохозяйственных продуктов и других ранее существовавших видов кооперативного движения. Кроме этого после 1945 г. стали бурно развиваться кооперативы нового типа: машинные кооперативы и кооперативы по электрификации деревни. Членами их были в основном трудящиеся крестьяне и КПЧ уделяла особое

внимание поддержке и развитию именно этих кооперативов. Число машинных кооперативов с 161 в 1937 г. выросло до 4113 в 1948 г., а число их членов увеличилось соответственно с 5453 чел. до 98 000 чел. Число кооперативов по электрификации деревни выросло с 1517 с 95512 членами в 1937 г. до 2127 со 160 000 членами в 1948 г. Значение этих двух новых типов кооперативов состояло в том, что они на практике убеждали крестьян в выгодах механизации, в преимуществах совместного использования машин, прививали крестьянам навыки коллективного труда.

В 1945—1948 гг. в Чехословакии появились и первые производственные кооперативы. В 1946 г. их было 24 с 406 членами. Большая часть их возникла в результате передачи имений крупных землевладельцев бывшим батракам этих имений. Меньшая часть производственных кооперативов возникла путем объединения крестьянских хозяйств. Некоторые из первых производственных кооперативов достигли неплохих экономических результатов.

Бурный рост кооперативов в 1945—1948 гг., значительное расширение их членской базы за счет трудящегося крестьянства свидетельствовали о том, что возможности развития непроизводственной кооперации в Чехословакии далеко не исчерпаны. После победы трудящихся над буржуазией в феврале 1948 г. КПЧ продолжала курс на поддержку и дальнейшую демократизацию кооперативного движения, видя в этом главное звено в цепи поисков путей социалистического преобразования деревни. К началу 1949 г. в чешских землях было 7775 с/х кооперативов с 347 289 членами, а в Словакии 256 кооперативов с 29 472 членами. 23 февраля 1949 г. был принят закон о Единых сельскохозяйственных кооперативах (ЕСХК). Создание ЕСХК явилось крупным шагом на пути к социалистическому кооперированию деревни. Согласно закону деятельность ЕСХК по существу не отличалась от деятельности старых объединяющихся кооперативов; к ЕСХК переходили все права и обязанности последних. Первый устав ЕСХК допускал в кооперативы кулаков. В чешских областях массовую базу возникающих ЕСХК составили машинные кооперативы и кооперативы по электрификации деревни. В Словакии ЕСХК, как правило, создавались заново. Из 2098 ЕСХК, которые имелись в Чехословакии в конце 1949 г., 1157 возникли путем объединения или преобразования существующих кооперативов, в т. ч. 817-ти машинных кооперативов, 272-х кооперативов по элек-

трификации и механизации. От первоначальных непроизводственных форм своей деятельности ЕСХК постепенно начали переходить к производственной деятельности, организуя совместную уборку урожая, а затем совместный сев и проведение полевых работ.

В течение 1949—1950 гг. в стране было создано 7110 ЕСХК и Подготовительных комитетов. Существовали ЕСХК 4-х типов, которые отличались друг от друга степенью обобществления основных средств производства и распределением доходов. В конце 1950 наиболее многочисленными были кооперативы 2-го типа (I — 26,5%, II — 42,5% III — 28,4%, IV — 2,6%), члены которых организовывали совместную обработку земли при распаханных межах, а урожай делили в зависимости от размеров своих земельных участков. В 1951 г. темпы кооперирования значительно замедлились, однако бурно шел процесс перехода от низших типов ЕСХК к высшим. Наиболее многочисленными стали уже ЕСХК III типа, где были объединены земля и скот, а доходы в большей части делились согласно затраченного труда и в меньшей части в зависимости от размеров земельного участка. В кооперативах IV типа распределение доходов велось только по труду. ЕСХК III и IV типа можно уже характеризовать как социалистические сельскохозяйственные кооперативы.

В 1952 г. было принято постановление КПЧ и правительства Чехословакии об укреплении и дальнейшем развитии ЕСХК, которое оказало большое влияние на ход кооперирования чехословацкой деревни в последующие годы. Постановление подчеркивало необходимость создания новых ЕСХК во внутренних наиболее плодородных районах страны, где социалистическое кооперирование деревни до этого шло более медленно, и ориентировало крестьян на преимущественное создание ЕСХК высших типов. Непосредственным результатом принятия постановления было форсирование темпов кооперирования без достаточной экономической и политической его подготовки. Затем последовал спад и стагнация в развитии социалистического кооперирования деревни, которые продолжались до середины 1955 г. За эти годы из ЕСХК II—IV типов вышло 37% крестьянских хозяйств. Наиболее крепкими оказались ЕСХК IV типа, где сокращение числа хозяйств составило 19,5%; из кооперативов III типа вышли 31% хозяйств, в ЕСХК II типа осталось лишь 8,8% хозяйств. Число ЕСХК IV типа уменьшилось за этот период на 4%, III типа — на 10%, из числа ЕСХК II ти-

па осталось только 16%. Общее сокращение числа кооперативов II—IV типов составило 21%.

В 1953 г. и последующие годы коммунистическая партия и правительство Чехословакии осуществляют ряд мер по организационно-хозяйственному и политическому укреплению ЕСХК, по устранению ошибок в проведении социалистического кооперирования деревни. Результатом этого был новый подъем кооперативного движения во II половине 1955 г. На завершающем этапе социалистического кооперирования основной формой возникающих ЕСХК стали кооперативы высших типов. В конце 1958 г. ЕСХК III—IV типа по количеству составляли 99,4% всех ЕСХК, ЕСХК II типа — 0,6%. ЕСХК I типа, число которых в 1951—1955 гг. постоянно сокращалось, после 1955 г. уже не возникали.

Сравнение форм социалистического кооперирования в Советском Союзе и Чехословакии позволяет сделать вывод, что ЕСХК высшего типа в Чехословакии сходны по своему существу с колхозами, хотя и имеют ряд особенностей по сравнению с последними. ЕСХК II типа соответствовали примерно товариществам по совместной обработке земли (ТОЗ'ам), которые явились главной формой социалистического кооперирования советской деревни на начальном его этапе.

Т. А. ПОКИВАЙЛОВА

Институт истории
АН СССР

РАЗВИТИЕ ФОРМ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО КООПЕРИРОВАНИЯ В РУМЫНСКОЙ ДЕРЕВНЕ 1948—1962 ГГ.

1. В Румынии производственное кооперирование крестьянства началось вскоре после проведения демократической аграрной реформы 1945 г., главным результатом которой была конфискация помещичьей земли и наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. Конфискованная земля в основном была передана в частную собственность крестьянства и лишь частнично отошла в государственный резерв. Развитие процесса производственного кооперирования крестьян в Румынии в условиях отсутствия национализации земли, при сохранении частной собственности крестьян на землю оказало определенное

влияние на темпы и формы социалистического преобразования сельского хозяйства в стране.

2. Осенью 1948 г. и весной 1949 г. после образования в стране первых МТС крестьяне в радиусе действия МТС сводили свои земли в общий массив для обработки их сельскохозяйственными машинами. Группы по совместной обработке земли создавались по принципу соседства, родства, кумовства или знакомства. Кроме того в селах возникали различные объединения крестьян для совместного возделывания технических культур, овощей, для выращивания скота, использования ирригационных установок и т. д.

Однако эта ценная инициатива крестьянства не была поддержана государственными и партийными органами.

3. Начиная с 1949 года, в селах Румынии создаются коллективные сельские хозяйства (по типу колхозов в СССР). По уставу крестьяне, вступившие в коллективные сельские хозяйства, передавали землю, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь в общественную собственность. Все работы выполнялись сообща и доходы распределялись по труду. Таким образом, производственное кооперирование крестьянства шло в 1949—1925 гг. по линии создания кооперативов высшего типа. В первый год коллективные сельские хозяйства создавались в очень ограниченном количестве по желанию крестьянства только при наличии достаточных материально-технических условий (помощь государства, близлежащая МТС, госхоз и т. д.). Кроме обобществленных крестьянских земель, в пользование коллективных сельских хозяйств выделялись земли из государственных фондов. Образование каждого коллективного сельского хозяйства утверждалось ЦК РРП (ныне Румынской коммунистической партии). В них вступали в основном малоземельные и безземельные крестьяне (в 1950 году 68,7%). В 1950—1952 годах были предприняты попытки форсировать темпы создания коллективных сельских хозяйств, хотя для этого в стране не было достаточных материально-технических предпосылок и крестьянство в основной массе не было готово к переходу на путь коллективизации. Это привело к серьезным ошибкам и трудностям в кооперативном движении.

4. Характерной чертой кооперирования крестьянства после 1952 года было широкое использование промежуточных видов производственной кооперации, особенно сельскохозяйственных товариществ.

В начальный период социалистического преобразования сельскохозяйственные товарищества по совместной обработке земли были наиболее доступной и приемлемой формой кооперирования для огромной массы трудящихся крестьян. В сельскохозяйственных товариществах крестьяне оставались собственниками своей земли, рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Они могли объединить для совместной обработки только часть земли. Межи распахивались, а основные сельскохозяйственные работы выполнялись сообща. Распределение доходов велось по количеству и качеству объединенной земли, а помощь одних членов товарищества другим оплачивалась по тарифам, установленным крестьянами на общем собрании.

В Румынии поворот крестьянства на путь кооперирования произошел в основном через низшие типы производственного кооперирования-сельскохозяйственные товарищества. В 1958 году сельскохозяйственные товарищества охватывали 75% семей крестьян, объединившихся в кооперативы, и занимали около 60% сельскохозяйственной площади, принадлежавшей кооперативному сектору. Число сельскохозяйственных товариществ составляло 80% от числа всех кооперативов. Середняки составляли основную массу крестьянства, объединившегося в кооперативы такого вида. (В 1956 г. — 63,3%). Широкое использование сельскохозяйственных товариществ обеспечило постепенность процесса кооперирования.

В 1956 году в селах Румынии появились производственные кооперативы с рентой. В таких кооперативах крестьяне объединяли для совместного использования все земли, основные сельскохозяйственные орудия, рабочий скот, а все работы выполнялись сообща. Примерно 25—30% доходов делилось по количеству земли, а остальные по труду. Однако можно сказать, что эта форма кооперирования крестьян не получила широкого распространения в селах Румынии. За период 1956—1958 годов было создано всего 122 производственных кооперативов с рентой. К 1960 году число их сократилось до 30, а остальные были преобразованы в коллективные сельские хозяйства.

В 1959—1960 годах начался массовый поворот крестьянства к высшей форме кооперирования — коллективным сельским хозяйствам. Переход крестьянства к коллективным сельским хозяйствам определялся рядом объективных условий: созданием материально-технической базы в сель-

ском хозяйстве, организационно-хозяйственным укреплением коллективных сельских хозяйств, на практике выявивших преимущества крупного общественного хозяйства. Организационно-хозяйственное укрепление коллективных сельских хозяйств усилило приток в них середняка.

В 1959—1960 годах переход крестьянства к высшей форме кооперирования особенно быстро проходил в основных зерновых районах. В 1960—1961 годах этот процесс охватил всю страну.

Шел процесс массового преобразования сельскохозяйственных товариществ в коллективные сельские хозяйства. Экономическое развитие сельскохозяйственных товариществ, рост общественной собственности и улучшение организации труда — таковы внутренние процессы, происходившие в них, которые приближали крестьянство к высшей форме кооперирования. В результате положительного опыта, накопленного коллективными сельскими хозяйствами, сельскохозяйственные товарищества в одних случаях преобразовывались в коллективные сельские хозяйства, а в других — крестьяне из кооперативов такого типа вступали в существующие коллективные сельские хозяйства. 90% крестьянских семей, вступивших в коллективные сельские хозяйства, пришло из с/х. товариществ.

Переход крестьянства от мелких частнособственнических хозяйств к крупному коллективному хозяйству был завершен в Румынии весной 1962 года. К этому времени социалистический сектор в сельском хозяйстве охватывал 96% пахотных земель и 93,4% сельскохозяйственных площадей. В коллективных сельских хозяйствах было объединено 3 201 000 крестьянских семей.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

Ю. Ю. Кахк (Институт истории АН ЭССР), С. Я. Боровой, Г. П. Жидков, П. Г. Козловский, В. В. Чепко, А. С. Кациевский, и др. К вопросу о зависимости интенсивности и форм антифеодальной борьбы крестьянства от основных тенденций развития феодальной экономики и степени эксплуатации крестьян 5

Х. Х. Круус (Институт истории АН ЭССР). Краеведческое изучение аграрной истории сельского микрорайона 19

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПЕРВОЙ СЕКЦИИ

«Развитие сельскохозяйственного производства (XVI — начало XX вв.)»

Н. А. Горская (Институт истории АН СССР). Системы ведения полевого земледельческого хозяйства в центре Русского государства второй половины XVI в. 27

Л. А. Молчанова (Институт искусствоведения, этнографии и фольклора Министерства культуры БССР). О системах земледелия в Белоруссии в XIX столетии 29

В. М. Слободин (Всесоюзный научно-исследов. институт зернового хозяйства). О кризисе трехполья в России в XIX веке . . 32

В. М. Суринов (Архив АН СССР). Системы земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования 35

С. А. Секиринский (Крымский педагогический институт). К вопросу об урожайности зерновых культур в Таврической губернии с начала XIX до начала XX в. 37

В. А. Селезнев (Ленинградский гос. университет). К вопросу о факторах, влияющих на состояние урожайности крестьянского хозяйства С.-Петербургской губернии во второй половине XIX в. 40

И. Я. Фадеев (Московский педагогический институт). Из истории орошения на юге Европейской России в 70—80-х годах XIX в. 42

Я. С. Мельничук (Ивано-Франковский педагогический институт). Орудия земледелия на Прикарпатье в XVII—XVIII вв. . . . 45

П. П. Теличук (Киевский институт народного хозяйства). Техника сельского хозяйства и организация труда на Украине накануне реформы 1861 г. 47

З. Д. Ясман (Гос. Исторический музей, Москва). Предприятие братьев Бутеноп в Москве по производству сельскохозяйственных машин и помещичье хозяйство в первой половине XIX в. . . 50

Е. Н. Гуменюк (Львовская гос. научная библиотека). Помещичий фольварк как сельскохозяйственное предприятие в начале 1870-х годов в Галиции 54

М. И. Козин (Институт истории АН Латвийской ССР). Специализация Латвии на молочном животноводстве (1860-е годы — 1914 г.) 57
Л. Балевица (Институт истории АН Латвийской ССР). О структуре и доходности дворянских имений Лифляндской губернии накануне первой мировой войны 60
Д. И. Будаев (Смоленский педагогический институт). Фонд дворянского банка, как источник по аграрной истории России конца XIX — начала XX вв. 62

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ВТОРОЙ СЕКЦИИ

«Категории сельского населения в их историческом развитии (XIV — начало XX в.)»

А. А. Зимин Институт истории АН СССР). Холопы на Руси XIV—XV вв. 69
В. И. Корецкий (Институт истории АН СССР). Сельское бобыльство в России и процесс закрепощения 71
П. А. Колесников (Вологодский педагогический институт). Динамика сельского населения и сельских населенных пунктов севера Европейской России в XVI—XIX вв. 73
З. А. Огризко (Институт музееведения, Москва.) Кто такие сильные, горланы и ябедники в черносошной деревне XVII в. . . 76
Я. Е. Водарский (Институт истории АН СССР). Размещение крестьян в России во второй половине XVII в. 77
Ю. А. Тихонов (Институт истории АН СССР). Боярские и дворянские владения России XVII — начала XVIII вв. по отказным и отписным книгам поместного приказа 78
А. М. Карпачев (Институт истории АН БССР). О земском землевладении мещан в Белоруссии XVII—XVIII вв. (К вопросу о владении мещанами имениями в Речи Посполитой). 80
А. И. Комиссаренко (Московский историко-архивный институт). Половничество на Вятке в первой половине XVIII в. 83
В. А. Романовский (Ставропольский педагогический институт). Крестьяне ранговых имений в Левобережной Украине в XVIII в. 86
А. А. Кондрашенков (Курганский педагогический институт). Сельское хозяйство приписных крестьян Зауралья в XVIII в. . 88
С. А. Чекменев (Пятигорский педагогический институт). Развитие хуторского хозяйства на Кубани и Ставрополье в конце XVIII — первой половине XIX вв. 92
В. А. Федоров (Московский гос. университет). Барщина и оброк в центрально-промышленных губерниях России в первой половине XIX в. 94
Г. Н. Губенко (Крымский педагогический институт). К вопросу о классовом расслоении крестьянства в Крыму в конце XIX — начале XX века 98
В. П. Панютич (Институт истории АН БССР). Движение заработной платы сельскохозяйственных рабочих Белоруссии в конце XIX — начале XX вв. 101
Х. Э. Палли (Институт истории АН ЭССР). К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII—XVIII вв. (до ревизии душ 1781—1782 гг.) 106

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ТРЕТЬЕЙ СЕКЦИИ

«Типы и бюджеты крестьянских хозяйств и товарность земледелия (XVII—XX вв.)»

Е. А. Швецова (Центральный Государственный архив древних актов). Бюджет хозяйства дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда в XVII в. 111

Л. П. Мулявичюс (Институт истории АН Литовской ССР). Бюджеты крестьянских хозяйств в Ковенской губ. в начале 70-х годов XIX в. 113

М. А. Вылцан (Институт истории АН СССР). Бюджеты хозяйств колхозников в 1933—1940 гг. 114

Б. Б. Островский (Саратовский гос. университет). Основные черты и тенденции развития бюджета семей колхозников (1950—1964 гг.) 118

Г. П. Строд (Институт истории АН Латвийской ССР). «Железный инвентарь» и его роль в социально-экономическом развитии Латвии во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. . 121

И. И. Фирстов (Мордовский гос. университет). К вопросу о доходности крестьянского земледелия пореформенной Мордовии . . 126

В. И. Мелешко (Институт истории АН БССР). Рыночные связи сельского хозяйства Восточной Белоруссии во второй половине XVII и в XVIII вв. (до воссоединения с Россией) 130

С. М. Троицкий (Институт истории АН СССР). Устюжский хлебный рынок в первой четверти XVIII в. 134

Н. М. Шепукова (ЦГАДА). К вопросу об уровне хлебных цен в Сибири во второй половине XVIII века 137

В. А. Якубский (Ленинградский гос. университет). Споры вокруг соотношения внутреннего и внешнего рынка в фольварочной Польше и некоторые вопросы моделирования 138

В. Ю. Меркис (Институт истории АН Литовской ССР). Экспорт литовской сельскохозяйственной продукции в 1861—1913 гг. . 140

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ЧЕТВЕРТОЙ СЕКЦИИ

«Хозяйственные связи и правовые отношения между крупным и мелким хозяйством в феодальную и капиталистическую эпоху»

М. Я. Лойберг (Киевский институт народного хозяйства), В. Э. Шляпентох (Новосибирский гос. университет). Общие факторы формирования феодальной системы хозяйства в Восточной Европы 145

М. М. Фрейденберг (Великолукский педагогический институт). Эволюция земельного держания в Далматинской Хорватии в XI—XVI вв. 148

Д. М. Драгнев, П. В. Советов (Институт истории АН МССР). Эволюция вотчинной структуры феодального землевладения в Молдавии XV—XVIII вв. 152

Я. Д. Исаевич (Институт общественных наук АН УССР, Львов). Сельские актовые книги как источник по аграрной истории Украины XV—XVIII вв. 157

Е. М. Халмашкеева (Ленинградский гос университет). Фольварк и деревня по Люблинской люстрации 1565 года 160

В. Ф. Инкин (Львовский гос. университет). Наблюдения над дворищем и сельской общиной на волошском праве в Галичине XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии 163
Ю. М. Гроссман (Львовский гос. университет). Привилегии землевладельцев и юридическое положение крестьян Русского и Белзского воеводств XVI — первой половины XVII вв. 165
Е. И. Стецюк (Институт истории АН УССР). Свободные войсковые села на Украине и их закрепощение во второй половине XVII в. 169
А. Э. Лиепинь (Институт истории АН Латвийской ССР). Город Рига как коллективный феодальный землевладелец в XVII в. . 171
А. А. Преображенский (Институт истории АН СССР). Структура земельной собственности в России XVII—XVIII вв. . . . 173
Д. Л. Похилевич, В. Чугай (Львовский госу университет). Лесничество Белоруссии и Литвы в 70—80-г гг. XVIII в. (Производство. Население) 176
И. Г. Шульга (Ужгородский гос. университет). Урбарии — как источник аграрной истории Венгрии 179
В. А. Маркина (Киевский гос. университет). Социальная структура деревни Правобережной Украины в XVIII — начале XIX в. 182
Е. П. Наумов (Институт славяноведения АН СССР). К вопросу о социальной структуре сербской деревни после антифеодального аграрного переворота 184
Б. Г. Литвак (Институт истории АН СССР). Выкупная операция в черноземном центре России 187
Н. Н. Лещенко (Институт истории АН УССР). Реформа 1861 г. в Херсонской губернии по уставным грамотам 191
С. О. Шмидт (Институт истории АН СССР). Вопросы аграрной истории России XVI в. в новейшей советской исторической литературе 195

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ПЯТОЙ СЕКЦИИ

«Классовая борьба в деревне (X — начало XX вв.)»

М. Ю. Брайчевский (Институт истории АН УССР). Антифеодальное восстание 945 года 199
А. Д. Горский (Московский гос университет). «Правые грамоты» XV — начала XVI в. как памятники борьбы крестьян за землю 200
Л. П. Лаптева (Московский гос. университет). Борьба ходов в Чехии против попыток их закрепощения в XVII в. 202
Е. М. Апанович (Институт истории АН УССР). Цели и стремления отдельных классов и различных социальных групп Украины в борьбе за землю по материалам Комиссии 1767 г. 204
М. К. Степерманис (Латвийский гос. университет) Письменные жалобы латвийских крестьян — источник по истории антифеодальной борьбы крестьян в XVIII в. 206
Т. А. Конюхова (Московский гос. университет). Крестьянское движение в государственной деревне Виленской и Ковенской губерний в период реформы Киселева (1840—1857 гг.) 207
К. Г. Каковский (Украинская сельскохозяйственная академия). К вопросу о становлении и укреплении союза рабочих и крестьян Галиции (вторая пол. XIX и начало XX в.) 211
М. С. Волин (Институт истории АН СССР). Сорокалетие крестьянской реформы в русской печати 215

Д. А. Колесниченко. (Институт истории АН СССР). Аграрные программы трудовиков в I думе 219
М. Ф. Лебович (Львовский гос. университет). Аграрная политика буржуазно-коалиционного правительства и крестьянское движение во время буржуазно-демократической революции 1918 г. в Венгрии 223

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ ШЕСТОЙ СЕКЦИИ

«Период социализма»

Ю. А. Мошков (Московский гос. университет). Сплошная коллективизация в СССР и стимулирование сельскохозяйственого производства 229
Ю. Кахк (Институт истории АН ЭССР). О некоторых общих проблемах сравнительного исторического анализа социалистического переустройства сельского хозяйства в Европе 231
Э. Лааси (Институт истории АН ЭССР). Степень активности различных социальных групп крестьянства в Советской Эстонии по объединению в колхозы до периода массовой коллективизации . 237
И. Е. Зеленин (Институт истории АН СССР). Заготовки и цены в государственном секторе сельского хозяйства в 30—40-е годы . 239
И. М. Волков (Московский гос. университет). Рост колхозного производства в годы четвертой пятилетки 244
К. И. Могильницкая (Томский гос. университет). Влияние заготовительных цен на колхозное производство в Западной Сибири в 1953—1958 гг. 246
А. П. Тюрина (Институт истории АН СССР). Сдвиги в социально-профессиональной структуре сельского населения с 1926 по 1959 гг. (по материалам переписей населения). 251
Ю. В. Арутюнян (Институт истории АН СССР). Изучение социальной структуры колхозного крестьянства в СССР 255
В. Е. Щетнев (Краснодарский пединститут). Октябрьская революция и динамика социально-экономической структуры Кубанской станицы (1917—1927 гг.) 257
Л. Е. Файн (г. Джамбул). К вопросу о влиянии сельскохозяйственной кооперации на социальную структуру деревни 260
Г. Н. Мурашко (Институт славяноведения АН СССР). Изменения социальной структуры чехословацкой деревни в период социалистических преобразований сельского хозяйства 264
А. Ф. Чмыга (Московский гос. университет). Формы коллективных хозяйств в СССР 268
Е. В. Рудаков (Москва). Формы кооперативно-колхозного хозяйства в Европейских социалистических странах 270
В. В. Марьина (Институт славяноведения АН СССР). Формы социалистического кооперирования чехословацкой деревни . . 275
Т. А Покивайлова (Институт истории АН СССР). Развитие форм производственного кооперирования в румынской деревни 1948—1962 гг. 278

Сдано в печать 25 VIII 1966 г. Бумага 60×92 1/16. Печатных листов 18,0.
Тираж 1400. Заказ № 633. МВ-08052.

Бесплатно.

Типография Управл. Делами СМ ЭССР, гор. Таллин.

TÜ RAAMATUKOGU
10300013270766

БЕСПЛАТНО

XIII
А-7721